

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

На правах рукописи

**ПРОБЛЕМА СИНОНИМИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И
ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВЫБОР
СИНОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность: 5708.01 – Германские языки

Отрасль науки: Филология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
доктора философии

Соискатель: _____ **Фаталиева Нармина Ариф гызы**

Научный _____ доктор наук по филологии, профессор
руководитель: **Велиева Нигяр Чингиз гызы**

Баку– 2022

СОДЕРЖАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
I ГЛАВА. ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ БЛИЗОСТИ ЗНАЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ВЫБОРЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	12
1.1. Лингво-когнитивные основы номинации языковых единиц	12
1.2. Выбор и множественная номинация	18
1.3. Синонимы, синонимия и синонимичность: традиционный подход	28
1.4. Проблема близости значения: когнитивно-прагматический подход	33
1.5. Роль семантико-стилистических различий между синонимами в их выборе	44
II ГЛАВА. СОЦИО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР СИНОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	54
2.1. Детерминированность выбора языковых единиц социально- демографическими параметрами	54
2.2. Влияние общественно-социальных факторов на выбор синонимов: анализ классовых диалектов	62
2.3. Роль процессов глобально-общественных перестроек в выборе синонимов: анализ заимствований	72
2.4. Влияние общественно-культурных установок на выбор синонимов: анализ на уровне эвфемизмов	82
III ГЛАВА. ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВЫБОР СИНОНИМОВ	94

3.1. Роль прагматических факторов в выборе слов и синонимических единиц в языке СМИ	94
3.2. Анализ лингво-прагматических факторов выбора синонимических средств в дискурсе	103
3.3. Анализ фактора интенции отправителя в политическом дискурсе	116
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	130

ВВЕДЕНИЕ

Данная диссертация посвящена изучению обоснованности выбора синонимов в английском языке. Особое внимание уделяется анализу выбора синонимов отправителем сообщения для передачи его языковой интенции и влияющих на него лингвистических и экстралингвистических факторов.

Актуальность темы и степень разработанности. В настоящее время развивается новая научная парадигма – антропоцентрическая лингвистика, силы которой направлены на выявление роли не только языковых, но и внеязыковых факторов в образовании и выборе лингвистических единиц в языке. Современная когнитивная лингвистика признает, что на функционирование языка помимо языковых факторов, огромное воздействие оказывают также факторы неязыкового характера. Другими словами, лингвистическая информация, которая содержится в структуре слова, обнаруживается в связи слова с другими явлениями языка. Синонимия является многофункциональным явлением и охватывает различные сферы использования языка. Функции синонимов настолько широки, что выходят за пределы обычных лингвистических возможностей и, с каждой новой реализацией выбора, у синонимов выявляются все больше и больше новых прагматических и когнитивно направленных свойств.

Таким образом актуальность темы определяется повышенным интересом к изучению когнитивной и лингвопрагматической обоснованности выбора языковых единиц в современной когнитивной лингвистике. Известно, что в значении слова могут отображаться различные аспекты окружающей действительности. Именно благодаря данному свойству слово становится носителем экстралингвистической информации. Феномен синонимии и синонимичности уже десятилетиями интересует лингвистов, философов, психологов. Однако лингвистика не в силах ответить на многие вопросы, касающиеся проблемы синонимии с точки зрения традиционной лингвистики. До сих пор лингвисты отвергали влияние каких-либо личностных или

социальных влияний на выбор слов, делая акцент лишь на изучении языковых факторов. Тем самым, пытаясь найти ответ на явления языка, они загоняли себя в тупик и поэтому многие вопросы остаются неразрешенными и по сей день. В данной работе рассматривается взаимодействие лингво-когнитивных, социальных и прагматических факторов в выборе синонимических единиц.

В последнее время в современной когнитивной лингвистике большое внимание уделяется также роли личности в языковых номинациях. Поэтому в диссертации рассматривается также роль фактора личности в создании синонимических вариантов в английском языке. Несмотря на огромное количество работ по проблеме синонимичности и синонимии, до сих пор структурно-системная лингвистика не смогла дать однозначного определения близости значения. Поэтому традиционное рассмотрение проблемы синонимии в сугубо теоретическом плане, которое сводится к выработке общих законов функционирования синонимов, например, определению дефиниций или типов синонимов, оставило без ответа многие вопросы. Проблема синонимии освещена в трудах А.Маркварда, Л.Блумфилда, Р.Палмера, Н.Гудмана, П.Метьюса, А.Круза, Дж.Лайонза и др. Самые первые исследования носили упрощённый характер, где проблема синонимии сводилась к изучению сущности значения слов. Многие из них уже тогда отвергали существование абсолютной синонимии.

Изучением синонимии в английском языке занимались также русские лингвисты. Среди русских ученых огромный вклад в теорию синонимии внесли А.И.Смирницкий, А.В.Лагутина, С.Г.Бережан, В.И.Кодухов, Д.Н.Шмелев, В.Г.Вилюман, Т.С.Сорокина и другие. Среди азербайджанских лингвистов, внесших вклад в развитие области синонимии, можно назвать И.Т.Мамедова (1985), З.Н.Вердиеву (1988), Х.С.Гасанова (1990), Р.М.Шабанова (1998), С.Э.Абдуллаева (2008, 2009), Ф.Й.Вейселли (2013), С.И.Зейналову (2014) и других.

Однако изучение синонимов у вышеперечисленных лингвистов сводилось лишь к анализу системных отношений. Поэтому, несмотря на существование

огромного количества работ, трудно найти работу, где со всей полнотой освещается обоснованность выбора синонимов в английском языке. В данной работе сделана попытка показать, что синонимия – это не замкнутая языковая система, а процесс выбора синонимов, производящийся отправителем в зависимости от ряда факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических.

Несмотря на множество исследований, проведенных с целью изучения лексического выбора и влияния различных факторов на них, вопрос о взаимосвязи социальных факторов и выбора синонимических единиц освещен недостаточно. Одним из новых попыток изучения выбора считается антропоцентрический подход, который ставит говорящего в центр языковых событий, предоставляя возможность отправителю самому включать новые лексические единицы в общие семантические поля. Это, как минимум, позволило бы глубже проникнуть в изучение синонимии и установить её динамический характер.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационной работы является синонимия в современном английском языке.

Предметом исследования работы выбраны обобщение и систематизирование лингвистических и экстралингвистических факторов, регулирующие выбор синонимов в этом языке.

Цели и задачи исследования. Цель данной работы заключается в выявлении и изучении факторов, детерминирующих выбор синонимических единиц в английском языке. Изучение этих факторов поможет лучше понять обоснованность выбора определенного синонима в социальном контексте, мотивированность отправителя к использованию конкретного синонима и позволит выявить специфику процессов синонимизации в современном английском языке в целом.

В исследовании поставлены следующие *задачи*:

– выявить лингво-когнитивные основы номинации языковых единиц;

- рассмотреть лингво-когнитивные особенности выбора альтернативных единиц;
- изучить роль множественной номинации в выборе синонимических единиц;
- рассмотреть синонимию с точки зрения антропоцентрического подхода как открытую систему, регулируемую критериями “для меня, здесь и сейчас”;
- определить детерминированность выбора языковых единиц социально-демографическими параметрами;
- проанализировать классовые диалекты, как одну из разновидностей синонимии и выявить зависимость их выбора от социальной дифференциации общества;
- выявить влияние общественно-социальных изменений на процессы заимствования иноязычной лексики, синонимичной исконной;
- установить зависимость выбора синонимов от общественно-культурных установок на основе анализа эфемизмов;
- показать синонимию как “коммуникативно-прагматическое действие”, регулируемое фактором интенции отправителя;
- рассмотреть стилистико-прагматическую обусловленность выбора синонимов в медиадискурсе;
- установить суггестивный статус синонимии, как одного из основных способов вуалирования фактов действительности в медийном и политическом дискурсах.

Методы исследования. Многоаспектный характер объекта исследования потребовал сочетания разных методов анализа и поэтому, поставленные задачи решаются на стыке таких областей знаний, как когнитивная лингвистика, социолингвистика, культура речи и языка, язык политического дискурса и средств массовой информации (СМИ). В соответствии с целями и задачами исследования были избраны следующие методы: комплексный теоретический анализ, метод когнитивного анализа, корпусный анализ, метод анализа словарных дефиниций, метод лингвистического наблюдения и описания, метод

контекстуально-интерпретационного анализа.

Основные положения, выносимые на защиту:

– антропоцентрический подход к изучению синонимии по принципу “*синонимической аттракции*” позволяет выявить экстралингвистическую детерминированность выбора синонимов в английском языке намного полнее, чем традиционная лингвистика, изучающая синонимию как замкнутую, упорядоченную систему;

– когнитивный механизм, включенный в изучение синонимии, даёт основание интерпретировать синонимию больше, чем языковое явление, а именно как ментально-языковую категорию;

– как особая разновидность синонимов, выбор синонимов-социолектов является главным маркером социальной принадлежности говорящих в Великобритании;

– синонимы, используемые в тексте, обладают смыслопорождающей функцией: благодаря цепочке двояко использованных схожих по значению слов в тексте, отправитель снимает с себя ответственность за сказанное, предоставляя получателю свободу в интерпретации.

– политические деятели используют синонимы в суггестивной функции – как способ управления идеологией получателей;

– синонимия являет собой один из популярных методов скрытия общественно-политических действий в политическом дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в выявлении как языковой, так и неязыковой обусловленности выбора синонимов в современном английском языке в рамках единой работы. Делается попытка снять с синонимии понятие “*застывшей системы*”, лишённой естественного функционирования в речи и интерпретировать её не как сопоставление двух или нескольких изолированных слов, а как коммуникативно-прагматическое действие. Так как в традиционной лингвистике синонимия изучалась как сугубо языковое явление, до сих пор многие вопросы не нашли своего объяснения. Впервые для рассмотрения зависимости выбора синонимических единиц от лингво-

прагматических, когнитивных и социокультурных факторов, к анализу привлекается личность отправителя сообщения с точки зрения интенции ее послания. Установлено, что личность является основным создателем синонимов, выбор которых находится в прямой зависимости от критериев “*для меня, сейчас и здесь*”. Таким образом, к анализу привлечено большое количество новейшего эмпирического материала. Результаты, полученные в процессе исследования, показывают, что синонимия является ментально-языковым явлением, формирующимся в результате когнитивных процессов. Если раньше сторонники когнитивного течения уклонялись от рассмотрения социальной обусловленности прагматического значения в основном из-за того, что боялись иметь дело с ее многоаспектной природой и тем самым войти в тупик изучая всевозможные внешние воздействия на выбор слов и потерять из виду ее основные стороны. Язык рассматривался как биологическое явление, являющееся частью психики индивида, нечто готовое, унаследованное. Считалось, что когнитивные процессы, происходящие в языке весьма упорядочены. Одним словом, никакие внешние причины воздействия языковых средств на выбор языковых средств при передаче сообщения не учитывались.

Основным недостатком всех имеющихся исследований является отсутствие учета факторов прагматического характера, недооценивается сам фактор отправителя. Сегодня выбор слов можно расценивать как один из основных попыток регулировать информативностью передаваемого сообщения. С этим мы часто встречаемся в языке СМИ и политическом дискурсе. Следовательно, обращение к данной теме, также требует от нас привлечения к анализу огромного количества эмпирических данных последних десятилетий.

Таким образом, научная новизна исследования определяется следующим:
–изучением синонимии в рамках функциональной лингвистики, благодаря которому определен коммуникативно-прагматический статус синонимии, чего никак невозможно было бы добиться учётом только лишь традиционного подхода к синонимии, рассматривающая синонимию, как застывшую языковую систему;

–привлечением новейших эмпирических данных для рассмотрения зависимости выбора синонимических единиц от общественной дифференциации и выявлением различий в выборе синонимов на данном этапе развития британского общества;

–проведённым комплексным анализом с целью выявления лингвопрагматических, когнитивных и социолингвистических особенностей выбора синонимов, который позволил со всей полнотой выявить зависимость использования синонимов в современном английском языке от общественных, экономических и политических изменений;

Теоретическая и практическая значимость исследования. Так как учёт индивидуальной синонимической аттракции в изучении выбора синонимов с выходом на прагматико-функциональные опоры может пролить свет на вопросы, до сих пор остающиеся без ответа, основные выводы данного исследования могут послужить базой для дальнейшего развития теории синонимии.

Практическая ценность работы заключается в том, что полученные данные могут быть использованы на практических занятиях по лексикологии, семасиологии, прагматики, стилистики английского языка, общей лингвистике, а также при составлении словарей синонимов и толковых словарей. Отдельные положения исследования также могут заинтересовать специалистов в области социолингвистики и прагматики. При возрастающем интересе к межкультурной коммуникации, материалы диссертации могут быть использованы также специалистами, занимающимися культурой речи. Примеры, приведённые с целью рассмотрения как политики пользуются содержательно-прагматической стороной передаваемого сообщения, могут оказаться полезной для работников журналистики и исследователей политического языка.

Апробация и применение. Основные положения диссертации были изложены в тезисах и докладах на X Межвузовской научно-практической конференции *«Современные проблемы обучения языкам в высшей школе»*, Баку 2014 г.; Республиканской научно-практической конференции *«Культурная парадигма 21 века в мультикультурном аспекте»* Баку, 2014 г.; Международной

научной конференции «Сравнительное литературоведение и культура: Критерии начала национальной литературы и культуры», Баку, 2015 г.; 4-ой Международной научной конференции Молодых Исследователей, Баку, 2016; Международной научной конференции «Актуальные проблемы когнитивной и прикладной лингвистики», Баку, 2016 г.; на Международной научно-практической конференции под названием «*Religion, Religiosity, Philosophy and the Humanities in the Modern Information Space: National and International Aspects*», Украина, 2021 год.

По теме диссертации опубликовано 7 статей, одна из которых опубликована в Канаде в 2015 году, в журнале *International Journal of English Linguistics*, а также 6 научных тезисов.

Материалы для работы взяты из СМИ. Проанализировано более ста электронных текстов, опубликованные в период с 2005 по 2016 год в таких престижных журналах, как *The Guardian*, *The Times*, *The Economist*, *The Daily Telegraph*, *The Daily Mail*. Используются также веб-страницы агентств BBC и CNN. Для работы со словарными дефинициями использованы различные словари синонимов и Британский национальный корпус.

Название организации, в которой выполняется диссертационная работа. Данная работа выполнена на кафедре английского языка и литературы Университета Хазар.

Структура и объем диссертации, в знаках, с указанием объема каждого структурного подразделения в отдельности. Диссертация состоит из введения (8 страниц с 12956 символом), трех глав (первая глава – 5 разделов, 42 страниц, состоящих из 68787 символов; вторая глава – 4 разделов, 40 страниц, состоящих из 64753 символов; третья глава – 3 разделов, 34 страниц, состоящих из 53045 символов), заключение (3 страниц, состоящих из 3874 символов) и списка использованной литературы. Общее число символов данной диссертационной работы, за исключением списка использованной литературы, составляет 203415 знаков.

І ГЛАВА

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ БЛИЗОСТИ ЗНАЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ВЫБОРЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

1.1. Лингво-когнитивные основы номинации языковых единиц

На современном этапе развития языкознания язык рассматривается лингвистикой как когнитивная способность. Силы современной лингвистики направлены на изучение становления и развития значения слова у индивида. Поэтому не странно, что концепция слова в лексиконе человека являясь основным предметом изучения лингвистики, всё больше привлекает внимание психологов и лежит в основе многих психологических экспериментов.

В исследованиях последних десятилетий значение слова в индивидуальном сознании изучается достаточно всесторонне. Многие языковые явления изучаются в рамках психологического подхода [104, с.13]. В центре внимания исследователей оказываются ментальные процессы, влияющие на словоиспользование. Другими словами, внимание акцентируется на *«ментальной основе языка, специфике человеческого мозга, познавательных процессах, особенностях языкового сознания»* [72, с. 21].

Существуют многочисленные подходы к языковой репрезентации, через такие позиции как, например, когнитивизм, психология, логика, теория познания и т.д. Однако доступ к внутренним когнитивным структурам лежит именно через языковую деятельность, а единицей умственного лексикона, с помощью которой строится концептуальная картина мира, считается концепт. По мнению Ж.А.Вардзелашвили, *«концепт представляет собой единицу ментального лексикона, получающая имя по слову-номинатору, тому языковому знаку, которое передает общее содержание данного концепта наиболее адекватно и концентрированно»* [33, с. 55]. Она отмечает, что *«способность концепта соотноситься более чем с одной лексической единицей, однако число его лингвистических репрезентаторов связано с осмысленностью того понятия в*

сознании носителей языка. Благодаря этому концепт становится доступным для множественной номинации» [33, с.56].

Именно в значении языковых единиц происходит концептуализация окружающего мира, т. е. его восприятие и осмысливание. Человеку, при этом, дается абсолютная свобода по своему усмотрению выбирать слова для описания реальностей мира. Таким образом, *«в основе репрезентации всех типов знания в языке лежит категориальный принцип» [30, с.35].*

Так как в процессе различения и одновременно отождествления объектов появляются новые концепты, номинация чего-то нового является одним из способов добычи новых знаний, дополнительной информации об означаемом. Ж.А.Вардзелашвили отмечает, что *«выбор единиц языка для его описания-вербализаторов- задается эмпирическим фактом осознания явления, сжатого в капсулу мысли» [33, с.57].*

Н.А.Беседина пишет, что *«моделированию могут подвергаться как целые объекты, так и их отдельные характеристики. Применительно к единицам языка речь может идти о моделировании процессов создания языковых единиц, формирования их семантики и их функционирования в коммуникативно-дискурсивной деятельности» [29, с.262].*

Готовые наименования являются конечным продуктом нашей умственной деятельности. Т.Н.Ушакова в этой связи отмечает, что *«продуктивность в смысле создания новой мысли, нового видения действительности оказывается прерогативой интеллекта» [104, с.14].*

Вклад человека в систему языка очень велик. Между личностью и языком существует необыкновенная связь. В целом слово представляет собой особую структуру, в которой отражаются не только деятельность языковых единиц, но и жизнь и творчество самого человека. И.П.Кривко отмечает, что *«в значении слова отражаются различные стороны жизнедеятельности индивида» [64, с. 36].*

Слово может считаться динамичной субстанцией. Ведь оно существует по определенным законам и любое изменение в обществе, опыте и знаниях человека может обогащать его новыми назначениями. Слова, к тому же, имеют свойство

постоянно притягивать другие схожие по смыслу слова или те слова, которые имеют хоть какие-либо дополнительные схожие элементы в своем значении, которые по мнению Кривко, являются актуальными для индивида *«здесь и сейчас»* [64, с.10].

Л.С.Выготский также предполагает, что *«действительность преломляется через слово; становится важнейшим фактором, преломляющим действительность; слово – важнейший процесс, опосредующий отражение действительности»* [38, с.22].

В результате исследований выяснено, что значение слова в сознании человека развивается на протяжении всей его жизни. Как отмечает С.В.Закорко, *«в рамках психолингвистического подхода динамические аспекты семантики рассматриваются в совокупности с процессами и продуктами, связанными со становлением значения слова у индивида»* [52, с.27].

В современном мире процесс номинации реалий характеризуется высокой степенью активностью. В связи с ростом общества возрастает необходимость кодирования информации, новых знаний и придать им языковую репрезентацию. По мнению Р.М.Залевской, на которую ссылается С.В.Закорко, *«слово является средством доступа к информационной базе, хранящей совокупные продукты переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром»* [52, с.27].

Когнитивная лингвистика позволяет языковой личности самой выявлять и устанавливать иерархию смыслов и ценностей в ее картине мира. По мнению Ю.Н.Караулова, языковая личность должна достичь лингвокогнитивного уровня, который даст ей право самостоятельно выбирать языковые единицы, создавать тематические тексты, а также понимать основную их мысль [56, с.73]. Ю.Н.Караулов считает, что по мере своего развития языковая личность проходит 3 важных этапа [56, с.69].

Согласно его мнению, первый уровень развития языковой личности, который называется вербально-семантическим (или структурно-семантическим) личности, является нулевым, который и дает толчок к функционирования» [56,

с.36]. Именно на этом этапе языковая личность приобретает базовый словарный запас, начинает использовать типовые грамматических конструкций, учиться навыкам.

По поводу второго этапа (*лингвокогнитивный (или тезаурусный)*) развития языковой личности, Ю.Н.Караулов отмечает, что она *«начинается после того, как активизируются интеллектуальные силы»* [56, с.37]. Вторым этапом может интерпретироваться как лингвокогнитивный уровень развития. Тут происходит *выявление и определение ценностей языковой личности* [56, с.73]. Именно на этом уровне и происходит реализация индивидуального выбора лексических средств, создание тематических текстов, а также понимание их основной мысли.

На завершающем этапе языковой личности, то есть мотивационном, определяются установившиеся мотивы и цели, которые управляют ее развитием, а также ее текстообразованием. По мнению Ю.Н.Караулова, тут происходит слияние личности языковой и обычной, ускоряется активизация её коммуникативных потребностей, что дает, в свою очередь, толчок к реализации определенных коммуникативных задач в связи с чем и производится *«выбор и оценка языковых средств»* [56, с.74].

Чтобы понять какова потребность в наименовании реалий и предметов и какими факторами она вызвана, нужно анализировать как когнитивные, так и прагматические факторы. В.И.Заботкина считает, что до наименования понятия важно определить референт, выявить его место и значимость в ментальности отправителя и только после этого категоризовать его в системе языка. В конечном итоге, *«поиск нового имени осуществляется только после процесса субкатегоризации»* [50, с.3].

Из этого следует, что потребность изначально возникает на когнитивном уровне, а дальше в действие вступают прагматические факторы.

Пытаясь выяснить причину семантического переключения знака из когнитивного плана в прагматический, М.В.Никитин акцентирует внимание на корреляции, существующей между когнитивными и прагматическими аспектами

языкового знака. Он отмечает, что *«механизм переключения достаточно прост: прагматическое значение ищет свое обоснование в структуре когнитивного знания, а последнее находит свое применение в прагматических заключениях»* [78, с.394].

Тут же он затрагивает проблему явления синонимии, описывая его как *«явление переключения с одного содержательного плана в другой, переключения из когнитивного регистра семантики в прагматический регистр. Человеку нужно выразить свое отношение к миру, для этого существует синонимия»* [78, с.394]. Итак, используя такие наименования в речи, отправитель реализует свой выбор, а именно выбор той единицы, которая полнее и яснее передает его языковую интенцию. По утверждению С.Н.Виноградова *«словоупотребление, в частности, отражает тот факт, что в данный момент для говорящего существенны обозначаемый данным словом предмет и выражаемое им понятие и несущественны другие предметы и понятия»* [36, с.266].

С другой стороны, слово, будучи основным элементом общения, обеспечивает взаимопонимание между людьми. Выбор объекта внимания и выбор слова для его обозначения – неотъемлемая часть осознания и формулировки целей деятельности, передачи информации другим коммуникантам, воздействия на других людей [36, с.266]. Следовательно, чтобы проникнуть в глубину проблемы выбора слов важно учитывать процессы мышления, так как именно они являются основным механизмом, определяющие творческую природу конкретного словоупотребления.

Считается, что человек, выбирая слово, может по-своему изменить его, приписывать ему новые обязательства, новые значения. По мнению И.П.Кривко, изменения, происходящие на уровне лексики очень спонтанны и новые слова появляются как нечто непредсказуемое [64, с.9].

Поэтому сам процесс выбора возникших языковых единиц также обладает комплексной природой и представляет собой целое словотворчество, направленное на *«выбор и/или конструирование индивидом такой лексической*

единицы, которая в наибольшей мере отвечает требованиям определенного коммуникативного акта» [77, с.6].

Согласно мнению Т.Н.Ушаковой в процессе выбора участвуют 2 основных фактора: фактор интеллекта и фактор языкового механизма. Она отмечает, что *«интеллект ищет слово по смыслу и исходному намерению, речь и язык предоставляют для выбора спектр имеющихся заготовленных именованных» [104, с.1)].*

Из всего вышесказанного следует, что лексический выбор – это не просто выбор слов для выражения своих мыслей, но и сильный индикатор личности говорящего, его поведения и умственного показателей. Благодаря речезыковому механизму говорящий выбирает из имеющегося словаря слова, которые подробнее отвечают *«имеющейся интенции, ситуации общения, эстетическому вкусу говорящего и др.» [104, с.14].* Такой выбор слов вызывает у получателя определенную реакцию или диктует его линию поведения как ответ на истолкование или понимание ситуации общения. В.Н.Виноградов отмечает, что *«понимание или непонимание предполагает оценку, характеризующую другого человека, – положительную или отрицательную, иногда довольно мягкую, иногда более или менее агрессивную» [36, с.266].*

Таким образом, готовые наименования являются конечным продуктом нашей умственной деятельности, от правильного выбора которых зависит какое представление о мире формируется у адресата. О том, что влияет на этот выбор и какими параметрами обуславливается выбор синонимических средств языка, мы будем говорить в следующих параграфах.

1.2. Выбор и множественная номинация

Выбор имеет место каждый раз, когда у отправителя есть более, чем один вариант передачи сообщения. Это говорит о том, что язык дает возможность

отправителю информации передавать смысл сообщения ни одним конкретным, а различными способами, в зависимости от того, что, как, кем и при какой ситуации будет передано. Так появляются синонимы. А.И.Иванова считает, что основную причину возникновения синонимических единиц в языке можно искать в дифференциации общества, а именно «*в профессиональном, возрастном, социальном, половом и т.д. различии носителей языка*» [55, с.13-14].

В процессе речи носители языка без особых усилий понимают друг друга, несмотря на то, что данная информация была передана совершенно различным способом. Это говорит о невероятной способности языка выражать одну и ту же мысль через бесконечное многообразие способов выражения. Данную связь между двумя или несколькими словами можно назвать синонимичностью.

Следует отметить, что изучение языкового варьирования или множественной номинации важно для нашей работы как в методологическом, так и практическом плане, так как именно в основе множественной вариации лежит явление субституции. В этой связи Г.В.Демидова пишет, что «*именно варьирование обуславливает в сфере специальной речи явление субституции*» [48, с.495].

Итак, стремление языка к обновлению своих лексических средств является одной из причин пополнения словарной базы языка синонимами. Этот процесс сам по себе является непрекращающимся. Лексическая система представляет собой совокупность языковых ресурсов, находящиеся между собой в постоянных взаимоотношениях. Она обладает своеобразной особенностью – ее словарный состав постоянно обогащается (появляются новые слова, значения развиваются, приобретают новые оттенки и т.д.). Развитию лексических единиц номинации в языке способствует «*бурное развитие наук, углубление существующих научных знаний, появление новых научных парадигм, а также современные тенденции развития языка (интернационализация и национализация, интеллектуализация и демократизация, экономия языковых*» [102, с.8].

Так или иначе, в попытках сделать необходимый лексический выбор отправитель сообщения ведет себя по отношению к общезыковому фонду избирательно. Если появившийся в языке вариант передает хоть малейший различный оттенок значения или, более того, ассоциируется с новыми понятиями, то говорящий неизбежно встает перед выбором между этими словами. И.П.Кривко считает, что отправитель сообщения имеет возможность сам интерпретировать схожесть значений между словами, так как для него синонимы представляют собой близкие по значению слова, которые *«по той или иной причине связаны со словом-стимулом»* [64, с.12].

Важно отметить, что в нашем распоряжении может быть огромное количество близких по значению слов для выбора, однако на их использование накладываются определенные ограничения.

Одно из таких ограничений заключается в контексте употребления синонимов. Несмотря на наличие в языке двух или нескольких близких по смыслу слов, количество возможных контекстов, где они могут заменить друг друга, не вызвав, при этом, большой разницы в значении, значительно меньше.

Данный нюанс в выборе синонимов с твердостью указывает на факт отсутствия в языке абсолютной синонимии. По мнению Ф.Я.Вейселли, слова, называемые синонимами, не всегда обладают одинаковыми референсами [16, с.221]. По его словам, чтобы признать два или более слов близкими по значению, должен быть одинаковый референс, хотя даже этого недостаточно для установления факта полной синонимичности.

Итак, можно сделать вывод, что в зарубежной лингвистике также указывается на существование в языке лишь частичной синонимии. Необходимо отметить, что данное утверждение берется для нашей диссертации как один из фундаментальных и поэтому объектом для нашего исследования послужили именно такие типы синонимов как неполные (частичные), контекстуальные и окказиональные.

Несмотря на вышесказанное мы считаем необходимым рассмотреть разнообразие мнений, существующее в литературе относительно понятия синонимии и синонимичности.

Итак, роль контекста в выборе синонимов весьма значительна. Даже если мы будем утверждать, что, например, слова «*foliage*» и «*leaves*» являются синонимами, то это вовсе не означает, что мы с легкостью можем применить слово «*leaves*» во всех контекстах вместо «*foliage*» [168, с.131]. К примеру, смотря на «*дерево*» и описывая его оба слова могут быть использованы отправителем сообщения без особой разницы в значении. Однако, обсуждая, например, как «физически листья «собрались в кучу», то слово «*leaves*» в том случае никак не может быть заменен своим синонимом «*foliage*» в данном контексте, не вызвав при этом недопонимания или путаницу [168, с.131].

Под выбором У.Лейбов понимал различные способы выражения одной и той же мысли [166]. Согласно У.Лейбову, вариация бывает социальной, а также стилистической. Если первая предполагает разницу в выборе языковых единиц, которая зависит от таких социальных и психологических параметров, как статус, пол, возраст и т.п., то вторая заключается в разнице выбора вариантов отдельными людьми внутри их речи, вне зависимости от перечисленных критериев. Соответственно, Б.Роберт и Л.Сеил в своей книге пишут, что *в зависимости от того, кем является говорящий, выбор языковых вариантов отражается на лингвистическом контексте, а социальный контекст, помимо включенности самого говорящего в коммуникацию, обязательно предполагает также и наличие определенной ситуации* [190, с.90].

Признание данного свойства природы выбора синонимических единиц языка, в первую очередь, указывает на факт, что язык является больше, чем абстрактный объект исследования. Ведь выбор не производится случайно. В процессе выбора говорящий всегда противопоставляет варианты, пытается найти в одном из них «преимущество» значения, способное яснее передать его речевую или языковую интенцию.

Вариативность языка представляет собой результат непрерывного обновления лексической системы языка. С лингвистической точки зрения синонимизация и номинативное варьирование опираются на такие свойства языка, как стремление к динамизму и вариативности своего существования.

По мнению Г.Ф.Юлдашбаевой, *вариантные модификации слова могут восприниматься как нечто ненужное языку, как некое аномальное явление и как недостаток естественного языка* [121, с.134]. Сегодня же вариативность признается фундаментальным неотъемлемым свойством языка, без которого немислимо его функционирование и развитие. Н.С.Валгина, например, считает, что *«языковая вариативность является показателем лексической избыточности»* с признанием того, что такое словарное изобилие лишь ведет к развитию того языка [31, с.13]. В этой связи А.И.Иванова придерживается мнения, что номинативное варьирование может быть результатом неоднозначности самого языкового знака, у которого формальная сторона почти всегда не соответствует содержательной [55, с.24]. В основе такой *«вторичной контекстуальной номинации»* лежит *«выделение из множества проявлений денотата какого-то одного признака»* [75, с.28].

В лингвистике существует несколько трактовок этого явления. Например, языковая вариативность объясняется Г.В.Демидовой, как особая форма языковой модификации, которая является конечным продуктом изменения и применения различных лингвистических знаков с целью показать схожие языковые феномены [48, с.494].

По мнению В.М.Солнцева, вариативность представляет собой форму деятельности языковых единиц [97, с.32].

Рассматривая природу множественной номинации, помимо изучения естественного стремления языка к изменчивости, важно учитывать когнитивную обусловленность вариативности языка. Такой подход к изучению языка характерен для когнитивной лингвистики, которая наряду с учетом общих закономерностей языка, большое внимание уделяет концептуализации мира в сознании людей.

Процесс вариативной номинации является важным признаком речевого поведения индивида. Если обратиться к психологической основе данного явления, то насколько осознанно или случайно номинативное варьирование по природе понять нелегко. Но считается, что мотивированность личности к повторной номинации и процессу синонимизации лежит в его любви к языку и наслаждении от повторного наименования одних и тех же концептов по своему желанию. Более того, эта черта особенно значительно развита у более созидательных натур, склонные к самоанализу и креативных личностей, которым характерны такие черты, как глубокое обдумывание [55, с.17].

Также важную роль в номинации играет то, какой статус имеет определенный концепт в той или иной лингвокультуре в определенный период развития того общества [90, с.292-293]. Зачастую предметы и явления приобретают способность быть названными вторично благодаря ассоциациям, которые они вызывают у носителей языка. Следовательно, выбор отправителем конкретной единицы из синонимического ряда является осознанным и направлено на достижение максимальной точности при передаче информации.

В появлении в языке разных словесных воплощений одного и того же смысла нельзя недооценивать роль человеческого фактора.

А.И.Иванова отмечает, что одним из основных достижений современного человека является его способность к выражению одного и того же смысла передаваемого сообщения через различные языковые репрезентаторы [55, с.45].

Таким образом мы приходим к выводу, что как вариативность, так и синонимизация можно расценить как неординарное свойство языка олицетворять манеру мышления своих носителей, которая, разрушая динамический стереотип мышления, отображает речевое и умственное поведение современных людей.

Когнитивная прагматика, в центре которой стоит языковая личность рассматривает язык, в первую очередь, как средство коммуникации в его различных аспектах, таких как *«социально-, культурно- и коммуникативно-значимом употреблении; в его ролевом и ситуативном аспектах»* [60, с.6]. Без

учета особенностей языковой личности, типов языковой личности, отношений между говорящим и слушающим невозможно говорить об эффективности общения [80, с.376].

В результате такого выбора происходит разрушение языковых стереотипов и привычных словоупотреблений. В словоупотребление внедряется элемент новизны и непривычности. Такая свобода выбора позволяет отправителю делать свою речь непредсказуемой, дает основания для множественной номинации.

Известно, что появившаяся лексическая единица должна уложиться в памяти человека ассоциативными связями, чтобы в дальнейшем можно было бы без труда вызвать ее из памяти или же, при необходимости, сочетать с другими лексическими единицами. Согласно концепции Е.И.Пассова лексический навык в своем формировании проходит несколько стадий: 1) восприятие слова в речи; 2) осознание смысла слова; 3) имитационное использование слова в речи; 4) способность называть предметы и объекты действительности в коммуникативных целях; 5) умение сочетать новое слово с ранее усвоенным; 6) употребление слова на основе самостоятельного выбора и его сочетание с другими словами в определенных речевых ситуациях [83, с.72].

Так или иначе, появление в языковой системе новых единиц является результатом стремления языка к постоянной изменчивости и плюрализму. В ответ на это, отправитель также стремится пользоваться вариативными «услугами» того языка. По поводу речевых модификаций системного значения В.В.Виноградов пишет, что *«употребление — это лишь возможное применение одного из значений слов, иногда очень индивидуальное, иногда более или менее распространенное. Употребление не равноценно со значением, в нем скрыто много смысловых возможностей слова»* [35, с.182].

Заимствовав концепцию Е.И.Пассова, С.Н.Пханаева также разделила формирования лексического навыка на три этапа: 1) отработка действия по выбору лексической единицы из памяти; 2) отработка действия по сочетанию данной лексической единицы с другими лексическими единицами; 3) активизация лексической единицы в речи [91, с.230].

Таким образом мы приходим к выводу, что причина появления вторичных наименований кроется в самой природе языкового знака, которой характерно обобщение. Мы считаем, что такое обобщение опирается на факт многообразия существующих явлений и возникает как следствие невозможности передачи всех признаков одного и того же понятия или предмета через одно конкретное слово.

Однако, с другой стороны, человек также имеет безграничную власть над словами; он способен повлиять на слова или даже поменять их предназначение. По словам М.Черемисиной, *«для носителя языка слово – непосредственно данный языковой знак, реальность которого вне сомнения. Для лингвиста слово – начальное понятие, «простейшее», но потенциально несущее в себе всю сложность вырастающей из него науки»* [115, с.15]. Далее она продолжает, *«для языковеда слово – это конструкт, это научная абстракция, необходимая, но столь же иллюзорная, не существующая среди «вещей»»* [115, с.15].

Г.В.Демидова, ссылаясь на А.М.Ивина и А.К.Никифорова, по этому поводу определяет вариантность как неотъемлемой данностью языкаю. По ее мнению, трудно представить существование какого-либо явления или предмета в изоляции от *«законов логического следования понятий»*, потому что любая мысль олицетворяется и воплощается, в конце концов, в языке, речи и других языковых репрезентаторах [48, с.495].

Далее, высказываясь по поводу принципов взаимозаменяемости, она указывает на способность синонимов не менять в целом смысла предложения, если заменить один из них другим. Она считает, что даже если одно слово использовать вместо другого, как синоним, то основное значение предложения можно сохранить *«если эти два имени обозначают один и тот же предмет»* [48, с.495].

Отметим, что хоть вариативность и представляет собой модификацию языковой формы, она все же не способствует возникновению новой сущности. В этой связи Г.В.Демидова пишет, что вариативность можно объяснить как некую языковую изменчивость. Несмотря на изменения и модификации, происходящие в словах они не приводят к созданию нового понятия, а наоборот, сохраняют

общие свойства, которые присущи другим близким по значению словам [48, с.495].

Свобода словоупотребления в живом общении воздействует на коммуникацию и информационный обмен, с одной стороны, а также на совместную деятельность, взаимопонимание и духовные взаимовлияния, с другой. Е.Б.Старовойтенко пишет: *«Свобода индивидуального обращения к смыслу затребована межличностными отношениями, возникающими по поводу познания, творчества, взаимных стремлений, общих ценностей и общезначимого дела. Индивидуализация только усиливает тенденцию смысла быть вызванным, разделенным и принятым другими людьми»* [99, с.92].

Таким образом нам удалось проследить за тем, что образование синонимических единиц может быть воспринято как результат способности человеческого мышления раскрывать в окружающем себя мире не до конца распознанных явлений ещё больше признаков и аспектов. Например, А.И.Иванова видит в номинативном варьировании определенные положительные свойства. По ее мнению, именно варьирование языка приводит к активизации мысли и ее движению в необходимом направлении [55, с.238].

Далее, рассматривая природу вторичной номинации, она подчеркивает её значимость для добычи новых знаний и самого процесса познания в целом [55, с.238].

Несмотря на многие схожие черты, очень важно разграничить синонимию от множественной номинации. Особенно это необходимо, когда они используются в контексте, именно здесь связь между ними становится тесна. Изучая природу стилистического статуса того или иного концепта, В.М.Хантакова отмечает, насколько сложно его выявить. Согласно её мнению, лишь применив определенный прием анализа, можно добиться гипотетической стилистической интерпретации синонимии. Она предлагает сопоставить различные вариантные и синонимические единицы внутри одного текста [110, с.87-88].

Таким образом становится ясно, что проблема номинативного варьирования достаточно широко изучена в современной лингвистике.

В заключении важно отметить, что номинативная способность языка может являться продуктом как языковых, так и когнитивных процессов. Другими словами, номинативное варьирование шагает в ногу не только с требованиями стилистики языка, но и законами прагматического и когнитивного содержания.

Из вышеприведенной теоритической базы для нашей работы, можно сделать вывод, что номинативная вариативность не может быть рассмотрена как изолированное языковое явление. Сосуществование в языке различных лексических вариантов (а иногда и синонимических единиц) является результатом факторов, как языкового, так и когнитивного плана.

Итак, принимая вышенаписанное во внимание, можно заключить, что, с одной стороны, лексические варианты могут оцениваться, как результат стремление языка к вариативности, плюрализму, обогащению и обновлению, а с другой – варианты одного и того же слова – это конечный продукт характерной каждой личности различной концептуализации мира.

Выбор не может быть изолированной деятельностью, он всегда чем-то мотивирован и, если говорящий делает выбор исходя из таких аспектов, как сфера общения, образование говорящего, его интеллект и жизнедеятельность, то любые отклонения от стандартов языка могут быть оправданы, так как тут задействован целый ряд не только личностных и когнитивных, но и социальных и прагматических факторов.

Итак, выбор языковых ресурсов, предоставляемый отправителю языком для передачи одной и той же мысли, широк. Отправитель, в свою очередь, свободен в выборе языковых средств и пользуется ими в зависимости от многочисленных критериев. Различая между вариантными формами и синонимами, Л.В.Кропотова отмечает, что главное различие между ними заключается в том, что у вариантных форм в отличие от синонимов нет дополнительных признаков, свидетельствующих о личностных,

профессиональных и социальных различиях и они находятся «в отношении свободного варьирования» [65, с.160]. Однако, если сравнить это с синонимами, то, в отличие от вариантов, они несут в себе такую информацию. Об этом речь пойдет в следующей главе. Также нами будут рассмотрены функции использования вторичных наименований в тексте, анализ которых будет основываться на примерах, взятых из электронных или журнальных статей.

1.3. Синонимы, синонимия и синонимичность: традиционный подход

Из предыдущего раздела, нам стало известно, что человек, выбирая слово, может по-своему изменить его, приписывать ему новые обстоятельства, новые значения. Это явление, скорее всего, основано на способности языка иметь несколько наименований для одного означаемого.

Учитывая выводы, сделанные в предыдущих разделах, мы считаем необходимым рассмотреть проблему синонимии и синонимичности с традиционного подхода. Более того, пренебрежение изучением данной проблематики с призмы традиционной лингвистики также может завершиться получением не совсем достоверных результатов в конце исследования. Поэтому для достижения ясной картины и получения более надежных данных, необходимо взглянуть на некоторые вопросы, связанные с явлением синонимии и синонимичности в рамках структурной лингвистики.

Начнем с того, что под самым примитивном определением синонимия понималась как «тип изменений в значении» («a kind of changes in meaning») [175, с.27]. У А.Маркварда и Р.Квирка такие понятия, как «a tine vessel», «a pail» и «a bucket» расцениваются, как изменения в значении слов. На выбор между ними влияет то, в какой части Англии они употребляются [175, с.28]. Элементарно, в таких смысловых изменениях они видели сам факт синонимичности.

Далее Н.Гудман считает, что два слова не могут быть полными синонимами, потому что всегда найдется контекст, где их взаимозаменяемость будет невозможна [149, с.39].

По мнению А.Круза и С.Ульманна, *«в языке не может быть два синонима, которые бы не имели каких-либо отличительных оттенков в значении»*. Дж.Лайонз и Ф.Круз отмечают, что *«самым важным критерием в определении явления абсолютной синонимии является критерий взаимозаменяемости»* [172; 134].

Д.А.Круз говорит, что *«естественные языки презирают абсолютную синонимию также, как и природа пустоту»* [134, с.270].

С.Ульман отмечает, что *абсолютная синонимия идет вразрез с нашим отношением к языку. В языке полностью синонимичных слов очень мало, особенно таких, которые могли бы полностью заменить друг друга во всех контекстах, не вызвав, при этом, хотя бы малейшее изменение либо в номинативном значении, либо в эмоциональной окраске* [199, с.141].

С.Ю.Хованова и О.Афанасьева считают, что *«основой для синонимического сходства является общий денотат, а все остальные компоненты значения могут варьироваться и формируют отличительные черты синонимических оппозиций»* [111, с.23].

Мы также не можем проигнорировать мнения таких лингвистов как Дж.Лайонз и Д.Круз [172; 134], считавшие *самым важным критерием в определении явления абсолютной синонимии критерий взаимозаменяемости*.

Таким образом, перечисленные лингвисты опровергают существование в языке абсолютных синонимов.

Вышеупомянутая мысль, в первую очередь, говорит о том, что один из основных критериев синонимов взаимозаменяемость, на основе которой большинство ученых изучали проблему синонимии, является не единственным определяющим признаком в определении явления синонимии.

Как показывает практика языку присуще стремление избавляться от полностью тождественных элементов. С.Ю.Хованова, О.Афанасьева подчеркивают, что *«большая часть слов, названных синонимами, не является абсолютно тождественными элементами»* [111, с.23].

С другой стороны, самому языку также неинтересны слова, абсолютно тождественные по значению. Ценность для языка составляют, скорее всего, идеографические синонимы, отличающиеся друг от друга оттенками значения, вместе с тем дают возможность передавать тончайшие оттенки мысли. Более того, именно слова близкие по значению представляют собой необходимые ресурсы знания для любого языка. В силу того, что неполные синонимы обладают специфической употребительностью, также по мнению С.Рене, «они не обязательно должны быть взаимозаменяемы в практическом употреблении» [189, с.1-2].

Для выбора не представляет большого практического интереса абсолютные, то есть тождественные по значению синонимы; лишь наличие между синонимами определенной разницы обуславливают выбор между ними.

Поэтому абсолютные синонимы все же встречаются в языке, но они не интересны языку с прагматической точки зрения и являются объектом изучения для терминологии. Например, абсолютные синонимы также встречаются среди терминов одной и той же отрасли науки. Например, «*computer aided translation, computer-assisted translation и machine-aided translation*»—это синонимы одного и того же термина [171, с.134].

Синонимические отношения в терминологии получили совсем иное толкование. Лингвисты, занимающиеся терминологией, считают непредпочтительным существование у терминов синонимов. Наличие у научного термина другой синонимической замены может привести к искажению содержания того понятия. Это может также ввести в заблуждение разных специалистов в попытке выяснить идет ли речь об одном и том же понятии.

Языковеды находятся в постоянном поиске новых языковых явлений и жаждут переосмыслить даже известные науке термины, сделать попытку интерпретировать их с различных позиций. Однако, здесь поощряются дублетные новообразования, которые равнозначно используются со старыми терминами. В связи с этим Ю.В.Сложеникина пишет, что «*новые дефиниции*

терминов не должны вступать в противоречие с теми толкованиями, которые уже приняты исходной терминологией» [94, с.6].

Необходимо также отметить, что в лингвистике также существует традиционное деление синонимов на *языковые и речевые*. Главное свойство первых – это закреплённость в системе, зафиксированность словарями синонимов. В отличие от языковых, речевые синонимы становятся таковыми на основе контекстуальной общности. Здесь на передний план выходит способность носителя языка субъективно переживать близость значения слов. Об этом мы будем говорить позже.

Важно отметить, что несмотря на то, что синонимия относится к одной реальности, она охватывает разные уровни языка. Мы считаем необходимым опираться на определенную дефиницию, которая бы позволила нам видеть синонимы как *«альтернативные единицы»* для выбора.

В этой связи вполне логичным можно считать определение, рассматривающее синонимию как *«определенный тип системного семантического отношения разных языковых единиц, характеризующийся близостью, но не тождеством содержания»* [35, с.186]. Далее рассматривая насколько такие синонимы взаимозаменяемы в контексте, В.В.Виноградов продолжает, *«при этом в этой системе отношений в живом употреблении возможны взаимозамена или вытеснение синонимов в зависимости от целого ряда лингвистических или экстралингвистических условий»* [35, с.188].

Более того, проблема синонимии тесно связана с сущностью значения слов. Мы согласны с мыслью В.Г.Вилюман о том, что *наличие общих семантических и функциональных признаков между словами считается достаточным условием для признания их синонимами* [34, с.11-12].

Для нашего исследования представляются интересными именно те синонимические единицы, которые имеют какое-то различие в значении и, тем самым, ставят определенные ограничения на выбор. Т.С.Сорокина также поддерживает данную точку зрения, считая, что *«онтологической основой синонимии является возможность выразить одно и то же мыслительно-*

языковое содержание языковыми средствами, обладающими различными языковыми значениями» [98, с.96]. Такое мнение также может быть вполне оправдано, так как в языке встречаются слова или выражения, которые хоть и не являются полными синонимами, но могут отнестись к одному и тому же понятию или предмету и в определенных контекстах даже заменить друг друга.

В лингвистике такие синонимы именуется *оказиональными* или *контекстуальными* синонимами и часто они вполне оправданы задумкой автора или интенцией отправителя сообщения. Об этом мы будем говорить в 3-ей главе нашей диссертации.

Помимо этого, нужно учитывать и тот факт, что в общие синонимические ряды могут входить синонимы-заимствования, социальные диалекты, эвфемистические синонимы, которые также выполняют функцию замещения при необходимости. Эти лексические единицы также составляют большой интерес для нашего исследования. Выбор каждого из вышеназванных языковых единиц обоснован различными факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера, которые мы и собираемся изучать в данной работе.

Также, рассматривая эти языковые единицы, как синонимы, эффективнее братья за смысловое тождество, нежели за близость значений. По мнению А.Н.Гранкиной, *так как словам характерны различные эмоциональная окрашенность и функционально-стилистическая характеристика, специфика их контекстного употребления, специфические для каждого из них формально-грамматические особенности могут лимитировать их совпадающие свойства, тогда как все вышеперечисленные характеристики не будут вызывать противоречий, если признать слова синонимичными при наличии тождества значений [43, с.198].*

Поддерживание тесной связи между теоретическими и практическими аспектами изучения синонимов очень важно. Для достижения важных теоретических выводов в изучении синонимии, необходимо проверить истинность полученных результатов в практике. Другими словами, для лучшего

понимания закономерностей функционирования синонимов, необходимо рассматривать их в различных контекстах, выявить их коммуникативно-прагматическую предназначенность.

Очевидно, что все многообразие использования синонимов в речи не сводится лишь к этим функциям. Можно сделать вывод, что система синонимов характеризуется открытостью. Она обменивается информацией с окружающей средой, поэтому все изменения, возникающие в системе синонимии обусловлены экстралингвистическими, лингвистическими и личностных факторами [58, с.38].

Из теоретического обзора синонимии так или иначе стало известно, что синонимы – это слова, обладающие определенными коллокативными и селективными ограничениями.

Итак, как выяснилось, мнения многих ученых относительно явления синонимии совпадают. Помимо этого, многие прагматические и эмпирические исследования также отрицают существование абсолютных синонимов в языке. Вдобавок, они указывает на то, что языку свойственно избавляться от абсолютных синонимов.

Также стало очевидным, почему структурно-системная лингвистика в свое время не смогла дать ответы на многие вопросы. Один из главных её минусов заключался в том, что она рассматривала синонимию, как замороженную систему, лишенная какой-либо динамики и развития. Структурно-системная лингвистика также игнорировала естественное функционирование языковой системы [111, с.23].

Кроме этого, помимо вышеперечисленных недостатков, структурная лингвистика не затрагивала вопросов о прагматической предназначенности синонимов, то есть в ней не рассматривались коммуникативно-прагматические функции, что наложило определенные ограничения также на изучение самой проблемы синонимии. А ведь, выбирая среди синонимов определенное слово, мы, в первую очередь, хотим достичь определенного эффекта от своего выбора. Именно поэтому важной частью изучения выбора и синонимии является

толкование данной проблематики с точки зрения когнитивно-прагматического подхода.

1.4. Проблема близости значения: когнитивно-прагматический подход

На наш взгляд, в настоящее время когнитивная лингвистика, которая предполагает включение когнитивного механизма в изучение синонимии, может пролить больше света на проблему близости значения. Такой подход позволит нам рассмотреть синонимию как ментальную категорию языка.

Тесную связь между языком и когнитивным аппаратом индивида невозможно отрицать. Благодаря этой связи даже процессы умственной категоризации у языка и разума протекают одинаково. Как отмечает В.М.Хантакова, в изучении функционирования естественного языка необходимо отойти от классической теории категории и привлечь к анализу рассмотрение законов мыслительно-языковой деятельности [110, с.145].

Человеку характерно сравнивать вещи и предметы, выделять в них определенные похожие и отличительные свойства. При этом, перебирая в памяти уже известные ему похожие признаки объекта, он сравнивает новые знания со старыми и начинает на основе этого реализовать процесс категоризации. С.В.Лебедева пишет, что человеку свойственно сближать значения слов на основе специфической шкалы в своем сознании, на базе категоризаций общности и различия. [69, с.18].

В спонтанной речи при необходимости выбрать какой-то синоним, он реализует свой выбор тут же на базе утвердившихся процессов категоризации.

Вполне естественно, что на самоорганизацию лексикона взрослого человека влияет его статус в семье, род занятий, жизненные принципы и цели, многолетний опыт работы в определенной сфере деятельности и т.д. И.П.Кривко считает, *что причины, по которым тот или иной индивид подбирает синоним к данному слову, меняются исходя из его личного опыта, социальной обстановки,*

когнитивного и психоэмоционального состояния в данный момент времени [62, с.216].

Близкие по значению слова в лексиконе говорящего, таким образом, становятся продуктом процессов категоризации знаний. По мнению С.Лебедевой, существует коллективная категоризация знаний. Она реализуется благодаря акцентированию определенных признаков предметов или явлений, которые изначально выделяются общественным сознанием. Необходимо отметить, что она также отмечает наличие индивидуальной категоризации знаний, которая у каждой личности развивается по-своему [69, с.145].

Ю.В.Чепель акцентирует внимание на важности *«учета факторов, влияющих на переживание индивидом сходств и различий в ситуации «здесь и сейчас», в рамках которой человеком могут быть выстроены любые связи и цепочки, а слова осознаны как близкие или тождественные»* [114, с.8]. По его мнению, *когнитивный опыт отправителя очень важен при создании синонимических средств языка, так как свои индивидуальные знания, свой многолетний опыт и ценности он непосредственно связывает с синонимами, которые он создает* [114].

Итак, такой подход к синонимизации разрушает привычное стереотипное представление о синонимических отношениях. Как мы видим из обсуждения выше, позиция синонимов в общих синонимических рядах оказывается непрочной, синонимы, входящие в общий синонимический ряд, по каким-то семам могут входить также в другой ряд синонимов и так до бесконечности. А.А.Шумилова отмечает, что синонимические ряды находятся в постоянном движении и порой они сливаются друг с другом и вместо общего ряда, мы получаем сеть, «распахнутую» в языковую систему. Потом к ней добавляются новые семы, которые более ярко подчеркивают какие-то признаки уже имеющихся синонимов, что ведет в непрерывному расширению лексикона [120, с.147].

Такой подход непременно ставит доминанту синонимического ряда под сомнение. При этом трудно выявить какой синоним обладает нейтральным

общим значением в конкретном ряде. Происходит движение доминанты в зависимости от ряда факторов. Об этом мы будем говорить в следующих параграфах.

Влияние этих факторов на организацию синонимических рядов весьма велико, так как благодаря им определяется ядра ряда, те «плавающие доминанты», которые ведут «к размежеванию синонимических сетей» [103, с.279].

Каждый говорящий видит окружающую реальность по своему и каждый из нас акцентирует свое внимание на конкретных признаках этой реальности, игнорируя другие. Так, выбор может производиться также исходя из отношения отправляющего к получателю. По мнению И.П.Кривко, для человека «синонимы» являются словами, связанные со словом-стимулом по разным причинам и основу такой близости значений таких слов он обычно определяет для себя сам [63, с.10].

Индивидуальная оценка ситуаций общения также находит свое отражение в расслоении языковой системы на стили.

В современном мире процесс номинации реалий характеризуется высокой степенью активности. В условиях меняющейся языковой картины мира процесс синонимизации можно назвать наиболее подвижным и непрерывным.

Синонимы настолько связаны с нашей повседневной жизнью, что в них отражаются все социальные и индивидуальные изменения, происходящие в обществе. Поэтому, возникновение новой лексической единицы для наименования уже обозначенного понятия, скорее всего, вызвано потребностями говорящего. Человек имеет безграничную власть над словами; он способен повлиять на слова или даже поменять их предназначение. Следовательно, приписать синонимию к сугубо внутри лингвистическим феноменам будет неправильно.

Когнитивно-прагматический подход доказывает, что возникновение многочисленных синонимических рядов в языке всегда мотивировано стремлением человека либо к познанию окружающей действительности, либо

для достижения необходимой коммуникативной цели. Как отмечает А.Л.Ямпольская, *«человек склонен лучше усваивать информацию, которая синонимизируется с уже имеющимися знаниями. Бессмысленный или безразличный для индивида материал «оседает» в сознании гораздо слабее»* [123, с.15].

По словам Е.П.Беляевой, *«в большинстве работ, посвященных выявлению общности или сходства значений языковых единиц через понятие картины мира, главная роль отводится концептам в мышлении, посредством которых человек воспринимает, структурирует, классифицирует и интерпретирует поток информации, поступающий из окружающего мира»* [28,с.5].

В целом, синонимия представляет собой процесс, который охватывает не только деятельность языковых единиц, но и отражает жизнь и творчество самого человека. Поэтому, сегодня современные лингвисты изучают проблему синонимии и выбора с антропоцентричного подхода, где в центре языковых явлений стоит сам человек.

Наша цель в затрагивании вопроса процессов синонимической аттракции заключается в выявлении закономерностей переживания сходства значений как возможного ключа к более важным задачам, поставленные перед нами, а именно к выявлению обоснованности выбора синонимических единиц отправителем сообщения. Следовательно, в рамках данной работы вместо термина *«синонимизации»*, мы считаем целесообразным также использование таких терминов как *«лексическая аттракция»*, *«синонимическая аттракция»*, *«переживание близости значения»* и другие.

Рассмотрение синонимических рядов не только с учетом их семантических данных (схожестей и различий в значениях, взаимозаменяемость и т.д.), а сколько с точки зрения их выбора, помогает акцентироваться на самой коммуникативной значимости явления. А для нас именно прагматика слова и представляет больше интереса, нежели рассмотрение огромного количества различных точек зрения на данную проблематику. В.И.Гришкова отмечает что, *«если в письменной речи удаётся выбрать нужное слово из многочисленных*

вариантов, отличающихся тонкими оттенками значения, то в устной речи говорящий сам выбирает необходимую лексему, расширяя при этом ее значение. Близость значения слов в речи характеризует отсутствие языковых законов или языковой логики, она носит чисто прагматический характер» [46, с.1-2].

В современной лингвистике проблема переживания близости значения получила совсем иную трактовку, полностью отвергающая традиционное понимание синонимии как *«хорошо упорядоченной системы»*. В центре процессов синонимической аттракции стоит, в первую очередь, фактор личности, что и составляет антропоцентричный подход к изучению языковых явлений в современной лингвистике. Синонимическая аттракция и выбор представляют собой особые способы, с помощью которых выявляются секреты личностной концептуальной репрезентации действительности.

Очень важно также отметить тот факт, что существования в языке множества синонимов указывает на отсутствие *«единой немаркированной языковой формы»* в языке для описания различных предметов и явлений. Здесь мы ссылаемся на М.А.К.Халлидейя, который считал, что *«невозможно указать на определённое понятие с помощью одного слова»* [151, с.34]. Данное утверждение может быть оправдано и с использованием синонимов.

Итак, каждый раз, пытаясь подобрать необходимый синоним к ранее упомянутому слову, мы оказываемся перед широким выбором различных похожих по значению слов, каждое из которых вместо того, чтобы вызвать какую-то одну сильную импликацию, даёт толчок к различной интерпретации данного слова в контексте. Тут мы ссылаемся на утверждения Н.Фейирклафа о том, что *«идеологии рождаются в текстах»* и *«текст открыт для различной интерпретации»* [142, с.16]. Такие двояко звучащие близкие по смыслу слова, в силу обладания слабыми импликациями, также интерпретируются в соответствии с утверждением Н.Фейирклафа и, таким образом, приобретают размытость и, следовательно, вызывают различную трактовку со стороны получателя. В результате, синонимы приобретают суггестивную функцию. Об этом мы поговорим в третьей главе нашей диссертации.

С другой стороны, стремление языка к обновлению своих лексических средств также является одной из причин пополнения словарной базы языка синонимами. Этот процесс сам по себе также является непрекращающимся. В условиях динамичного развития лексикона и его самоорганизирующего характера процесс синонимизации или синонимической аттракции можно назвать наиболее подвижным и непрерывным.

При передаче информации говорящий стремится выбрать слово, которое наилучшим образом выразил бы его языковую интенцию. Для осуществления этой цели, он начинает выбирать слова из наличного лексикона, но, не находя в нем нужного слова, он прибегает к изменению имеющего слова или создает новое.

Е.В.Пупынина подчеркивает, что к одному и тому же концепту можно найти доступ с разных сторон [90, с.291]. При этом, какие-то свойства оказываются более знакомыми языку, а какие-то еще нуждаются в изучении и осмыслении. Именно последние в дальнейшем постепенно включаются в значение слова расширяя семантику данного слова.

Изменения в семантической структуре слова представляет собой непрерывный процесс. К синонимическим новообразованиям относятся неологизмы, заимствования новых слов из других языков, новые варианты в семантической структуре уже существующего слова.

Итак, каждый новый выбор синонимических единиц, предоставленный языком отправителю – это своего рода конечный результат соотношения между новыми достижениями в процессе человеческой жизнедеятельности, научным развитием и словарным потенциалом языка на конкретном этапе его развития. Поэтому синонимические слова возникали и будут возникать, как результат непрерывного противоречия между состоянием словарной базы и ее ограниченностью на данном этапе и научными достижениями, требующие от языка адекватной номинации.

Итак, из нашего исследования стало ясно, что синонимы не являются единственными элементами для выбора при порождении речи.

Другими словами, источники образования синонимов различны и выбор между различными синонимами мы делаем по разным причинам. В качестве синонимов язык предлагает нам альтернативные замены, такие как заимствования, диалекты, эвфемизмы и т.д.

Далее, в целях определения обоснованности употребления каждого из них в конкретных целях, З.Д.Попова и И.Стернин в своей статье пишут, что «увеличение количества языковых единиц, объективирующих тот или иной концепт, формирование обширного синонимического ряда, является отражением коммуникативной значимости, а, следовательно, популярности того или иного предмета, явления» [86, с.148].

Также показателем популярности того или иного концепта является частотность употребления синонимов. Из нижеприведенной таблицы становится ясно, что, если число языковых средств, называющие один и тот же концепт высоко, то это можно воспринимать как факт его актуальности в данном обществе. Возьмем, к примеру, слово «*recession*» и рассмотрим частотность употребления синонимов к данному слову в американском обществе по годам, начиная с 1990 до 2011 года [80, с.29].

Частота использования слова «*recession*»

Годы	1990-1994	1995-1999	2000-2004	2005-2009	2010-2011
Кол-во с/у	16918	11563	13058	13929	3806
Кол-во с/у на млн.	162.67	111.78	126.85	136.52	150.01

Среди часто использовавшихся синонимов к слову *recession* были *stagnation, depression, collapse, slump, downturn* и *decline*.. Важно отметить тот факт, что высокая частота употребительности этих синонимов соответствует периодам, когда США были охвачены экономическими спадами [80, с.290]. Похожую точку зрения высказывает З.Д.Попова. Она считает, что актуализация

концепта в концептосфере влияет на повышение частоты его использования, то есть рекуррентности и, тем самым, возрастает количество номинирующих его синонимических единиц. С другой стороны, можно предположить, что, если концепт потеряет свою актуальность, то, следовательно, уменьшится его рекуррентность и число воплощающих его языковых репрезентаторов [86, с.149].

Также по данным The Corpus of Historical American English, который является одним из крупнейших корпусов текстов, если самая низкая частотность различных синонимов к слову *recession* была зафиксирована в 1810-1920 годах. А в 1930 году данные синонимы пользовались высокой частотностью, потому что именно эти годы совпадали с периодом, который был известен истории как время Великой Депрессии [218].

С другой стороны, одно и то же наименование используется для номинации различных объектов. Следовательно, одно и то же номинативное целое может коррелировать с различными группами синонимов.

Часто происходит так, что слова, которые имеют схожие значения вытесняются полностью из языка. Главная причина этого феномена кроется в размежевании значений слов, т.е. слова, которые сосуществуют в языке длительное время в результате вытесняются из языка, как ненужные [102, с.8-9].

Итак, изобилие синонимов в языке достоверный показатель того, насколько значимым является тот или иной концепт для носителей языка, насколько высок статус данного концепта в сознании общества в определенный исторический период.

На сегодняшний день процесс синонимизации можно назвать самым активным языковым процессом, пронизывающий всю лексику и обогащающий словарный фон языка параллельно вместе с развитием того общества. Этот процесс в лишний раз доказывает существование тесной связи слов с окружающим нас внешним миром и способности языка к развитию вместе с ростом наших современных знаний.

В современной лингвистике проблема переживания близости значения получила совсем иную трактовку, полностью отвергающая традиционное понимание синонимии как «*хорошо упорядоченной системы*». В центре данного процесса стоит, в первую очередь, фактор личности, что и составляет антропоцентричный подход к изучению языковых явлений в современной лингвистике.

Таким образом значение полностью раскрывается, если оно употреблено в лингвистических и ситуативных контекстах. Е.К.Ковалева отмечает, что для исследования особый интерес представляют именно контекстуальные синонимы. Именно с их помощью возможно проникнуть вглубь данной тематики и вскрыть, находящиеся за ней когнитивные процессы» [57, с.167].

Когнитивный подход доказывает, что существование многочисленных синонимических рядов в языке всегда мотивировано стремлением человека к познанию окружающей действительности. Бесмысленный или безразличный для индивида материал «*оседает*» в сознании гораздо слабее [114, с.37].

Мы предполагаем, что человек склонен лучше усваивать информацию, которая синонимизируется с уже имеющимися знаниями.

Во всем многообразии работ, посвященных выявлению общности или сходства значений языковых единиц через понятие картины мира, главная роль отводится концептам в мышлении, посредством которых человек воспринимает, структурирует, классифицирует и интерпретирует поток информации, поступающей из окружающего мира [28, с.2].

Рассмотрение синонимических рядов не только с учетом их семантических данных (схожестей и различий в значениях, взаимозаменяемость и т.д.) сколько с точки зрения их выбора, помогает делать акцент на самой коммуникативной значимости явления. А для нас именно прагматика слова и представляет больше интереса, нежели рассмотрение огромного количества различных точек зрения на данную проблематику.

Как нам известно, язык, будучи носителем всех духовных и культурных достояний народа, непосредственно подвергается процессу глобализации. В

условиях глобализации осуществление диалога между культурами ведет к формированию общекультурных элементов, разрушается национальность, самобытность языковых систем, утрачивается этнический компонент картины мира, являющийся определяющим элементом становления мировоззрения людей, принадлежащие к конкретному языковому коллективу.

Итак, каждый новый выбор синонимических единиц, предоставленный языком отправителю – это своего рода конечный результат соотношения между новыми достижениями в процессе познания и существующим словарным потенциалом языка.

Таким образом, хоть и многие лингвисты считают, что точных синонимов в языке нет или они слишком редки, возникновение таких синонимов, полнее и яснее всего можно проследить в сфере экспрессивной лексики.

Выбирая среди синонимов определенное слово, первым делом, мы хотим достичь определенного эффекта от выбранного слова. Иначе в чем же заключался бы смысл выбора, если бы между синонимами, составляющими синонимический ряд не было бы никаких различий? Это в лишний раз доказывает то, что синонимы являются словами близкими по значению, обязательно предполагающие некое различие в их значении, но ни в коем случае не тождественными.

В условиях динамичного развития лексикона и его самоорганизующего характера процесс синонимизации или синонимической аттракции можно назвать наиболее подвижным и непрерывным.

Точно так же, как и для языка является вполне естественным процессом подвергаться различным изменениям, слова также имеют тенденцию к модифицированию под воздействием разных факторов. При передаче информации говорящий стремится выбрать слово, которое наилучшим образом выразил бы его языковую интенцию.

Увеличение количества синонимов в языке также является показателем популярности того или иного концепта является частотность употребления синонимов. Семантическая вариативность, которая приводит к подвижности

компонентов синонимических рядов, часто является результатом действия такого прагматического фактора, как отношение номинатора к денотату.

Итак, на сегодняшний день процесс синонимизации можно назвать самым активным языковым процессом, пронизывающий всю лексику и обогащающий словарный фон языка параллельно вместе с развитием того общества. Этот процесс в лишний раз доказывает существование тесной связи слов с окружающим нас внешним миром и раскрывает способность языка к развитию вместе с ростом наших современных знаний. Однако необходимо отметить, что значение синонимов и обоснованность их выбора в конкретном случае не может полностью раскрываться, лишь выявив лингво-когнитивную обоснованность происхождения синонимов. Чтобы добиться полной картины экстралингвистической обоснованности выбора синонимов в языке и речи, обязательно также привлечь к анализу изучение лингво-социальной и прагматической детерминированности выбора синонимов в различных контекстах.

1.5. Роль семантико-стилистических различий между синонимами в их выборе

Из предыдущих разделов мы выявили лингво-когнитивную обоснованность происхождения и сосуществования в языке различных языковых средств для передачи одной и той же мысли через процессы синонимизации и повторной номинации.

Теперь важно выяснить, как различия в семантическом содержании близких по смыслу слов влияют на их выбор. Роль семантико-стилистических различий между синонимами при реализации выборе невозможно недооценивать, так как, осуществляя выбор слов, отправитель каждый раз имеет дело с различными грамматическими, семантическими и стилистическими

признаками этих слов. С.В.Закорко пишет, что *«поиск слов ведется по ряду смысловых признаков, которые пересекаются друг с другом и объединяют слова в разного рода группы»* [52, с.29].

Так, в ходе исследований было установлено, *«что поиск слов в памяти ведется как по чисто формальным (звуковым и графическим), так и по грамматическим и семантическим признакам или по разного рода комбинациям формальных признаков с признаками семантическими»* [52, с.29-30].

В последнее время в лингвистике ученые обращают большое внимание речевому конфликту, который часто происходит в процессе коммуникации. Он бывает обусловлен разными факторами: лингвистические, социальными, психическими и другими. Но, при этом, конфликтогенный потенциал коммуникации бывает заложен в самом неправильном выборе речевых средств. О.В.Крамкова в этой связи отмечает, *«либо в семантике слова или выражения в целом, либо в прагматике данных единиц»* [61, с.332].

Учитывая то, что проблема конфликтогенности весьма многогранна и часто бывает обусловлена психическими процессами, мы затронем проблему речевого конфликта лишь настолько, насколько он обусловлен лингвистическими факторами. Но, поскольку эта проблема является предметом исследования лингвопрагматики общий обзор эндогенных факторах, т.е. индивидуально-психологических особенностей также возможен.

Из нашего предыдущего обсуждения выяснилось, что лингвисты единогласно опровергают существование в языке абсолютных синонимов. Как стало известно, чтобы слова назывались синонимами, они обязательно должны иметь определенные различительные нюансы в своем значении. Такие синонимы оказываются интересными для выбора, так как они накладывают определенные ограничения на реализацию передаваемого сообщения.

Итак, поскольку, именно смысловые отличия, имеющиеся в значении синонимов, ставят отправителя перед выбором, их рассмотрение представляет особую важность для нашей работы.

Вышесказанное также подтверждает то, что синонимы не могут заменить

друг друга в одном и том же контексте так, чтобы создать исключительно одинаковую коммуникативно-стилистическую или прагматическую значимость. Другими словами, использование двух разных синонимов в одном и том же контексте также вызовет различия в их интерпретации со стороны получателя сообщения, поскольку такие синонимы различны как в денотативном и коннотативном смыслах, так и по стилистической окраске.

К примеру, возьмем синонимы *kill*, *murder*, *assassin*. Хотя они и связаны общностью денотативного значения, существующие в каждом из этих слов дополнительные оттенки значения, приводят к серьезным различиям в их реализации в общем контексте. В этой связи Е.В.Никитина пишет, что «случаи употребления синонимов только в функции замещения редки, так как, синонимы, заменяя лексическую единицу со схожим значением, уточняют понятие или смещают смысловые акценты в передаваемых понятиях, иными словами, происходит совмещение двух функций – уточнения и замещения» [79, с.54].

Итак, говоря о семантических и стилистических различиях между синонимами очень важно сказать несколько слов о типах значений слов. Отметим, что слова обладают как денотативным, так и коннотативным значением.

Одним из аспектов, различающий синонимы является коннотация, которая передает степень, интенсивность основного компонента. Например, рассмотрим синонимы *delicious* и *tasty*. Для носителей языка оба эти слова передают значение «вкусный», однако, они в то же самое время предполагают различную контекстуальную употребительность. Это происходит благодаря дополнительному коннотативному элементу, имеющемуся в значении слова *delicious*. О.В.Чалей отмечает, что слово-прилагательное «*delicious*» внушает более сильную ассоциацию и имеет более импрессивную окраску по сравнению со словом «*tasty*». Поэтому «*потекли слюнки*» на русском и «*delicious*» на английском почти несут одинаковую значимость, так как для носителя английского языка слово «*delicious*» передает смысл «самый вкусный» [113,

с.195].

Здесь интересно мнение Л.М.Панченко, определяющий синонимы, как *«слова с полностью совпадающим денотативным компонентом значения и различающиеся коннотативным компонентом»* [82 с.126].

Таким образом, коннотацию можно считать одним из основных признаков значения, влияющий на выбор отправителя. Л.Рапи пишет, что *«одним из важных семантических аспектов синонимических лексических единиц, который служит для создания различных стилистических эффектов, является коннотативный аспект»* [188, с.121].

В отличие от денотативного значения, коннотация включает в себя различные оттенки значения, которые и составляют уникальную семантическую структуру для каждого слова по отдельности. Эмоционально-экспрессивный аспект, составляющий основу коннотации, позволяет нам делать выбор между словами, которые мы выбираем. Именно благодаря экспрессивным особенностям синонимов мы можем выбрать слово, наиболее уместное в определенной речевой ситуации.

Такие возможности синонимов способны стилистически оправдать использование любого синонима в определенном контексте, отвечающий требованиям речевой интенции отправителя. С другой стороны, при желании повлиять на собеседника, нередко благодаря именно коннотации отправителю удастся вызвать эффект внушительности передаваемого сообщения. В связи с этим Л.Рапи пишет: *«Эмоциональный аспект связан с тем, какое отношение формируется у отправителя к лексическим единицам. Использование лексических единиц для отражения различных аспектов реальности является функцией всех лексических единиц, имеющие такое (коннотативное) значение»* [188, с.122]. От этого и зависит степень интенсивности, с которой синонимы способны репрезентировать тот или иной аспект реальности.

Рассмотрим следующий синонимический ряд *bribe, bait, pay-off u kickback*. Тут мы ссылаемся на интерпретации, взятые из статьи С.Ю.Ховановой и О.В.Афанасьевой [111, с.24].

Слово *bribe* обозначает «взятку» или «деньги или подарок, передающиеся второму лицу незаконным путем с целью, чтобы тот выполнил требования первого лица». Синоним *bait* содержит дополнительные оттенки значения и включает в себя новый смысловой элемент «соблазна» или «наживки», т.е. то, что можно использовать для привлечения внимания и обмана с целью заставить другого человека сделать то, что нужно вам. Слово *pay-off* также обозначает «взятку», но с новым дополнительным смыслом «выплачивания денежной суммы определенному лицу для того, чтобы это лицо не разглашало тайну или оставило свой служебный пост». Далее, слово *kickback* также предполагает определенный вид «наживки» с «возвращением части полученной суммы денег назад», в частности, как результат принуждения.

Если сравнить перечисленные синонимы, то самым нейтральным в стилистическом смысле будет синоним *bribe*. Например, о последних двух можно сказать, что они относятся к разговорному стилю, так как сегодня в современном английском языке существует тенденция формирования синонимических единиц из фразовых глаголов. С.Ю.Хованова и О.Афанасьева пишут, что «... имена, образованные от фразовых глаголов, принадлежат к неформальному стилю (о чем есть помета в словарях)» [111, с.25].

Вышеприведенные смысловые различия между синонимами отчетливо проиллюстрировали, что в выборе синонимов, помимо учета коннотативного аспекта, также важен и учет речевого или языкового стиля или формальности контекста.

Поэтому необходимым условием при выборе синонимов является умение отправителя адекватно оценивать сложившуюся коммуникативную ситуацию и использовать синонимы в соответствии с требованиями стиля речи и языка. Например, *soldier* (стилистически немаркирован.) – *warrior* (торж.); *get arrested*– *get nailed* (груб.); *get married*– *get buckled* (шутл.); *he saw a girl* (стилистически нейтральный) – *he beheld a girl* (торж., книжный стиль) [97, с.56].

Каждый стиль предполагает специфический выбор языковых единиц. В результате возникают слова или группа слов, относящиеся к определенной сфере деятельности или разделу науки, сюда можно отнести и термины. Для примера, рассмотрим слова *comprehend* и *understand*, *rebuke* и *scold*, *intoxicated* и *drunk*, *euphoria* и *happiness*, *lavatory* и *toilet* и т. д. Первые слова в каждой паре относятся к формальному языку, а вторые – могут употребляться в неформальной обстановке. Получатель сообщения, услышав первое слово из любой синонимической пары, приведенной выше, в менее формальной обстановке, сильно удивится. Сравним предложения: *Tom comprehended all the words that his father told him and promised to behave accordingly.*

Comprehended в данном случае неприемлемо, поэтому естественно, что оно вызовет соответствующую реакцию или негодование со стороны слушателя. Подходящим словом, при этом, будет слово *understand*.

Следующим примером может послужить, *rebuke* и *scold*. Рассмотрим следующее предложение: *For Jane didn't obey the teacher's order to calm down, her mother rebuked her after classes.*

Слово *rebuked* в данном случае также станет причиной удивления, если будет произнесено отправителем в дружеской обстановке, например, в разговоре с друзьями или членами семьи. Адекватную реакцию, при этом, вызовет слово *scold*, выбрав которое отправитель может ожидать полное взаимопонимания от беседы.

Вышеприведенные примеры показывают, насколько важен учет семантических расхождений между ассоциируемыми словами. С.А.Шабанова пишет, что «такие синонимы отличаются не только сферой употребления (принадлежностью к разным стилям речи), но и экспрессивной семантикой (экспрессивными оттенками на фоне нейтрального основного слова синонимического ряда)» [116, с.339].

Например, слова *experiment* и *investigation* по сути являются близкими по значению словами. Однако, каждому из них присущ свой контекст употребления. Например, обычный человек, не имеющий конкретных знаний в

научной области, может неуместно употребить данные слова. При этом, он может столкнуться с недовольством со стороны собеседника, особенно если получатель сообщения компетентен в области науки. С другой стороны, есть вероятность, что у получателя сообщения сложится неправильное представление об определенных научных процессах, если тот также не осведомлен в этой сфере знания. Так или иначе, в обоих случаях, возрастает вероятность речевого конфликта.

Рассмотрим следующие предложения:

“The purpose of the experiment was to prove the causes of the phases of the Moon. Our answer is correct because the data prove it” [167, с.48].

В данном предложении выбор слова отвечает требованиям контекста. *Experiment* предполагает наличие конкретного научного подхода, определенную процедуру и цель. Однако, слово *experiment* в некоторых контекстах также подразумевает значение «исследование» и употребляется вместо *investigation*, но такое употребление имеет свои ограничения и должно производиться с осторожностью. Как, например, в следующем предложении. Здесь выбор *experiment* вместо *investigation* не совсем удачен:

The purpose of the experiment was to gather data to answer the question of *“What causes the phases of the Moon?”* [167, с.49].

В данном примере правильнее использовать слово "investigation", подразумевающее общее исследование реального мира (предметов, объектов и т.д.) В выбранном примере речь идет об исследовании, направленное на собрание научных данных, без наличия какого-либо тестирования или манипуляции, то есть элементов эксперимента. Вполне вероятно, что, сделав такой выбор, в лучшем случае, отправитель не сможет правильно довести до своего получателя свою интенцию, а в худшем, он станет виновником формирования у него ложного представления (*misconception*) относительно определенных вещей.

Выбирая тот или иной языковой вариант, отправителем должен учитываться информативно-семантический объем каждого синонима.

Рассмотрим, как поведут себя синонимы *an error* и *a blunder*, если их заменить друг другом в общем предложении. Выбор этих синонимов, различающиеся одновременно семантическими и стилистическими свойствами, повлияет как на смысловое воплощение, так и на стилистическую окрашенность всего предложения:

(1) I made *an error* in introducing her to my husband.

(2) I made *a blunder* in introducing her to my husband [117, с.134].

Отметим, что слово *blunder* предполагает высокую степень невнимательности, чем *error*. Кроме этого, стилистически *blunder* является более внушительным и конкретным (*forceful and more concrete*).

Обратим внимание на предложения с синонимами *arrange* и *organize*:

Предложение 1: He *arranged* the books on the shelves.

Предложение 2: He *organized* the books on the shelves.

Некоторые синонимы характеризуются сочетаемостными ограничениями. Эти синонимические единицы можно именовать «комбинаторно нетождественными» [109, с.45]. По мнению Р.М.Хазиевой эти слова лишь могут совпадать в своих словарных значениях, но, при этом, они будут иметь совершенно разную сочетаемость в комбинаторных значениях, что накладывает определенные ограничения на их взаимозаменяемость в однотипных контекстах [109, с.46].

Отметим, что комбинаторные ограничения обычно бывают лексическими, семантическими или референционными.

К примеру, в английском языке слово «кусочек» имеет очень много синонимов. Если рассмотреть синонимический ряд: *piece, morsel, lump, slice, chunk*, то можно выявить, что слово *piece* имеет самый широкий круг сочетаемости, остальные слова могут сочетаться только с ограниченным числом слов: *a morsel of bread (meat)* – кусочек хлеба (мяса); *a slice of cheese (sausage)*, *a lump of sugar, a chunk of wood* [100, с. 40].

Итак, такие синонимы употребляются только с определенным кругом слов, то есть они не могут использоваться один вместо другого не нарушая при этом грамматическую целостность предложения [151, с. 5].

Например, если сравнить *large* и *big*, то оба они означают «massive in size or amount». Описывая, скажем, «дом» мы можем сказать «*a large house*» или «*a big house*». В данных предложениях у этих прилагательных схожее значение.

Однако, обратим внимание на предложение:

In his speech Nick used big words.

Здесь *big words* никак нельзя заменить на *large words*, потому что он будет описывать «размер» слов вместо того, чтобы придать особую выразительность предложению, что возможно только при помощи *big*. [126, с.104-105]

Например, из двух синонимов *creep* и *crawl*, передающие одинаковое значение, последнее, например, предпочтительнее использовать с названием существ, лишенных конечностей (змей, червяков и т.п.) [92, с.146].

Такого рода ограниченность отправитель обязательно должен учитывать при выборе между этими синонимами. Поэтому, в следующем предложении замена слова *crawl* его синонимом *creep* невозможна.

The snakes crawled around the tree.

Можно также привести другой пример. Например, в американском английском сленге *large* может быть использовано по отношению к деньгам, а именно *a thousand dollars*. Рассмотрим следующее предложение:

I hit the jackpot in the casino and pull in 25 large.

В данном контексте слово *large* описывает определенное количество денег, поэтому, если мы заменим его на синоним *big*, то это полностью разрушит значение данного сленга и нарушит грамматическую структуру всего предложения [126, с.104-105].

Итак, при выборе синонимов следует учитывать семантико-стилистические различия между ними, так как замена в контексте одного синонима другим вызывает существенные изменения в смысловом оттенке высказывания.

Как выяснилось, основными критериями сугубо лингвистического характера, по которым синонимы различаются между собой и становятся продуктом для более тщательного отбора являются *типы значений (денотант/коннотация), стили речи, лингвистический контекст и сочетаемостные особенности* с другими словами в контексте.

Учет семантических и стилистических различий между синонимами позволяет отправителю не только делать выбор между необходимыми ему нейтральными и экспрессивными синонимами, но и помогает соотносить употребление синонимов с определенной сферой, выявлять их принадлежность к разным стилям, как формальному, так и не формальному и делать правильный выбор синонима.

Помимо стилистических, идеографических и контекстуальных синонимов, встречаются слова, не обозначенные как синонимы в системе языке, но которые могут сближаться по смыслу исходя из когнитивно-прагматических соображений. В этом и заключается прагматика языковой единицы. Выбор таких синонимов всегда когнитивно оправдан, так как реализуется на основе критериев «для меня, здесь и сейчас». С.А.Шабанова в этой связи отмечает, что *«помимо сугубо лингвистических факторов, определяющих выбор синонимов в языке, он может также зависеть от отношения говорящего как к передаваемому сообщению, так и к лицу, воспринимающему это сообщение»* [116, с.339]. Тут на передний план выходят факторы экстралингвистического характера.

Таким образом, если раньше лингвисты обращали больше внимания изучению номинативной, семантической и других функций слов в языке, то в современной лингвистике возрастает интерес к социальным и прагматическим аспектам выбора слов, учет которых весьма важен для достижения полного взаимопонимания между собеседниками в процессе коммуникации.

II ГЛАВА

СОЦИО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР СИНОНИМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

2.1. Детерминированность выбора языковых единиц социально-демографическими параметрами

Итак, из предыдущей главы стало известно, что при передаче информации говорящий стремится выбрать тот синоним, который наилучшим образом выразил бы его языковую интенцию, отвечая всем параметрам стиля и речи. Однако, процесс осуществления выбора не является таким простым процессом, как это может показаться на первый взгляд. В реализации выбора синонимов, помимо самих синонимов, не менее важное участие принимают внешние, не зависящие от языка, факторы.

Но как отправитель сообщения выбирает конкретный синоним среди всех других схожих с ним по смыслу единиц? Какими же факторами обусловлен его выбор? Это вопросы, на которые мы попытаемся ответить в данной главе.

Язык, который мы используем, находится под непрерывном воздействием роста личности как в личностном, как и в социальном плане. Слова имеют тенденцию постоянно меняться, адаптироваться к условиям окружающей среды. Это в определенной мере сказывается на использовании языка и, соответственно, на выборе языковых ресурсов для передачи информации. Поэтому, выбор также во многом зависит от индивидуального опыта говорящего, а также таких социально-демографических параметров, как пол, возраст, социальный статус говорящего, его профессия, род занятий.

Частое обращение к этой проблеме обусловлено изменениями, происходящими как в языке, так и в обществе, например, с одной стороны, ростом и развитием науки, достижениями в области техники, с другой – меняющейся языковой картиной мира [166, с.81].

На протяжении жизнедеятельности человека и его формирования как личности совершенствуется его язык, меняется его социальное положение, меняется образ жизни, привычки и т.д. Это, безусловно, отражается на его выборе языковых средств и накладывает жесткие рамки на выбор синонимических единиц языка.

В языке бытует мнение о том, что в сознании индивида схожесть значений языковых знаков определяется такими параметрами, как пол, возраст, опыт и знания личности, его личное восприятие мира и психоэмоциональное состояние. Выбор языковых единиц отправитель совершает исходя из вышеперечисленных параметров [166, с.89].

Известно, что слова, которые мы выбираем для передачи сообщения, находятся в зависимости от определенных факторов. В лингвистике первые работы, выполненные с целью выявления ситуативной и социальной вариативности языка, принадлежат Е.Гоффману, считавшему, что *все люди играют определенную коммуникативную роль, которая легко меняется в зависимости от формальности ситуации, типа аудитории и того, какими отношениями мы связаны с другими коммуникантами* [148, с.9].

Однако эта тема не была достаточно освещена. В своей работе Е.Гоффман не фокусируется на самом использовании языковых средств.

Более поздние исследования, направленные на выявление зависимости использования языковых единиц от факторов социального характера, принадлежат Д.Хайямсу, считающемуся основоположником социолингвистики. По его мнению, каждый речевой акт, помимо учета социальных установок, должен принимать во внимание и то, кем являются сами коммуниканты и каковы цели их взаимоотношений [155, с.34]. Однако, как пишет Дж.Форгас, *Д.Хайямс освещает проблему не с точки зрения использования слов, а больше акцентирует свое внимание на самой природе таких взаимоотношений* [143, с.64]. Д.Хайямс, П.Браун, С.Фрейзер и Дж.Форгас сделали новые попытки выявить влияние ситуации на речевые акты собеседников, однако и эти подходы

были сфокусированы на самих взаимоотношениях, нежели на проблеме словоупотребления.

Первыми попытками в изучении вариативности языка и использования различных языковых вариантов с применением эмпирических данных можно считать работы У.Лейбова, сформировавшего вариативный подход к использованию языка. Собранные им данные опираются на различные социолингвистические интервью, общественные выступления, радиопрограммы и служат реальными фактами для рассмотрения функционирования языка в конкретных ситуациях [155; 131;143].

Однако вышеперечисленные работы направлены на выявление обоснованности языковой вариативности в целом и не рассматривают вопрос выбора синонимических вариантов.

Важным вкладом в лингвистику стало изучение различных социальных моделей для выявления детерминированности выбора языковых вариантов. Первые попытки в этой области принадлежат У.Лейбову. В своих работах он смог показать, что *выбор коммуникантами близких по значению языковых форм никак не может быть ограничен лишь языковыми факторами. На использование лингвистических средств оказывают влияние также различные социальные факторы, а именно возраст, пол, социально-экономический статус говорящего, диалект, его восприятие ситуации (формальная или неформальная) или тона* [166].

Лингвистической науке известно очень много теоретических исследований, проведенных с целью выявить предпочтения личности в выборе слов. Так как язык является социальным феноменом вполне ясно, что общество само также имеет влияние на язык.

Языки содержат много уровней внутренней вариации, каждая из которых связана с такими факторами как социально-экономический статус, возраст, месторасположение, групповая идентификация и другие.

С.В.Лебедева также отмечает, что *«в процессе выбора необходимого слова, индивид пребывает в состоянии неопределенности. Это критическое*

состояние, когда человек находится в поиске решения поставленной задачи. Именно в этот момент на сознание оказывает воздействие какой-либо параметр, например, социальная обстановка в стране, сфера деятельности индивида, образование, возраст, пол, которые повлияют на дальнейшее развитие всей системы близких по значению слов» [71, с.128].

Одним из важных факторов, влияющих на выбор языковых средств является фактор возраста. Несмотря на большое количество имеющихся в литературе работ, посвященных выявлению роли возраста в отправлении сообщения, действительно значимых и ценных работ о том, как выбор меняется на протяжении всей жизни и деятельности говорящего до сих пор не имеется [112, с.36].

Однако известно, что у различных возрастных категорий склонности к выбору языковых элементов сильно различаются. По мнению Дж.Холмса, речевые склонности человека очень сильно зависят от его возраста и на протяжении взросления словарный запас у каждого человека меняется [153, с.11].

Итак, важно отметить, что если словарный запас индивида меняется на протяжении всей жизни, то фактор возраста, несомненно, является одним из параметров порядка, которые организуют также систему синонимов в сознании индивида.

Дело в том, что, приобретая новые знания, на определенном жизненном этапе, каждый человек меняется. В процессе взросления меняются также его жизненный и профессиональный статусы. Меняющаяся вокруг нас реальность накладывает жесткие рамки на самореализацию человека и его поступки и поведение оказываются сильно зависимыми от других вещей и событий, происходящих в его жизни [63, с.3].

Например, рассмотрим как происходит употребление синонимов *tasty* и *delicious*.

Сейчас мы постараемся проанализировать употребление данных синонимов молодым и старшим носителем языка. Считается, что более юному

возрасту характерно употребление слова *delicious*. У английского ребенка восприятие чего-то вкусного непосредственно ассоциируется с самим ощущением вкуса еды.

Вне сомнения, что в раннем возрасте *«количественный набор элементов категориальной системы»* еще только начинает развиваться и он сильно отличается от умственных процессов взрослого человека, у которого уже сформирован богатый опыт и познания действительности. Следовательно, поиск слов для передачи сообщения у них также будет происходить исходя из концептуализации окружающего мира в целом [104, с.13].

Таким образом, более молодому человеку требуется больше социального опыта для обозначения более обширной, сложно оформленной области значения, особенно в случае, если он имеет дело с абстрактными словами. С другой стороны, юноши более склонны описывать качества одновременно давая им оценку, то есть среди синонимов они будут намеренно искать тот, который с большей экспрессивностью передает значение синонима.

В ходе общих исследований, проведенных с целью выявления возрастных предпочтений у говорящих, лингвисты выявили, что с увеличивающимся возрастом люди начинают все меньше употреблять негативные эмоциональные слова и больше отдают предпочтение синонимам с позитивной коннотацией.

Так, Т.Н.Ушакова считает, что в отличие от молодого говорящего, для взрослого носителя языка слово *«становится средством мысленного оперирования и ментального опыта»* [105, с.6].

Связи между словами в сознании взрослого человека характеризованы множественными ассоциациями. Эти ассоциации имеют большое значение при подборе синонимов. Каждый раз делая выбор того или иного синонима отправитель соотносит его с пережитыми ситуациями, заученными на память текстами, разного рода словесными клише [105, с.5].

Эти процессы занимают высший уровень его языковых способностей и выбор слов сделанный таким говорящим приводит к *«выразительности и действительности его речи захватывая резервы сознания»* [105, с.6].

Таким образом, все это свидетельствует о том, что система аттракции синонимов видоизменяются с возрастом индивида.

Пол является еще одним критерием, оказывающий огромное влияние на выбор синонимов говорящими. Даже обязательства и предпочтения, предписываемые каждому из полов, могут порой найти свое отражение в языке. Выбор синонимов для передачи одной и той же мысли осуществляется представителями женского и мужского пола в связи с их своеобразными предпочтениями.

По мнению Н.Зинуковой, язык можно также рассмотреть, как систему, где условия «диктуют» не только значение слова, но и жизнедеятельность человека. В связи с этим, по ее мнению, необходимо учитывать значимость определенных возрастных и половых параметров, также и социальную, культурную принадлежность отправляющего сообщения [53, с.235].

Очень часто возникновение споров и конфликтов в речи происходит не потому, что мнения коммуникантов расходятся относительно конкретного предмета, а именно в том, что различаются сами *«гендерные сознания коммуникантов»* [53, с.235-237].

Считается, что женщинам более присуще стремление к синонимической аттракции слов. По мнению У.Лейбова, *«женщины больше, чем мужчины являются инициаторами лингвистических изменений»* [166, с.243].

Изучение мужских и женских особенностей речевой деятельности позволяет утверждать, что существуют определенные различия также и их выборе синонимических средств языка.

В отличие от мужчин, женщины склонны к употреблению различных синонимов с экспрессивной насыщенности. В ходе некоторых исследований было обнаружено, что женщины более склонны к строгому соблюдению языковых норм, чем мужчины.

Р.Лейкофф считает, что женщины любят часто повторять такие слова как *"adorable", "charming", "divine", "lovely"* и *"sweet"*, нежели мужчины [167, с.45].

Такой выбор синонимов является отражением гендерного несовпадения в понимании и интерпретации окружающей действительности. Занимаясь изучением женской речи, О.Йеспersen отмечает, что *«женщины тщательно подбирая лексические единицы, делают акцент на выборе тех синонимов, которые более отвечают по своему содержанию требованиям вежливости»* [159, с.47]. Он выявляет основные особенности женского речевого поведения и утверждает, что явление эвфемии связано, в основном, с лингвистическими предпочтениями женщин. Об этом он пишет в своей работе, *«такие эвфемистические замены для слова "hell" как "the other place", "a very hot" или "a very uncomfortable place" придуманы с основным женщинами»* [159, с.48]. Если рассмотреть использование вежливых слов обоими полами, то женщины используют слово *"pardon"* намного чаще, чем мужчины, а мужчины отдают предпочтение слову *"sorry"*. Считается, что женщины склонны к осознанному использованию слов *«высшего класса»* с надеждой на продвижение по службе или чтобы казаться более образованной и культурной, чем они являются.

С другой стороны, некоторые лингвисты предполагают, что в лексиконе женщин присутствуют слова, относящиеся как к высшему, так и низкому классу. Например, рассмотрим следующие синонимические пары: *loo/toilet/sorry/pardon, sofa/settee, sittingroom/lounge*. Первые слова относятся к высшему классу, а вторая синонимическая пара принадлежит к словам низкого слоя. Согласно мнению М.Мартиннен, мужчины чаще, чем женщины используют синонимы высшего класса, например, *loo, sorry, lunch, sofa* и *sitting room* [177, с.30].

Следовательно, так как мужчины выбирают среди имеющихся в лексиконе синонимы высшего класса, то получается, что мужчинам более свойственно претендовать на высший статус, делая акцент на престижных словах [177, с.32].

По мнению Н.Зинуковой *«речевому поведению мужчин также более характерен выбор синонимов из числа армейского жаргона с использованием военной лексики, слова "undoubtedly", "of course", абстрактные существительные, слова точной номинации»* [53, с.237-238].

Очень часто носители одного и того же языка используют совершенно разные лексические единицы для обозначения одного и того же понятия. Тут мы имеем дело с диалектами, словами типичными для определенного географического региона. Диалект относится к разновидности языка, который отличается от самого языка своеобразным произношением, грамматикой, лексикой. Ссылаясь на слова А.Марквардта и Р.Квирка, можем привести пример из разновидностей английского языка, например, *"take a decision"* и *"make a decision"*, соответственно синонимы из американского английского и британского английского [175, с.77].

В реальности, все мы говорим на диалектной речи в той или иной степени. Диалекты проявляют себя на разных уровнях языка. Например, английский язык подразделяется на обширные диалекты, такие как британский английский, американский английский и австралийский английский. Американский английский диалект, в свою очередь, делится на северный и южный американский диалекты [135].

Следовательно, если говорящий во время беседы будет использовать синонимы диалекта, который является для его собеседника неприемлемыми в данной обстановке, то его можно воспринять, во-первых, как личность, относящаяся к другому социальному статусу, или как иностранца [196].

В первом случае мы имеем дело с социальным диалектом, указывающий на социальный статус говорящего, а во втором – с региональным диалектом, который является показателем места его происхождения. Также, это мнение реально в том случае, если часть населения, которая потеряла непосредственный контакт с другой частью территории и людьми, проживающими, например, через реку или гору, будет использовать в своей речи слова, не являющиеся общепринятыми или стандартными для всего населения.

Социальные аспекты выбора слов могут быть определены в определенных специфических социальных рамках. Делая выбор между синонимами, мы невольно затрагиваем социальную природу языка. Именно поэтому синонимы должны рассматриваться, как нечто большее, чем простая замена одного

значения вторым ему схожим. Согласно Дж.Холмсу, социальные факторы могут влиять на вокабуляр или выбор слов, произношение, синтаксис и морфологию [153, с.4].

Итак, будучи социально детерминированной лексической системой, синонимия не только отражает на себе воздействие социального окружения, но и выполняет роль точного маркера таких социальных параметров как пол, возраст, социальный статус, профессия и даже образование говорящего.

2.2. Влияние общественно-социальных факторов на выбор синонимов: анализ классовых диалектов

Из предыдущего параграфа выяснилось, что использование языка тесно связано с различными факторами социального характера, которые и регулируют выбор различных слов в процессе коммуникации. В данном же параграфе мы решили детальнее остановиться на общественно-социальных факторах, влияющие на выбор синонимов в английском языке.

Будучи процессом незапланированным и спонтанным, разговорная речь легко детерминируется такими факторами, как социальный класс, пол, возраст и т.д. Для выявления социальной детерминированности использования языка, а именно выбора синонимических выражений, мы решили рассмотреть диалектные слова, и понять каковы же языковые предпочтения носителей одного и того же языка: насколько они отличаются, и насколько они схожи.

Наша цель в изучении социальных диалектов заключается в том, чтобы посмотреть, насколько они отражаются на выборе заменных языковых единиц.

Региональная вариативность языка также предполагает различный выбор слов отправителем. От территориальной локализации языка зависит не только разница в используемой лексике, но также и различия в произношении и синтаксисе. Разновидности языка, с которыми можно столкнуться, путешествуя из одной территории страны в другую, получили название региональных диалектов.

Диалект представляет собой одну из форм вариации в денотативной системе языка. Возникает вопрос: *«Как такая вариативность оказывается связанной с социальной организованностью?»* Подойти к изучению диалектов можно с разных сторон. Например, можно изучать то, какое место в системе языка диалекты занимают и что об этом говорят лингвисты. Однако, такое отношение к проблеме не даст нам ответ на многие вопросы. Поэтому нас, в первую очередь, интересует то, какой группой говорящих используется тот или иной классовый диалект и как интерактивные различия между такими диалектами могут отразить принадлежность говорящих к определенной социальной группе или социальному классу.

Связь диалектов с социумом, в частности, проявляет себя ровно настолько, насколько различия между диалектами влияют на ход дискурсивных событий. А.Ага пишет по этому поводу, что *«различия между диалектами относятся к социальной организации постольку, поскольку они вовлечены в дискурсивные отношения, либо посредственно, либо непосредственно (через речи СМИ, политической речи и т.п.)»* [124, с.132].

Одной из важных атрибутов личности в теории речевой деятельности можно считать *«социальность»*. К.Фокс отмечает, что *социальный класс отправителя сообщения может быть мгновенно разгадан, так только он начинает говорить* [144, с.15-16]. Например, в Великобритании английский язык, как ни в какой другой англоязычной стране может передать точную информацию о культуре, образовании и социальном классе своего носителя. Умение человека использовать языковые средства является своеобразным звеном между ситуациями жизни и его духовным опытом, представляющий его внутренний мир в значениях языковых единиц.

Социальное бытие говорящих А.А.Леонтьев именует *«внешним координатом» речевой деятельности* [72, с.25]. Так как личность является членом общества, одной из главных задач социолингвистики заключается в рассмотрении такой важной особенности личности, как *«социально дифференцированность»*. В этом понятии личность как бы «спускается» с

уровня «члена всего общества» до уровня, «на котором взаимодействие личности с обществом как глобальным целым опосредовано социальным классом, социальным слоем, социальной группой» [72, с.26].

Итак, со временем у людей может меняться уровень образованности, занимаемое положение или семейный статус. Исследуя изменения, происходящие в речевом поведении в зависимости от контекста общения Дж.Пиаже отмечал, что *дифференцированность общества обязательно является отражением различных субкультур и она непременно проявляет себя на выборе лексических средств* [187, с.98].

Итак, выбор разных людей определенных слов продиктован рядом многочисленных факторов. В социолингвистике о социальной детерминированности выбора многое сказано У.Лейбовым. У.Лейбов показал, насколько существенно значение социальной стратификации при выявлении языковых предпочтений говорящих. Он считал, что *языковые предпочтения отправителя меняются с той же скоростью, с которой изменяется занимаемая им социальная позиция* [166, с.111].

В самом деле слова, которые мы выбираем и используем в своей речи меняются в зависимости от ситуации коммуникации и того, кто является нашим собеседником: друг, родители, коллега по работе, начальник и т.д.

Н.М.Потапова пишет, что социальный класс также влияет на то, как личность мыслит и ведет себя в обществе. Конечно же, многое также зависит от культурной принадлежности того человека и от исторического времени, к которому отправитель сообщения относится [89, с.42].

Первые попытки изучения связи между социальным классом и словарем были сделаны профессором А.Россом в 1954 году. Для определения социальной принадлежности говорящих, он выделил основные лингвистические классовые индикаторы, именуемые «*семью смертными грехами*» [181, с.128]. Ссылаясь на А.Росса и его синонимические пары, предложенные в виде классификации слов на “upperclass” и “non-upperclass”, Н.Митфорд в дальнейшем заимствовала,

полученные им результаты. Итак, она комбинировала свои идеи относительно языковых предпочтений говорящих с идеями А.Росс [181, с.130].

Она заимствовала у А.Росса список синонимических пар, которые употребляются высшим и низким классами и соответственно назвала их так же U-words и Non-Uwords. Отметим, что Non-Uwords по природе более эфемистичны и предполагают стремление среднего класса к улучшению своего положения, в то время как U-words более просты, прямы и реальны.

Однако прошло почти больше полувека с тех пор, как М.Ненси составила данный глоссарий. Более того, каждый раз происходят изменения в классовой структуре общества и сегодня более приемлемо говорить о подразделении на образованную элиту и тех людей, которые хоть и некомпетентны в использовании U-words, однако хорошо осведомлены о языковых предпочтениях верхушки. Поэтому, в целом, соблюдая в некоторой степени тот же принцип анализа, некоторые моменты в ее работе все же должны быть пересмотрены.

К.Фокс в своей книге «*Watching the English*», ставшая интернациональным бестселлером, пишет об актуальности, которую сохраняют по сей день «семь смертных грехов» («*seven deadly sins*») [144, с.45]. К.Фокс, ссылаясь на антропологический анализ и на собственные эксперименты, выделяет конкретные синонимы и обнаруживает, что английский язык богат неписанными правилами, которые могут рассказать многое о предпочтениях и взглядах англичан. Пресса не осталась безучастной к ее книге и на нее постоянно ссылались такие известные газеты и журналы, как Oxford Times, Sunday Telegraph, Daily Express, Sunday Times, Mail on Sunday и т.д.

К.Фокс утверждает, что тема о «*семи смертных грехов*», первоначально разработанные А.Россом и потом получившие популярность в работах Н.Митфорд, остаются актуальными и по сей день. Однако, она отмечает, что «*некоторые слова, предложенные им, сегодня также потеряли актуальность*» [144, с.75-76].

Итак, в книге К.Фокса, базированная на двух ранее написанных работах, выделяются семь лексических единиц, используемые низким классом и соответственно синонимы к этим словам, используемые высшим классом. Синонимический список, предложенный К.Фоксом, опирается на статью Н.Митфорда "*Noblesse Oblige*", где сама Н.Митфорд также частично ссылается на работу А.Росса. Во введении в свою книгу, К.Фокс также признается, что для своего анализа она пользовалась в основном методами наблюдения (*participant observation*) [144, с.3].

Более того, она не раскрывает никаких конкретных ситуаций, базирующиеся на эмпирических данных. Согласно С.Ромэйн, для достижения адекватных результатов в вопросе о зависимости выбора от социальных факторов необходимо также рассмотреть факторы лингвистического характера. [191, с.69]

Изучая А.Росса и Н.Митфорда, Дж.Холмс также сомневается в надежности данных, полученных в результате анализа вышеназванных синонимов и их классификации на «*non-upperclass*» и «*upperclass*» при отсутствии достаточных эмпирических данных. Но, с другой стороны, несмотря на отсутствие эмпирических доказательств на сегодняшний день, это подразделение остается самым надежным, так как в области социолингвистики невозможно столкнуться с новыми изучениями этого вопроса в таком масштабе [155, с.136].

Следовательно, учитывая недостатки прошлых исследований перед нами стоит задача выяснить какова реальность, скрывающаяся за списком синонимических пар, предложенным К.Фоксом.

Итак, для нашего исследования мы будем ссылаться на К.Фокса и предложенные ею синонимические пары. Для того, чтобы точнее передать нынешнее положение социальной дифференциации языка, мы будем использовать также данные из BNCwebonlinescorpus, являющийся веб-базовым интерфейсом Британского Национального корпуса [215], представляющий собой 100 миллионную коллекцию слов как из письменного, так и разговорного языка. Отметим, что при этом мы не пользуемся прямым доступом в

BNCwebonlinecorpus, а пытаемся использовать лишь приведенные там интерпретации синонимов.

В нашу цель входит определить каким статусом обладает синонимический список, используемый К.Фоксом в современном английском обществе.

Итак, в центре нашего внимания оказываются следующие пары: *loo/toilet*, *sorry/pardon*, *napkin/serviette*, *lunch/luncheon*, *sofa/settee*, *sittingroom/lounge* и *pudding/dessert*. Первое слово в каждой паре относится к высшему классу, а второе – к низкому классу.

Отметим, что *lunch/luncheon* в книге К.Фокса [144] первоначально были как *lunch/dinner*. Однако, при поиске в Национальном Британском корпусе для этого слова дается очень много соответствий и поэтому трудно бывает определить конкретное его значение, а именно относится ли это слово к «еде, подаваемой вечером» или к «еде, подаваемой в полдень». Более того, в Северной Англии "*dinner*" понимается как "*the midday meal*" и это слово считается диалектным [215]. Все это затрудняет точное установление влияния социального класса на использование слов. Вместо этого используется слово "*luncheon*", который является более старомодным.

Учитывая приведенные недостатки опираться только на К.Фокса даст недостоверные результаты. Наряду с этим плодотворным может быть одновременное рассмотрение этих пар в BNCwebonlinecorpus. Отметим, что согласно BNCweb деление на социальные классы выглядит следующим образом: AB (higher management: administrative or professional), C1 (lower management: supervisory or clerical), C2 (skilled manual) and DE (semiskilled or unskilled). Группировка по фактору возраста, согласно TheBNCweb, включает: 0-14, 15-24, 25-34, 35-44, 45-59 и людей, кому больше 60 лет.

Заранее отметим, что определение частоты употребления некоторых слов является нелегкой задачей. Например, если в случае с парой "sitting room" и "lounge", имеющие одинаковое значение определить частоту употребления просто, то дела обстоят совсем иначе со словами "sorry" и "pardon", которые имеют разные значения. По слова К.Фокса, значение этих слов сводится к

«ситуации, где слушатель, не поняв или не услышав, что было сказано, переспрашивает опять или просит прояснения» [144, с.15].

С другой стороны, при всем богатстве языка и способности к спонтанности и вариации, корпус представляет лишь один из обыкновенных типов текста. Принимая во внимание неспособность BNCweb автоматически выдавать употребления этих слов в соответствующих значениях, необходимо рассмотреть контекст употребления этих слов.

Все эти недостатки накладывают ограничения на изучение одновременного влияния социальных факторов, таких как, социальный класс, пол и возраст на употребление синонимических пар. Поэтому анализ контекстов с употреблением этих слов становится необходим для получения достоверных данных.

Рассматривая зависимость выбора слов и выражений от социального класса. Н.М.Потапова пишет, *«хотя эта зависимость опосредована культурой, имеет свои особенности в различное историческое время, тем не менее, принадлежность к конкретному социальному классу влияет на мышление и поведение людей, в том числе речевое» [89, с.42].* Социальный класс стремится развивать особую форму поведения и языка присущая именно ему, по которой представители других классов с легкостью будут его различать. Поэтому язык олицетворяет собой как бы символ различных социальных ценностей.

Считается, что, чем выше социальный класс говорящего, чем больше он образован, тем шире его возможности делать выбор языковых средств. В действительности, каждый англичанин осознает эти классовые разделения, но в то же время очень деликатно относятся к этому подразделению. Более того, в последнее время англичане все чаще утверждают, что социальный статус потерял для них свою значимость и не играет столь важную роль, как раньше. Однако многие факты показывают, что классовое расхождение все еще присутствует в жизни англичан.

Мнения лингвистов об определении социального класса также расходятся. С одной стороны, понятие *«класса»* предполагает материальное неравенство в

социальном и экономическом положениях. С другой стороны, данное понятие может связываться с «*настоящими и возможными социальными и политическими факторами*». Примером зависимости употребления языковых средств от социального класса могут служить изменения в общественно-политической жизни и их отражение в языке [89, с.42].

К.Фокс, в свою очередь, опровергает прямую связь между социальным классом и использованием языка. Она видит зависимость выбора не столько от социального положения англичан, сколько от образа их жизни и поведения. Другими словами, под «*классом*» она определяет то, что люди «*кушают, пьют, как и где они одеваются, как разговаривают и т.д.*». К.Фокс концентрирует внимание на таких факторах, как образ жизни и поведение [144, с.7].

Всё это свидетельствует о том, насколько для языка естественного стремится к вариативности во времени и пространстве. Лишь потому, как мать Кейт Миддлтон использовала такие слова *toilet, pardon*, многие журналы-тэблэиды считали ее неровней для принца. Например, К.Фокс считает, что *toilet* это слово невысшего класса, которое означает «*комната, с туалетом или раковиной*» [144, с.76-77]. В то же время, другие лингвисты не видят в нем признаков, по которым было бы необходимо относить это слово к лексикону низкого ранга. Вторая точка зрения можно считать более реальной, так как слово *toilet* находятся в списке общеупотребительных слов и почти не вызывает определенных отрицательных ассоциаций у британцев. С другой стороны, согласно BNC corpus, слово *loo* употребляется чаще, чем *toilet* представителями высшего класса. Таким образом, если слово *loo* используется представителями высшего класса, то *toilet* используется всеми социальными классами и имеет низкий престиж, чем синонимическое ему слово *loo* [215, с.237].

Рассмотрим какие слова британцы выбирают в целях уточнения или просьбы повторить сказанное в случае, если отправитель не ясно выразился или же сам получатель не понял сообщения. Для этого отправитель имеет возможность выбирать между словами *pardon, sorry* и, возможно, *what*, которые предоставляются ему лексикой английского языка.

К.Фокс считает, что «слово *pardon* относится к низкому классу, а *sorry* она относит к высшему классу» [144, с.76].

Среди представителей высшего класса также часто больше употребляется слово "*what*", чем "*sorry*", хотя это слово также используется рабочим классом и единственное различие будет в их произношении. Как правило, представителям рабочего класса свойственно своеобразное произношение слова "*what*", где обычно не произносится последняя буква "*t*", т.е. звучит оно приблизительно как /wa:./.

Синонимы "*serviette*" и "*napkin*" также имеют специфическое использование. К.Фокс рассматривает "*serviette*" как слово с низким престижем, а "*napkin*" она относит к лексикону высшего класса. Считается, что женщины больше используют слово "*napkin*" и также приучают своих детей употреблять это слово. Слышать слово "*serviette*" с уст своих детей, заимствованное от своих нянь сильно расстраивает представительниц высшего класса. Такое предпочтение можно также приписать к желанию женщин подражать высшему классу. Однако М.Марттинен, ссылаясь на The British National Corpus, указывает на то, что женщины, занимающие высокие административные должности, также используют "*serviette*" больше, чем мужчины, занимающие те же должности. Поэтому, тут помимо фактора класса, задействован также фактор пола говорящего [177; 215].

Итак, как выяснилось, язык подвергся значительным изменениям, с тех пор как К.Фокс [144] предложила свою классификацию классовых терминов, которая опиралась на данные 1956 года. Некоторые слова, считавшиеся в то время словами низкого или высшего класса, сегодня рассматриваются как нейтральные и не несут на себе отпечаток классовых разделений. Сюда относятся слова *toilet*, *serviette*, *sofa* и *dessert*. Среди самых ярко выраженных слов высшего класса не вызывающих сомнений можно отметить *loo*, *napkin* и *sitting room*. "*Settee*" и "*lounge*" являются словами, которые можно слышать лишь с уст представителей низкого класса.

Кроме того, один из важных недостатков таких корпусов заключается в том, что в них не учитываются все существующие стили речи, а также они не могут охватывать огромные массы говорящих. Кроме этого, не принимаются в учет возможные диалектные различия.

Также различается выбор синонимов носителей языка при описании «плохого, больного состояния здоровья» – *ill* и *sick*. Первоначально *ill* употреблялось в просторечии, людьми менее обеспеченными и пытаясь улучшить свое положение они старались использовать слово *sick*, которое популярно среди социально привилегированных. Однако сегодня употребление этих слов получило весьма различный характер. Сегодня слово *sick* можно услышать с уст старших поколений, что говорит о том, что помимо классовой принадлежности тут задействован фактор возраста.

Таким образом, делая выбор между синонимами мы невольно затрагиваем социальную природу языка. Именно поэтому синонимы должны рассматриваться, как нечто большее, чем простая замена одного значения вторым ему схожим.

Из нашего обсуждения стало ясно, что синонимы, как никакая другая лингвистическая единица, являются точным маркером социального статуса, профессии и образования говорящего. Итак, можно подвести итоги, что синонимия – это социально детерминированная лексическая система, отражающая на себе воздействие классовой дифференциации общества.

Отметим, что к концу XX века произошло много изменений в классификации вышперечисленных синонимов. В современном британском обществе среди молодых англичан высшего и среднего класса распространилась мода на заимствование элементов речи рабочего класса [189, с.135]. Для того, чтобы «раствориться» в обществе большая часть молодежи, особенно представители среднего класса, использует эстуарный акцент, диалект английского языка, на котором говорят, в основном, в Юго-Восточной Англии либо, чтобы казаться представителями рабочего класса, или в попытке выглядеть «обычным» человеком [135, с.56].

Несмотря на то, что с течением времени в выборе вышеперечисленных синонимов произошли существенные изменения, социолекты до сих пор остаются главными маркерами социальной принадлежности говорящих в Великобритании.

2.3. Роль процессов глобально-общественных перестроек в выборе синонимов: анализ заимствований

В условиях глобализации происходит тесное взаимодействие между языками. Это, прежде всего, активно проявляет себя на уровне лексики. Языковые контакты приводят к обогащению языкового фона языков, как языка-реципиента, так и языка-донора, происходит интенсивное заимствование лексических средств.

При этом, заимствования, внедряющиеся в язык, несомненно, приводят к формированию тематических групп лексики, в частности, пополнению синонимических рядов. Изменения, происходящие в окружающей среде, в конечном счете, приводят к особым языковым флуктуациям. В результате, запускаются, своего рода, самоорганизационные когнитивно-языковые процессы [107, с.101].

Социальная мобильность очень сильно влияет на предпочтение людей о выборе слов. Лексика отправителя, несомненно, реагирует на изменения, происходящие в общественной организации. Порой выбор заимствованного синонима помогают отправителю полнее и точнее изъяснить свою языковую интенцию.

В данной части диссертации мы рассматриваем заимствование как один из источников синонимии. В нашу задачу не входит рассмотрение того, как историческим путем обогащался словарный запас английского языка. Этому вопросу в лингвистике посвящено очень много работ.

Наша цель заключается в том, чтобы пронаблюдать, как заимствованные слова становятся активной частью лексики английского языка и в то же самое

время имеют синонимические единицы в исконном словаре языка. Становится необходимым выяснить, почему в английском языке данное явление так популярно? Какие же факторы влияют на такой выбор отправителя? Почему отправитель использует иноязычные слова, в то время, как в исконном словаре английского языка уже имеются слова с таким значением?

Заемствования – неотъемлемая часть лексики английского языка. В целом, процесс языкового заимствования не может быть рассмотрен без учета культурного обогащения – ведь результатом контактов с другими языковыми обществами становится культурный обмен между языками.

На протяжении своего развития и становления английским языком было заимствовано огромное количество иноязычных слов. Дж.Шиерд утверждал, что *«действительное количество родных слов в любом из наших стандартных словарей чрезвычайно мало по сравнению с количеством заимствованных слов»* [196, с.323].

Исторически слова заимствовались в двух направлениях: 1) при необходимости номинировать появившееся новое понятие; 2) заимствовалось слово, обозначающее понятие, уже существующее в языке-реципиенте. Мы заинтересованы в изучении второго.

В данном случае, слова заимствуются в целях вторичной номинации для придания дополнительной характеристики уже существующим словам. При этом появляется очень много разностилевых синонимов. В.А.Юлнукен (ссылаясь на Антиллу) отмечает, что *«заимствование слов, у которых уже есть синоним в языке-рецепторе, например, влияет на стилистическую вариативность языка»* [122, с.6].

Сегодня исследователей интересует другие вопросы, связанные с процессами заимствования, а именно то, как новые концепты находят себе место в условиях новой лингвокультуры и насколько часто они используются носителями языка-реципиента. Е.В.Шепелева пишет, что *«заимствованное слово обычно принимает на себя одно или несколько значений семантически наиболее близких к нему слов, уже раньше существовавших в языке. При этом*

происходит перегруппировка в их смысловой структуре, т. е. какое-нибудь второстепенное значение может стать центральным или наоборот» [119, с.181].

Чтобы понять факторы, влияющие на выбор заимствованных синонимических единиц, мы считаем уместным сказать несколько слов относительно того, какими факторами обосновано появление в языке новообразований или стремление языка к заимствованию.

Многие ученые, считают английский язык «гибридным языком», потерявший свою самобытность. А.И.Смирницкий видел определенные недостатки в тенденции непосредственного обращения английского языка к заимствованию для обозначения новых появившихся понятий. Он считает, что как только язык начинает обращаться к другому языку в поиске обозначения для появившихся новых понятий, словообразовательная способность того языка попадает под сомнение. По его мнению, английский язык также утратил такую способность с внедрением иностранной лексики, когда процессы заимствования стали носить массовый характер [95, с.201].

Тенденция к заимствованию увеличилась в основном после Нормандского захвата. По мнению Дж.Шиерда это привело *«к снижению способности правильно пользоваться исконным родным материалом»* [196, с.328]. Он называет это «ментальной ленивостью», когда вместо того, чтобы искать подходящую номинацию для слова, заимствуется уже существующее слово, передающее адекватное значение. Происходит это лишь потому, что заимствующая сторона видит в них превосходство над словами родной лексики.

Дж.Шиерд показывает категорическое возражение относительно такой тенденции заимствования, ссылаясь на то, что это ведет к сложностям в понимании иностранной лексики носителями языка [196, с.321].

О.Есперсен также видит в процессе заимствования «умственную лень» [159, с.250]. Он считает, что с одной стороны, новые слова обогатили язык британцев, но с другой, они стали со временем уходить от сознательного создания новых слов из исконного материала [159, с.251].

Однако, другие лингвисты видят в заимствовании источник обогащения языка. Например, Н.Г. Флорова отрицает наличие вреда от процессов заимствования. Она считает, что в результате заимствования не меняется грамматический строй языка, не нарушаются основные законы языка, а, наоборот, сохраняется его базовая лексика. Поэтому заимствования не могут вредить «самобытности языка» [108, с.86].

Несмотря на все возражения лингвистов, тенденция активного заимствования продолжается и по сей день, и в процессе общения часто именно слова иноязычного происхождения становятся объектом выбора. Но чем же обоснован этот выбор?

С течением времени знания носителей языка относительно каких-то определенных объектов пополняются. Это говорит о том, насколько сложную природу имеет процесс синонимизации, где синонимы становятся продуктом долгих и глубоких мыслительных процессов.

Степень интенсивности новых заимствований колеблется в зависимости от исторических периодов. В различные исторические времена интенсивность внедрения иноязычной лексики может как увеличиваться, как и падать. Е.В.Шепелева считает, что эта интенсивность меняется в зависимости от того, насколько близкими и родственными являются эти два языка [119, с.180].

В литературе очень много написано о влиянии заимствований на увеличение лексики английского языка. Исследователями многое сказано об источниках заимствования, исторических причинах и условиях заимствования. Несмотря на то, что заимствования представляют интерес для нашей работы, прежде всего тем, какую роль они играют в выборе, который отправитель делает среди синонимов в процессе коммуникации, для лучшего понимания обоснованности такого выбора на современном этапе развития языка, важно проанализировать факторы детерминированности заимствования в английском языке на ранних стадиях этого процесса.

Синонимические средства, входящие при этом в общие ряды, могут относиться к разным стилям. Такая мобильность в системе близости значений, в

свою очередь, затрудняет правильный подбор синонимов в конкретных ситуациях.

Итак, с исторической точки зрения английский язык заимствовал новые слова при любом контакте с иностранными языками. Это привело к широкому выбору лексических средств и обогатило синонимические возможности английского языка. Е.В.Шепелева пишет, что *«всякое изменение в словарном составе языка в виде проникновения иноязычных заимствований влечет за собой семантические или стилистические изменения в уже имеющихся в языке словах и сдвиги в синонимических группах»* [119, с.181].

Помимо языковых контактов причинами заимствования могут быть *«военно-политическая зависимость, распространение религии и культуры или высокий уровень технической цивилизации, присущий другой языковой общности»* [97, с.31].

Один из самых продуктивных процессов обновления словарного запаса происходит в области военного языка. Таким образом, захват Ирака Америкой в 2003 году оказал своё воздействие на функционирование словарного запаса, внедрив в него множество военных слов как синонимичных к уже существовавшим в английском языке исконным словам.

Например, среди популярных можно назвать выражение *alibaba*, означающее *"thief"* в английском. Употребляться это слово стало после правления Саддама Хусейна, когда его власть была свергнута и в стране господствовал полнейший хаос. Первоначально слово употреблялось самими иракцами, однако позже американские солдаты, служащие в Ираке также стали употреблять его, но уже не как существительное, а глагол *"to steal"*. Обратим внимание на следующий пример, *«We're gonna Alibaba some scrap metal from their junk yard»* [216].

Е.Шепелова пишет, что *«английский язык больше, чем какой-либо другой, имел возможность заимствовать иностранные слова в условиях прямого непосредственного контакта: сначала в средние века от сменявших друг друга*

на Британских островах иноземных захватчиков, а позже – в условиях торговой экспансии и колонизаторской активности самих англичан» [119, с.179].

В.А.Юлнукен, ссылаясь на Т.Улуханова, пишет, что «некоторые лингвисты считают, что заимствования, которые называют новые явления усваиваются легче, чем слова, для называния которых уже есть эквивалент в языке-рецепторе» [122, с.6].

Следующим фактором проникновения в английский язык неологизмов может считаться социально-психологический. Слова заимствуются из другого языка лишь потому, что они кажутся более престижными. Дж.Шерд пишет, что «заимствование показывает, что язык-реципиент чувствует, что «в иностранном языке есть кое-что превосходящее родной язык или в людях, использующие эти слова» [195, с.26-27].

Когда отправитель выбирает слово иностранного происхождения впервые, то такой выбор, конечно же, воспринимается носителями языка как некоторое отклонение от привычного и нормального. Собеседнику оно кажется каким-то необычным. И в самом деле, сам отправитель, употребляя заимствованное слово не имеет интенцию превратить его в узуальное, а лишь реализует свою языковую интенцию. И лишь после многократного употребления, заимствованное слово внедряется во всеобщее употребление.

По словам Е.С.Гилёвой французские заимствования, ярче чем какие-либо другие иностранные слова в лексиконе английского языка отражали «положение, образ жизни, деятельность и интересы общественных слоёв» [41, с.2].

Например, сравним следующие синонимы. Чтобы указать на то, что кто-то выглядит стильно можно использовать слова *stylish* и *chic*. Оба слова являются синонимами в английском языке и обозначают «шикарно, изысканно». Однако, зная, что слово *chic*, являющееся французского происхождения, произведет более сильное впечатление, нежели *stylish*, отправитель при выборе останавливается именно на нем.

О.Есперсен также считает, что заимствование из французского языка – это не только результат необходимости, а подражание правящему классу [159, с.34]. Для следующего примера, возьмем синонимы – *swine* и *pork*, обозначающие слово «свинья». Чтобы понять, почему слово *pork* было заимствованно из французского *porc*, важно обратить внимание на отношение британцев к домашнему скоту. *Swine* употреблялось для обозначения «скота» – то, что крестьяне разводили в Британии, а *pork* употреблялось французской аристократии для обозначения еды. Поэтому, слово *swine* вызывало ассоциации, связанные с животным, в то время как *pork*, использовавшееся для описания пищи, звучало более утончено. Использование заимствованного слова в данном случае обусловлено тем, что отправитель сообщения, выбирая первое слово, т. е. слово французского происхождения, стремится добиться престижа в глазах у собеседника.

Однако вызвано бывает заимствование также сугубо лингвистическими потребностями, когда бывает необходимо придать понятию дополнительную коннотацию, новый смысловой оттенок. При этом, изменения, происходящие в семантической структуре, меняют стилистическую принадлежность обоих слов, как исконного, так и заимствованного синонима. Например, исконное слово *foe* было вытеснено после появления заимствования *enemi* (совр. англ. *enemy*). Вместе с этим поменялась специфика его употребления, исконный синоним отошел в сферу поэтизмов. Сюда же можно отнести такие синонимические пары как *valley/dale* и *people/folk*, где последние синонимы являются исконными компонентами и более узки в применении.

В современную же эпоху научно-технического бума, когда деятельность человека подвергается компьютеризации, также возрастает нужда в определении новых возникших понятий. При этом, английский язык, обслуживающий всю современную технологию и электронную связь, как никакой другой язык, нуждается в номинации появившихся лексических единиц. Сюда в основном относятся неологизмы, однако этот процесс не обходит стороной и необходимость в обращении английского языка к другим языкам, когда

возникшее понятие было номинировано другой языковой общностью и, следовательно, подлежит более четкому описанию в том языке. Итак, если отправитель сообщения, обращаясь к исконному словарю не находит в нем слова, способное передать его интенции во всей выразительностью, возникает нужда заимствовать уже существующее слово из другого языка.

Например, следующим продуктивным источником заимствований новых слов в английский язык считается японский язык. Роль японских слов особенно ощутима в экономическом лексиконе английского языка, что скорее всего, связано с «*коммерческой позицией, занимаемой Японией в мировой экономике*» [191, с.67].

Особенно важное место японские заимствования занимают в экономическом дискурсе, а именно менеджменте и финансах. Обратим внимание на слово *kanban*, заимствованное из японского. В английском языке оно уже имело синоним *signboard* (вывеска, указатель, предупреждающий знак). Слово *kanban* также обозначает «*рекламный щит, вывеска*». Но в целом, может быть интерпретироваться как система организации производства и снабжения, позволяющая реализовать принцип «*точно в срок*» [191, с.86].

Дж.Шиерд также отмечает, что «*у нас есть больше слов, чем понятий, слова для описания одного и того же предмета*» [196, с.320].

Другим примером заимствования из японского языка может служить слово *sensei*, который употребляется в том же значении что и *master* или *teacher*. Однако, если перечисленные английские слова имеют узкую употребляемость, то японское заимствование обладает более широкой употребительностью, например, не только по отношению к учителю или хозяину, но и авторитетным личностям (*authority figure*), представителям различным профессий (*professor, priest*) и даже чиновникам (*politician*) [191, с.87].

В современном мире любая сфера жизнедеятельности проникнута иноязычными словами: научная, политическая, экономическую, спортивную, бытовая и т.д.

Среди различных факторов, приводящие к заимствованию иноязычного синонима немаловажная роль принадлежит человеческому фактору. Некоторые лингвисты считают, самым важным путем заимствования в современном обществе являются двуязычные люди, которым свойственно употреблять наряду с родными словами также слова другого иностранного языка. Говоря на своем языке, он может неожиданно употребить слово из другого языка. Тут мы имеем дело с феноменом «переключения языков или кодов», который в последнее время стал одним из самых обсуждаемых вопросов в лингвистике. Е.С.Гилёва по этому поводу пишет: *«В современных условиях широкого взаимодействия различных культур изучение отдельно взятого языка представляется неполным вне контекста взаимодействия данного языка с другими. Массовость языковых контактов обуславливает интеграцию культур и активно способствует распространению билингвизма и мультилингвизма, которые всё больше становятся нормой в современном мире. Трудно найти какой-либо язык, который был бы более, чем английский, вовлечён в эти процессы»* [41, с.1]

Иногда спонтанно выбранные слова так часто появляются в речи отправителей, что могут приобрести массовую употребительность, что ускоряет их внедрение в язык-реципиент. Поэтому порой бывает сложно определить, является ли употребленное слово заимствованным или же имело место переключение кодов.

Сегодняшнее состояние языка говорит о том, что если полвека назад стремление к стандартизации было одной из основных тенденций языка, то в настоящее время одним из основных свойств языка является заимствование лексических вариантов иноязычного происхождения.

В общем, проникая в чужой язык, заимствования должны приспособливаться к новым условиям «обитания». Первым делом, происходят некоторые преобразования в лексической структуре заимствований.

К примеру возьмем слово *freeter*, означающее «фрилансер; внештатный сотрудник». В английском языке у этого слова уже есть свой синоним "a

freelancer". Считается, что слово происходит от английского *free* (свободный) + немецкий *"arbeit"*, означающий «работать». К примеру:

"Kato worked for a trading firm for about two years after he graduated from college with a major in law in 1982, but decided to quit when he realised he could take time off anytime he wanted and have larger pay cheques if he became "freeter" [203, с.1256].

Новое значение начинает развиваться и приобретает некоторые новые аспекты значения, т.е. под непосредственным воздействием оказывается коннотативный аспект слова. Добавление положительной или негативной коннотации к заимствованному слову по-своему отражается на их выборе.

Итак, употребление разных языковых форм, обозначающие один и тот же объект действительности, обусловлено разным видением этого объекта, т.е. разное образование говорящих, языковое сознание, сфера деятельности и индивидуальный опыт говорящего, а также и различными ситуациями, при которых реализуется процесс передачи сообщения отправителем. Как видно, синонимические ряды создавались в разные периоды и различными социальными группами. Анализ заимствований на ранних стадиях развития языка показывает, что причиной заимствования слов из другого языка и их использование наряду с уже имеющимися в языке исконными синонимами, скорее всего, крылось в надежде заимствующей стороны внедрить в свой язык вместе с новыми номинациями, культурные достижения, ценности и образ жизни носителей того языка. Другими словами, общественно культурное развитие языка-донора воспринимается заимствующей стороной как более прогрессивное. Анализ же более поздних заимствований показывает, что со своим приходом в английский язык они принесли дополнительные оттенки значения и по сравнению с исконными синонимами содержат больше уточняющих особенностей в значениях.

Таким образом, с традиционной точки зрения факторы заимствования можно разделить на 2 группы:

1. Экстралингвистические: наличие контакта английского с другими языками (социальный фактор), упрощение профессионального международного контакта, престижность или коммуникативная актуальность, а также стремление показать свою осведомленность (социально психологический), попытка добиться красивого звучания или краткости и ясности передаваемой мысли (эстетический фактор);

2. Внутрilingвистические: потребность в специализации понятия, использование заимствованного слова вместо длинного описательного оборота; стремление к устранению омонимии и полисемии в родном языке; семантическая «загруженность» слов родного языка и другие, экономия языковых усилий, необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия [53, с.240].

Сегодня, можно сказать, важную роль в выборе заимствований играют экстралингвистические факторы: активизация экономических, политических и культурных связей с другими странами, что отражается на словарном составе языка.

2.4. Влияние общественно культурных установок на выбор синонимов: анализ на уровне эвфемизмов

В любом языке есть слова, которые люди инстинктивно избегают, потому что они считаются неприличными, неделикатными или грубыми и не могут быть употреблены в определенных коммуникативных ситуациях. Взамен выбираются альтернативные номинации, способные заменить их в максимально мягкой форме, не меняя при этом сути передаваемого сообщения. Такую замену принято называть эвфемистической. Эвфемистическая замена строится по тому же принципу, по которому синонимизируются близкие по значению слова, т.е. на основе схожести смысла. Так как сущность явления эвфемии напрямую связана с синонимией, мы решили привлечь к анализу эвфемизмы.

Понятие «*вежливости*» воспринимается различными культурами по-разному. Для англичан в процессе коммуникации большую роль играет приватность и индивидуальность, например, для них важен негативный аспект лица; во время дискуссий и споров они придерживаются более линейных образцов аргументации (linear patterns of argumentation), в то время как немцы, итальянцы и русским более свойственны спиральные схемы аргументации (spiral patters) [171, с.50-51].

Если взяться за описание актов речи в английском языке, то нетрудно почувствовать, как они насыщены социально-культурной информацией, отражающая состояние общества в данный момент. Р.А.Хадсон пишет по этому поводу, «*концепты, используемые в классификации актов речи, будут типично культурными концептами*» [154, с.6].

В традиционном освещении данной проблемы эвфемия рассматривается как обычная лексическая замена, которая вытекает из нежелания говорящего оскорбить слушателя. Поэтому, эвфемизмы также известны как «*психологические болеутоляющие средства*» (psychological painkillers) [154, с.8].

Вначале эвфемизмы представляли собой слова, используемые в качестве замены табуированных выражений. Позже, использование эвфемизмов было расширено. Постепенно эвфемизации стали подвергаться слова более вульгарные, оскорбительные, суровые, неловкие по содержанию. Самые первые слова-табу были социального содержания, так как они были созданы людьми, чтобы с осторожностью говорить на темы, относящиеся к их общественной жизни, а именно к таким областям, как смерть, религия и тд.

Итак, социальный контекст общения определяет структурирование информации в вежливой форме. Перед отправителем стоит широкий выбор, который он будет делать в соответствии со своим статусом или же степенью формальности, с которой он относиться к получателю. Эти параметры определяют выбор между различными формами обращения (address) [156, с.7].

Важно также учесть, что хотя формальность и вежливость очень связаны друг с другом, они все же не тождественны. Существует повседневная форма

общения, где использование формальности будет считаться отклонением от этой нормы. Отправитель будет пользоваться формальностью, если получатель социально превосходит его или если того требует определенная ситуация, а вежливость при этом будет восприниматься как норма.

Проявления отрицательной вежливости также можно связать или отнести к понятию формальности, в то время как *«манифестации позитивной вежливости необязательно должны быть частью формальности»* [171, с.80].

Е.Култаки по этому поводу отмечает, что *«формальность требует от отправителя усилия и является предметом для более тщательного управления, в то время как, вежливость, в большей степени, явление привычное. Формальность не всегда означает вежливость и не должна всегда приравниваться к ней»* [165, с.246].

Эвфемистическая замена – это особого рода прием, к которому люди прибегают с целью минимального смягчения передаваемой мысли, если она (по мнению отправителя) может прозвучать грубо или оскорбительно для получателя.

По мнению Л.П.Крысина, *«обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах»* [67, с.44]. К социальным факторам, как мы уже описали выше, мы относим ситуацию общения, социальные классы, роли и статус говорящих, их половую принадлежность. Изучая природу эвфемии, Л.П.Крысин пишет, *«чем жёстче социальный контроль речевой ситуации и самоконтроль говорящим своей речи, тем более вероятно появление эвфемизмов»* [67, с.45]. Затем рассматривая ситуации, от которых зависит употребление эвфемизмов от ситуации, он подчёркивает, *«и, напротив, в слабо контролируемых речевых ситуациях и при высоком автоматизме речи эвфемизмам могут предпочитаться «прямые» обозначения или дизфемизмы»* [67, с.48-49].

Согласно мнению Д.Энрайта эвфемизмы произошли от греческого языка и означают *«разговаривать в правильной форме»* [140, с.56]. По мнению С.Алкаира эвфемизмы имеют латинские корни и большинство из них пришли в язык после Нормандского захвата в Англии в 1066 году, когда латинский был основным языком правящих классов и аристократии [125, с.11].

Эвфемизмы – это особого типа синонимические выражения, связанные такими семантическими отношениями, заключающиеся в полном или частичном совпадении их значений.

Во-первых, использование эвфемизмов приводит к пополнению уже существующего в языке синонимического ряда, например, *fury, rage*, эвфемизмы *blow, huff*. Во-вторых, появление эвфемизма ведет к образованию новой синонимической пары или нового синонимического ряда, например, *to express outrage, to fly off the handle* [125, с.11].

Общее определение эвфемизмов как слов, употребляющихся взамен других, вызывает ряд других вопросов. Во-первых, это создает спорность взглядов ученых относительно основных функций эвфемии. Во-вторых, такое определение вместо прояснения понятия *«эвфемизм»* может создать лишь дополнительные затруднения в разграничивании эвфемизмов от других смежных явлений на практике. Для того, чтобы снять размытость с объекта исследования, важным является теоретическое осмысление понятия эвфемии.

Б.А.Ларин описывает технику образования эвфемизмов следующим образом: *«На замену запрещенных слов образуются новые (“подставные”) наименования, чтобы не разгневать богов, обмануть нечистую силу или страшного зверя, чтобы задобрить их»* [68, с.101].

Цель эвфемистического замещения состоит не только из смягчения вульгарных выражений. С.Алкаир утверждает, что *«эвфемизмы могут быть использованы, чтобы сделать речь или текст более утонченным (sophisticated)»* [125, с.11]. Многие исследователи разделяют мнение, что эвфемизмы свойственны всем стилям языка.

С.Алкаир дает пример эвфемизма *attorney* (адвокат), который звучит более утонченно, чем его общеупотребительный синоним *lawyer* [125, с.12]. Ф.Катамба также отмечает, что нежелание причинить боль собеседнику неглавная причина использования эвфемизмов в английском языке [161, с.11]. По его мнению, люди используют эвфемизмы, чтобы иметь дело с социальными табу, которые являются специфическими для каждой культуры. Социальные табу составляют те темы, которые обычно ценны для людей и к которым люди относятся с глубоким уважением. Наиболее значимыми являются термины, относящиеся к религии, где вместо прямого *God* употребляются такие выражения как *the King of Glory, The All-Powerful* [159, с.13]

Согласно Б.Холдеру, страх перед дьяволом заставил людей заменить его имя синонимами *Black Lad, Prince of the Darkness or Bad Man* [152, с.4].

Б.Холдер также характеризует эвфемизмы с семантической точки зрения. Он утверждает, что эвфемизмы обладают значением, полученным при помощи ассоциации (например, метафоры, используемые для описания смерти – *to sleep, to go under, to leave the land*) [152, с.5].

К.Аллан и К.Берридж приняли чисто прагматический подход, который ориентирован как на слушателя, так и на самого говорящего [128, с.207].

Из их определения следует, что эвфемизм – это механизм, экономящий выражение лица (*a face saving mechanism*), который акцентируется на взаимном сотрудничестве собеседников в разговоре. К.Аллан и К.Берридж определяют эвфемизмы как «*слова или фразы, используемые в качестве альтернативы для нежелательных выражений. Они избегают возможные потери лица (loss of face) как говорящим, так и слушателем*» [128, с.22].

Согласно мнению К.Берриджа, «*эвфемизмы вносят огромный вклад в развитие и обогащение английского языка с помощью новых выражений, потому что они основаны на ассоциациях и эти ассоциации еще меняются*» [128, с.23].

Уровень эвфемистичности в узусе не может оставаться стабильным. Изменчивый характер эвфемистической системы может объясняться меняющимися условиями жизни: социально-общественными нуждами,

требованиями времени, политического и экономического характера и т.д. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что предпочтение использовать эвфемизм вместо обычного (прямого) синонима носит социальную детерминированность и основана такой выбор на утвержденных общественно-моральных и религиозных принципах.

Выбор номинаций эвфемистического характера может быть оправдан необходимостью общественного характера. Поэтому, эвфемизации подвергаются в основном такие сферы жизни, как смерть, бедность, богатство, старость, наркомания, преступления и т.д.

К социальным факторам выбора эвфемизмов также можно отнести географические особенности возникновения эвфемизмов.

Очень важно учитывать региональное происхождение эвфемизмов, где большое влияние на формирования эвфемизма имеет культура данной местности, ее обычаи и традиции. Например, в английском языке для выражения “go to toilet” (идти в туалет) можно найти такие синонимические выражения как “go to W.C.” или “to visit Lady Periam” [127, с.230]. Последнее более эвфемистичнее по природе и предполагает региональную культурную разницу в использовании. На выбор данного эвфемизма будет соответственно влиять фактор локализации.

Например, в колледже Бейллиол при Оксфордском университете, студенты вместо “go to toilet” часто используют “to visit Lady Periam”. Данное выражение стало употребляться из-за того, что туалеты этого колледжа были построены на землях, пожертвованные Леди Периами. Универсальность данного выбора ограниченная. Поэтому не каждый англичанин будет использовать этот эвфемизм. Он будет понятен только тем, кто проживает в той области, где он используется или тем, кто как-то связан с этим университетом [127, с.231].

Также причиной формирования различных эвфемизмов может быть разница в географической локализации. Например, в американском английском языке для описания смерти употребляются такие синонимические выражения “(gone) over the range” или “to cross the Great Divide”. Например:

He crossed the Great Divide before his promise as a poet was recognized. [185, с.453].

Данные эвфемизмы можно назвать региональными, так как они ассоциируются с конкретной локальностью, а именно с «*Великим перевалом*» (название Скалистых гор). Это горная зона на западе Америки, где они и употребляются [195, с.26-27]. Данное выражение также используется узким кругом пользователей и может быть оценено как эвфемизм с особенностями диалекта.

Следующим фактором, влияющий на выбор эвфемизмов является профессиональная принадлежность отправителя. Например, педагоги употребляют различные эвфемизмы для описания отстающих учеников: *developmentally challenged, underachiever, academically subnormal* и так далее. Ниже приводятся примеры использования этих эвфемизмов [139, с.150].

1. *The BBC had been offered the series and had turned it down because one of the pupils was academically subnormal.*

2. *"We do have a special course for the Over-active Underachiever", continued the Headmaster.*

Считается, что американцы больше склонны к употреблению более смягчительных выражений для название непрестижных профессий. Здесь действуют свои логические корреляты, так как для западных стран занимаемая должность является индикатором финансового положения.

Например, взамен *garbage man* в языке используется "*G-man*", а еще более мягко звучит *waste-reduction manager, cleaner of lavatories* также получило наименование *sanitary man*. Также другие виды непрестижных профессий подвергаются эвфемизации: *domestic* часто употребляется вместо *domestic servant*.

Целью выбора данных вторичных наименований является желание придать некоторым видам низко оплачиваемых работ более респектабельное звучание.

К примеру, *industrial workers* звучит более мягко, чем *working people*, так как происходит замещение *workers* существительным *people*; *secretary* получил вторичную номинацию *a personal assistant*.

Соответственно, эвфимизации поддается также лексика, описывающая личные достоинства человека, данные его телосложения: *pretty-plus girls, over large (plump, fat) girls' size*.

Mortician употребляется как эвфемизированный синоним вместо *undertaker*. В первоначальном значении он означал *предприниматель*, а в новом значении приобрел значение *владелец похоронного бюро*.

Также употребляются *beautician* вместо *hairdresser*; *exterminating engineer* вместо *rat-catcher*; *tree-surgeons* вместо *tree-trimmers*; *landscape-architects* вместо *gardeners* [78, с.46].

Среди названий различных заведений и учреждений также распространены эвфемистические наименования с целью повышения их социального статуса: любой колледж стремится получить название университета. Вместо простого *shop* магазины называются *store*, вместо прямого *jail* употребляется *house of detention* [78, с.46-47].

Также в языке широко распространен выбор единиц косвенной номинации вуалирующего характера для слов, указывающих на низкое качество предмета. Такие слова, как *second-hand, ready-made* почти совсем исчезли из употребления, вместо них популярными стали эвфемизмы *ready-tailored, ready-to-wear, slightly-second* [78, с.46-47].

Продавцы подержанных автомобилей являются приверженцами эвфемистических переименований. Свой старый или подержанный товар они называют *reconditioned, rebuilt, repossessed* вместо обычного *old*.

Дорогие вагоны первого класса в поездах называются *first class*, а для обозначения более дешевых вагонов вместо прямых наименований используется эвфемизм *standard*.

С.С.Загорщак пишет, что «эвфемизации подвергаются различные темы, касающиеся социальной жизни человека, его деятельности, отношений с

обществом, властью. Основная цель, которая преследуется говорящим при использовании эвфемизмов в социальных и межличностных отношениях, – стремление уйти от конфликтов, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта. Более специфической в социальном смысле является другая цель эвфемизации – вуалирование, камуфляж существа дела» [93, с.237-238].

В рекламе не встречается слово *cheap*, потому что прямое указание на дешевизну товара нежелательно. Скорее всего, будут использованы слова *inexpensive, reasonably priced* или *artificial*. Такой выбор может быть продиктован нежеланием оскорбить покупателя, предлагая ему дешевый товар или стремлением предостеречь его почувствовать себя бедным. Например, прямое наименование *leather soles* употребляется для описания качественной и дорогой обуви. К нему, как антоним используется выражение *man-made soles*, вместо прямого *cheap* и говорит о менее дорогой обуви.

Следующим примером, где можно пронаблюдать тенденцию избегания прямого обозначения вещей или людей словом *poor*. Например, выражение *social housing*–вежливое употребление вместо "*a kind of accommodation for poor people*". Здесь не прослеживается употребление слова *poor*, хоть и это место подразумевает именно жилье для бедных людей. Как видно, понятие эвфемизировано, так чтобы не напоминать людям, например, живущим там об их низком социальном положении. От выбора данного прилагательного уклоняются также в публицистике.

Например, говоря о бедных или отстающих странах употребляется выражение *third world*, хотя и можно столкнуться с прямыми обозначениями, такими как *a poor and backward country* или *a country in transition*.

Хотя цель использования вышеуказанных эвфемизмов, несомненно, заключается в стремлении камуфлировать отрицательные социальные явления, вышеперечисленные синонимические выражения, в основном, преследуют «смягчающую» цель (стремление уйти от конфликтов, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта) [93, с.245].

Итак, как мы увидели, на выбор эвфемизмов оказывают влияние такие факторы как универсальность, локализация, современность, разница в поле, возрасте или профессии, различие в стиле и контексте.

Учитывая вышеперечисленные факторы, можно вывести следующую закономерность в выборе эвфемизмов: чем реже встречается единица в эвфемистическом значении, чем шире её семантика, чем отчётливее её индикатор в контексте, тем сильнее выражена её эвфемистическая функция, в общей массе эвфемизмов выделяется группа единиц широкой семантики, для которой исключается первый критерий. Данная точка зрения заимствована нами у К.А.Матвеевича [77, с.20].

Нужно обязательно учитывать, что некоторые эвфемизмы являются таковыми лишь в определенных контекстах. Некоторые лингвисты считают, что эвфемизмы недостаточно актуальны в современном дискурсе и по их мнению активность использования эвфемистических замен вместо прямых наименований снижается. Они связывают это в основном с фактом «всепоглощающего процесса «демократизации», огрубления языка, проникновения разговорной речи, а с ней и прямых, грубых, порой и вульгарных выражений во все сферы речи, включая язык СМИ и политический дискурс» [93, с.237].

Эвфемизмы широко используются для скрытия явлений и фактов в области внешней политики и дипломатии. В английском языке существует много эвфемизмов, которые служат для мягкого описания действий военного характера, например, начало войны *preparation for violence* обозначается как *peace*.

Такое использование эвфемизмов имеет цель «преднамеренного затуманивания, помрачения сознания или политически корректным языком» [197, с.188].

Иногда в качестве эвфемистической замены выступает перефразирование для осуществления определенных функционально-эстетических функции при номинации [125, с.11].

Язык предоставляет говорящим возможность выражать свою мысль двумя способами: в прямой и косвенной манере. Развивается, как бы, интересная закономерность: слова и выражения, определяющие предметы и явления окружающей действительности и, вроде бы, уже получившие свою номинацию постоянно приобретают вторичные или косвенные наименования.

Таким образом, можно утверждать, что эвфемизмы являются одной из разновидностей синонимии. Выбор эвфемистической замены направлен на достижения речевого консенсуса в определенной социальной обстановке, в разговоре в более формальной ситуации. Первоначальное предназначение эвфемизмов – предостеречь собеседника от грубых выражений, желание прозвучать вежливо и мягко.

Учитывая это, изучение эвфемизмов дает богатую информацию как о социолингвистической, так и социально-психологической обоснованности выбора синонимов в английском языке.

Мы также не исключаем существование когнитивно-прагматической детерминанты в выборе эвфемизмов. Такая обусловленность выбора в современном английском языке, скорее всего, вызвана требованиями нынешней эпохи, и мы будем говорить о ней в 3-ей главе нашей диссертации.

Итак, если самые старые эвфемизмы в английском языке были связаны с морально общественными принципами общества, то в современном английском языке на передний план выдвигается коммуникативно прагматическая и когнитивная обоснованность выбора эвфемизмов, которая, полностью опираясь о суггестивную функцию, затрагивает и маскирует такие сферы человеческой деятельности, как журналистика, бизнес, экономика, политика и т.п. *«Политик, называющий ядерную катастрофу Chernobyl accident, может быть обвинен в лжи, а человека, называющего полную женщину a girl pretty-plus size вместо plump или fat едва ли можно назвать лжецом»* [200, с.38].

Это говорит о том, что, будучи использованными в политическом дискурсе, эвфемизмы выполняют функцию дезинформирования массового сознания посредством СМИ, газетно-журнальной прессы и т.д.

Поэтому в следующей главе нами будет рассмотрена именно вуалирующая функция эвфемизмов в дискурсе.

III ГЛАВА

ИЗУЧЕНИЕ ВЛИЯНИЯ ЛИНГВО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВЫБОР СИНОНИМОВ

3.1. Роль прагматических факторов в выборе слов и синонимических единиц в языке СМИ

Как стало известно из предыдущих глав, при рассмотрении влияния различных факторов на реализацию выбора лингвистических единиц в коммуникации, социальные и когнитивно-прагматические факторы играют немаловажную роль. В этой связи А.Мамедов отмечает, что *«это происходит благодаря тому, что язык в целом, а также его элементы выполняют важную социальную задачу – обеспечить коммуникацию между членами социальных групп посредством передачи информации через обычные знаки»* [174, с.14-15].

При передаче информации одной из основных целей становится стремление оказать влияние на собеседника. В этом и заключается прагматика языковой единицы – ее способности воздействовать на слушающего. Поэтому прагматика всегда когнитивно направлена. *«Синонимия изначально запрограммирована на наиболее точное воплощение коммуникативных намерений говорящего. Языковая личность, осуществляя свой лексический выбор, стремится максимально самовыразиться, с одной стороны, а с другой – учитывает права конкретного адресата. А это возможно благодаря знанию прагматической информации, которая закреплена за словами в языке»* [50, с.3].

По мнению Н.Ч.Велиевой *«различные ситуации, интересы, занятия или социальные роли требуют различные использования языка»* [2, с.220]. Все это указывает на то, что язык не может изучаться в изоляции от конкретных условий, которые и вызывают функциональную вариативность использования языковых средств.

Рассматривая природу прагматики Ю.С.Степанов пишет, что *«прагматика занимается теми же вопросами, что и традиционная стилистика, и еще более*

старинная риторика; выбор языковых средств из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам» [101, с.15].

В современной лингвистике языку, функционирующему с точки зрения коммуникантов речевого акта, уделяется огромное значение. В центре изучения современного функционализма оказывается выбор языковых средств для коммуникации, рассматривается социальный контекст, а также эффект, который коммуниканты производят друг на друга в процессе общения [101, с.15].

По мнению Н.Ч.Велиевой значение слова или выражения создается не только благодаря формальной стороне языка, семантики значения. Очень важно это учитывать особенно для успешного понимания всей сути передаваемого значения собеседником и взаимодействия с ним. Все это происходит благодаря восприятию сущности прагматических теорий, дискурса [2, с.200].

Основными факторами прагматического характера, влияющие на выбор синонимов оказываются: ситуация коммуникации, коммуникативный замысел или интенция отправителя, коммуникативно-прагматическая стратегия.

Отметим, что для выявления особенностей речевого акта недостаточно акцентировать внимание на участниках коммуникативного акта. Речевой акт не может находиться в изоляции ни от времени, когда он происходит, ни от пространства. Очень важно учитывать такие факторы как, *«предмет речи и временную и пространственную локализацию сообщаемого факта» [24, с.3].*

Фактор адресата – основной фактор, влияющий на воплощение коммуникативной интенции. Развитие коммуникативного акта и его качество полностью зависит от средств, которые используют коммуниканты, чтобы вербализовать свою речь.

Исследуя ситуативные и прагматические факторы, определяющие выбор слов, Э.Гоффмен считает, что *«люди играют в разные роли в зависимости от ситуации общения. Изучая различные группы говорящих, он отмечал, что язык общения всегда меняется и зависит от формальности ситуации, характера*

аудитории, от того, до какой степени отправитель сообщения находится во взаимосвязи с другими участниками коммуникации» [148, с.37].

Н.Ф.Алефиренко пишет, что «в конкретном речевом употреблении слова лексическое значение обогащается новыми смысловыми нюансами, оно как бы вбирает в себя и коммуникативные намерения говорящего, и взаимоотношения его с конкретными или воображаемыми адресатами, и речеситуативные обстоятельства, и стилистический климат эпохи и множество самых разных адгерентно-ассоциативных и ингерентно-ассоциативных образований» [23, с.68].

В процессе выбора языкового средства организующим началом все же является само конкретное лицо, передающее сообщение, то есть языковая личность. В этой связи важно отметить, что «поскольку интерпретация смыслового содержания зависит от особенностей мыслительных процессов конкретной языковой личности, в модель целесообразно включить прагматические факторы, которые могут являться ответственными за модификации исходного (инвариантного) смысла в каждом конкретном случае. Речь идет о концентрации внимания на доминанте синонимического ряда или выборе синонима или синонимов, адекватно репрезентирующих ситуацию внеязыковой действительности, проявляясь в варианте, актуализации модели» [84, с.95]. Всё это вызывает окказиональное употребление синонимов, приписывая им инaktuальные значения, не отраженные в узусе.

Н.Ф.Алефиренко пишет, что «поскольку способом существования, проявления и актуализации языка является речь, то средством реализации языковых значений служат конкретные употребления слов в речи, которая «всегда целенаправлена и ситуативно привязана» 2-мя говорящими. Значения в языке, наоборот, ситуативно не обусловлены» [23, с.64].

Конкретное же употребление значений некоторых синонимов сильно зависит от контекста. Каждый новый контекст накладывает определенные ограничения на выбор конкретного синонима из целого синонимического ряда.

Прагматика, изучая выбор и употребление языковых форм в коммуникации, также предполагает наличие определенной речевой ситуации или контекста.

Даже если синонимы имеют близкое значение, это не означает, что они будут иметь абсолютно одинаковую контекстуальную употребительность. Каждый раз осуществляя выбор слова в определенном контексте, мы наделяем его конкретным значением. При этом, будучи употребленным в другом контексте, данное слово может приобрести совершенно другое значение.

В языке существуют семантически близкие слова, хоть и не функционирующие как полные синонимы, однако выражающие такую схожую прагматическую направленность в контекстах, которая позволяет им называться контекстуальными синонимами.

Роль контекста весьма значима. Благодаря контексту говорящий делает выбор надлежащего семантического варианта. Более того, в конкретных случаях именно благодаря контексту бывает возможно выявить определенное значение слова.

Поэтому, если контекст накладывает определенные ограничения на реализацию выбора, то это свидетельствует о том, что его можно рассматривать, как один из основных лингво-прагматических факторов, влияющий также и на выбор синонимов.

Ф.Эдмондз пишет, что *«лексический выбор и синтаксический выбор взаимозависимы, так как синтаксический контекст накладывает ограничения на выбор слов, который, в свою очередь, ограничивает синтаксический выбор»* [139, с.2]. *«Некоторые слова в определенном контексте приобретают такие значения, которые вовсе не входят в их семантическую структуру. Такие значения называются контекстуальными и могут быть реализованы только в условиях определенного контекста. Их можно отнести к наиболее неустойчивой и подвижной категории значений»* [117, с.132-133].

К примеру, следующий диалог демонстрирует контекстуальное значение слова *power* – магия:

– *You remind me of the babe.*

- *What babe?*
- *The babe with the power.*
- *What power?*
- *The Power of voodoo.*

В переводе данный отрывок звучит примерно так:

- *Ты напомнил мне того младенца.*
- *Какого младенца?*
- *Обладающего силой.*
- *Какой силой?*
- *Магией Вуду.*

Похожую точку зрения выдвигает Е.К.Ковалева. Она отмечает, что при становлении синонимических отношений для детерминации концепта, главная роль отводится наличию между контекстуальными синонимами общих сем, а сама разница в денотативных признаках не несет особую значимость [57, с.167].

Поэтому, контекст способен семантически сблизить значение языковых единиц, не являющиеся полными синонимами в языке. В этой связи Е.К.Ковалева пишет, что контекстуальные синонимы хороши тем, что для описания некоего концепта они приносят в язык дополнительный вербальный материал. Благодаря этому расширяется не только границы данного концепта, но и языковой картины мира в целом [57, с.167].

В следующем предложении можно увидеть, как значение слов приближены друг к другу:

Some players are incapable, incognizant of anything, inconvertant [58, с.82]

В данном предложении слова *are incapable, incognizant of anything, inconvertant* употреблены с отрицательным значением, где вице-президент и директор низшей лиги Фреско Томпсон, используя фигуру речи, а именно повтор, осуществляемый через разные синонимы, определяет плохую игру игроков [141, с.22].

П.С.Александров, рассматривая языковой контекст как фактор, определяющий значение слова в данной синтагматической цепочке, указывает

на то, что «на практике слова используются в контексте и целесообразно понимать синонимы не как лексемы, а как семемы» [22, с.38-39].

Каждый из них, имея специфическое значение и употребительность, являются по-своему контекстуально зависимыми. Учитывая то, что выбор языковых элементов и номинативное варьирование связаны с законами построения связного текста, освещение проблемы синонимии в контекстном аспекте может помочь лучше понять проблему выбора. Рассмотрим предложения с употреблением каждого из этих слов по отдельности. Отметим, что для анализа предложений мы ссылаемся на статью С.Ю.Ховановой и О.В.Афанасьевой. Определения для синонимов взяты из словаря синонимов Oxford Learner's Thesaurus.

Plenty of people took the bait (=accepted what was on offer) and lost their life savings [111, с.21-22].

Несмотря на то, что слово bait подразумевает «наживку», «приманку», в данном контексте оно приобретает немного другое значение и указывает на «наживку» не совсем в материальном смысле. Под словом bait, как видно, могут подразумеваться «высокие проценты по вкладу в банке, которые, собственно, и привлекают, заманивают клиентов, а потом часто приводят к ситуации, когда все сбережения могут с легкостью теряться» [111, с.23].

Рассмотрим следующее предложение:

The government are investigating pay-offs to high-ranking officials.

Отметим, что в словарях значение pay-offs обычно трактуется в неодобрительном значении, с пометой usually disapproving, т.е. подразумевает вынужденную выдачу денег, заставив человека совершить поступок вопреки его собственным планам или убеждениям.

В очередном примере, используется другая синонимическая единица:

They were accused of paying kickbacks to politicians to obtain public contracts.

В данном контексте речь идет о «выплатах денежной суммы политикам или официальным лицам как часть делового соглашения», например, при подписании выгодного контракта [111, с. 23].

Из анализа вышеперечисленных предложений стало ясно, что имея высокую степень смыслового сходства, они, в то же время, различаются особыми оттенками в значениях.

Эти слова, связаны тематикой «взяточничества и подкупа» и «обозначают нечто, используемое незаконно с целью убедить другого человека» или заставить его сделать то, что нужно первому [111, с.23-24].

До сих пор мы обсуждали синонимы, сближенные между собой семантической близостью, взаимозаменяемые между собой, семантически устойчивые, и характеризующиеся относительной независимостью от контекста.

Однако, встречаются синонимы сугубо контекстуальные, *«появление которых обусловлено индивидуальным замыслом пишущего или говорящего, особенностями его языка, стиля и рядом других причин»* [151, с.56].

Так как главным назначением выбора того или иного языкового средства бывает передача мысли, информации, то контекст, в котором происходит воплощение данной интенции, формирует особую семантику используемых языковых единиц, делающее их значение схожим определенной ситуации.

Лингвисты единогласно поддерживают мнение о том, что значение слова без контекста представляется неполным. В общем, при выборе слов необходимо учитывать тот факт, что значение каждого слова предполагает наличие несколько значений.

Н.Ф.Алефиренко именует это *«системным значением», которое представляет собой «обобщенную совокупность всех употреблений слова»* [23, с.67].

Каждое из этих значений реализуется при его конкретном функциональном употреблении. Учитывая это, выходит, что актуальное значение слова, употребленное и раскрываемое в контексте нетождественно значению инактуальному или языковому [23, с.68].

Рассмотрим следующий контекст:

The solution is deleting this registry key and importing the misserver registry key from another working machine. Restart computer then issue will be gone.

Из данного примера можно извлечь слова *machine* и *computer*, оба обозначающие один и тот же концепт «компьютер» [197, с.239].

Отметим, что значение “*computer*” в электронной версии Оксфордского Словаря следующее:

An electronic device for storing and processing data, typically in binary form, according to instructions given to it invariable program (204, с.1298).

Если сравнить с “*computer*” значение слова “*machine*”, то значение второго является более широким и следовательно, может включать значение слова “*computer*” в некоторых контекстах, т.е даже может быть употреблено вместо него, хотя встретить у слова “*computer*” зафиксированное значение “*machine*” в словарях почти невозможно, если вообще невозможно. «*Следует отметить, что слово “machine” может употребляться в значении “computer”, то есть конкретизировать свое широкое значение, но лексема “computer” не зафиксирована в значении “machine” в исследуемых текстах*» [45, с. 28].

Используя синонимы в контексте, мы значительно отдаляемся от их значений, приведенных в словарях. «*Прагматические средства репрезентации, в отличие от языковых (лексико-семантических, лексических и грамматических), используются в текстовых высказываниях не в виде каких-то конкретных языковых структур, а могут быть «вычислены» на основе и анализе коммуникативного контекста*» [28, с.1].

Однако, окказиональные синонимы могут также выполнять конструирующую роль в текстовой организации. По этому поводу Л.И.Копань высказывается следующим образом «*окказиональные синонимы, кроме создания разнообразных стилистических эффектов, могут как повторные наименования играть и определенную конструктивную роль в качестве элементов организации художественного текста*» [59, с.16].

Тут развитие контекстуальных синонимических значений, связано с общей тематикой описания аморальной личности героя Дориана Грея. Перед нами отрывок из романа:

“An exclamation of horror broke from the painter’s lips as he saw in the dim light the hideous face on the canvas grinning at him. There was something in its expression that filled him with disgust and loathing. Good heavens! It was Dorian Gray’s own face that he was looking at!” [168, с.123].

“There was nothing evil in it, nothing shameful. You were to me such an ideal as I shall never meet again. This is the face of a satyr. It is the face of my soul” [168, с.122-123].

Таким образом окказиональные синонимы «устанавливают ассоциативно-смысловые и формально-структурные связи между частями целого» [62, с.210].

Из этого следует, что избыточность с точки зрения лингвиста-грамматиста может быть оправдано функционально-прагматическими требованиями текста. Поэтому, функциональная значимость контекстуальной синонимии может служить практическим обоснованием избыточности (сверх спецификации, по Р.Мангольду) [206, с.369].

Например, слова *strike*, *war*, *dispute*, *work-to-rule* и *struggle* связываются окказиональными синонимическими отношениями. Некоторые из них хоть и не отражены в словарях как синонимы, но их смысл может сближаться благодаря контексту, в котором они будут использованы. Помимо этого, эффекты, которые окказиональные синонимические отношения могут производить не сводятся лишь к передаче информации.

Вторичные наименования с элементами экспрессивности нужны отправителю также для того, чтобы повысить воздействие сообщения на адресата.

Приведенные нам примеры контекстуальных синонимов подтверждают наши предположения о том, что в лексической единице содержится как информация языковая, так и внеязыковая. О второй речь будет идти в следующем параграфе.

3.2. Анализ лингво-прагматических факторов выбора синонимических средств в дискурсе

Роль синонимических средств языка в организации текстов СМИ велика. Синонимические средства приобретают особую прагматику, наделяются силой, направляющей публику, и освещают реалии так, чтобы добиться от читателя, а в данном случае получателя, максимального понимания и доверия.

В газетно-журнальных публикациях отражаются основные тенденции общественной жизни. Учитывая аудиторию, на которую ориентированы такие публикации для описания фактов реальности обычно используется особая лексика не прямой номинации. Как известно, сегодня выражение общественной жизни также полностью отражается в СМИ. Поэтому, значимость изучения прагматики контекста СМИ, так или иначе, продиктованы критериями как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

Поэтому, мы будем рассматривать поведение синонимов в дискурсе и постараемся выяснить какую роль синонимия играет в организации текстов публицистического и новостного содержания. Благодаря изучению текстовой употребляемости синонимов можно выявить информацию о их функционировании в текстах СМИ, определить их семантико-стилистические свойства и т.д.

Благодаря тщательному изучению синонимов в текстах можно выявить многие аспекты об общих законах функционирования СМИ в целом. Зачастую в языке СМИ одной из основных задач является неречевая задача, имеющая целью придавать модальность тексту. Через общую модальность автор способен выразить своё отношение к передаваемому сообщению, что, в свою очередь, способствует *«восприятию текста не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение»* [40, с.65].

Синонимы в тексте, помимо функции передачи информации, также служат для интерпретации научного контента и установлению контакта между читателем и автором текста. Сюда же можно отнести интенцию автора убеждать своего читателя посредством выбора конкретного синонима и формировать у него представления на определенные темы [32, с.150].

В текстах СМИ синонимы, помимо передачи содержания новостей, служат средством для убеждения получателя сообщения и манипулирования его мнением касательно определенных общественно-политических тем.

В такого рода текстах очень часто происходят даже нарушения речевых правил и делается это, в частности, осознанно, чтобы придать дискурсу *«прагматический, стилистический или когнитивный эффекты»* [155, с.71-72].

В текстах СМИ популярно использование экспрессивных средств языка. С их помощью можно придать тексту заостренность на любую тематику, начиная политической и заканчивая социальной [31, с.142].

В публицистических текстах выбор синонимов производится в зависимости от стиля, которого автор придерживается. Используемые синонимические средства здесь также могут создавать трудности для понимания. В связи с этим А.М.Пешковский отмечает, что невозможно оценивать выбор синонимических единиц автором в отдельных случаях или в изоляции от целого текста. Только изучая его выбор синонимов на основе всего произведения можно понять его языковую интенцию [84, с.67].

Это происходит потому, что в текстуальном воплощении синонимы в обязательном порядке отражают также реалии окружающей действительности. Поэтому, в данном разделе, мы попытаемся изучить, как осуществляется текстуальное воплощение реальностей повседневной жизни.

М.А.Халлидей видит цель текстуальной функции языка в *«организации, понимании и выражении информации для эффективной коммуникации»* [151, с.38].

Основными функциями синонимов в публицистике и текстах СМИ, можно считать, функцию замещения, уточнения, экспрессивно-стилистическая функция, выражения оценочности и придавание новизны выражениям.

Именно эти функции, которых будет придерживаться автор текста или отправитель сообщения, оказывают влияние на выбор и функционирование синонимов в сообщаемых новостях и составляют основные функционально-стилистические и прагматические факторы выбора.

В литературе стиль понимается, как вариация в использовании языка или различных форм отправителем сообщения. Б.Аллан высказывает похожее мнение и дает определение стилистике, как *«отрасли лингвистики, изучающая ситуативное использование языка»* [126, с.78].

Понятия стиля подразумевает способ выражения мысли в различных формах, а также допускает нарушения установленных лингвистических правил. В нашем понимании также нарушение норм может быть оправдано задумкой автора и контекстуальной ситуацией [163, с.220].

В целях замещения отправитель по-своему использует средства номинативного варьирования, в чем и заключается главный прагматический фактор, влияющий на выбор синонимических единиц в целом.

Итак, выбор конкретного синонимического средства из синонимического ряда, обладающий особой риторической насыщенностью, зависит от ряда факторов лингвопрагматического характера: тенденций внешней среды, жанровой специфики, ситуации общения и интенции отправителя сообщения.

Например, выбор нового синонима для повторной номинации и замены предыдущего придает тексту тематическую связность.

Синонимические средства в основном подвергаются эвфемизации в вопросах, касающихся общественных, социальных, экономических и политических проблем.

Функция замещения может выполняться как полными синонимами-эвфемизмами, так и контекстуальными.

К.Аллан затрагивает следующий интересный аспект в изучении эвфемизмов. Он утверждает, что эвфемизмы представляют собой больше, чем обычные лексические единицы. Он считает, что *«эвфемизмы, как синонимы тесно взаимосвязаны с текстом, более того они должны выбираться в зависимости от самого контекста»* [128, с.56].

Стиль и эвфемизмы находятся во взаимообуславливающих отношениях, в которых эвфемизмы поддерживают конкретный стиль и стиль поддерживает эвфемизмы. По словам К.Аллана каждое эвфемистическое

выражение следует оценивать в соответствии с контекстом его употребления. По его мнению, словари эвфемизмов не способны полностью выдавать суть эвфемизма, если он употреблен вне контекста, ибо только последний может дать дополнительную информацию об эвфемизме, неотраженная ни в каких словарях [128, с.60].

Сюда можно отнести такие слова как *issue* и *impact*. Эти слова имеют несколько значений, которые могут выявиться только, если они употреблены в контексте. Отметим, что такие эвфемизмы выбираются отправителем с целью ухода от конфликта и популярны в языке политики и бизнеса.

Нам также представляется необходимым рассмотрение эвфемизмов в текстах, так как они могут дать возможность в целом оценить прагматическую направленность и обоснованность выбора синонимических средств.

Слово *issue* можно отнести к числу распространенных эвфемизмов. Его можно использовать, например, в качестве замены прямого синонима на различные чувствительные темы. Этот эвфемизм обладает следующими значениями: вооруженные столкновения (например, *Guantana modetainee issue*); ядерные установки (например, *nuke issue*); добыча нефти и газа или других природных ресурсов; общественно-социальные вопросы (*issue of race*.) Каждое из перечисленных значений полностью раскрывается либо в сочетании с другими словами, либо если оно погружено в контекст.

В контексте одиночное его употребление может выражать оценку отношений между двумя государствами. Например, как в следующем предложении:

It's not just an issue between China and US but the world economy as whole.

В данном предложении говорится об экономической проблеме, существующая не только между Китаем и США, а о проблеме всей мировой экономики [144, с.44].

В публицистике вместо слова *war* очень часто используется синоним-эвфемизм *conflict*. Этот эвфемизм обозначает «военное положение внутри страны», т.е. «локальную войну», «любое вооруженное столкновение»,

например, «войну с другим государством». В этой связи Б.Холдер пишет, что «оно прозвучало намного лучше, чем обычное слово «война», особенно когда вспыхнул «корейский конфликт» сразу после второй Мировой войны» [152, с.80].

В этой связи мы хотели бы рассмотреть следующий пример:

Similar developments are likely in Unity state and Upper Nile state where oilfields are based. These oilfields will be immediate targets as a way of strangulating Juba economically, and the fear is that this may lead to the conflict spreading across the region [228].

В данном газетном отрывке слово conflict употреблено с целью указания на возможность начало «боевых действий». Воздержавшись от выбора таких синонимов, как "war", "battle" или "combat", отправитель намеренно останавливается на выборе эвфемизма "conflict", чтобы «смыть» из текста обострѐнность положения.

Е.П.Соколова пишет, что «эвфемистические наименования тяготеют к описательной форме выражения. Наиболее «благодатной» сферой для проявления эвфемистических свойств языкового знака является перефразирование» [96, с.51].

Среди основных проблем общественной жизни можно выделить следующие сферы, которые подвергаются эвфемизации: бедность, кризис, преступление, расизм, потребление наркотиков и т.д.

Лексика экономического характера в газетно-журнальной подвергается значительной эвфемизации. Например, вместо dismiss from a job, job loss, redundant используются layoff selection process, reduction in force и т.д.

В языке можно выделить целый синонимический ряд из существительных, описывающих этот процесс и даже предполагающие различную семантические оттенки в значении и стилистическую употребительность.

Это показывает заинтересованность правительства в разработке более приятных заменных слов. К примеру, чтобы заставить людей платить налоги вместо to pay the bills, используются смягчительное выражение to contribute to the country's prosperity.

В языке можно столкнуться с огромным количеством эвфемизмов, маскирующие явления экономического характера. Эти эвфемизмы возникают для более мягкого описания денежных отношений государства.

Особенно деликатно к упоминанию о деньгах государство относиться во времена финансового кризиса.

Актуальными в данных условиях становятся эвфемизмы, употребляющиеся для описания банкротства. Вместо прямого *"insolvency"* используются *"low-budget"*, *"cash flow problem"*. Хотя и перечисленные слова не являются полными синонимами и между ними есть определенные различия в значениях, но обычно эти различия нейтрализуются контекстом, в котором они употреблены.

Несмотря на то, что в последнее время мир охвачен кризисом, в прессе до сих пор отдают предпочтение не говорить открыто об экономических проблемах и вместо прямых номинаций, автор должен использовать синонимичные им эвфемизмы. Например, обратим внимание на употребление слова *layoff* в следующем предложении:

All the threatened layoffs were carried out last month (в качестве существительного).

They say, CSU will lay off up to 100 employees next week (в качестве глагола).

Далее вместо обычного *donation of money* в определенных контекстах употребляют синоним-эвфемизм *give away*. Обычно под этим словом понимается «деньги, пожертвованные государством, какой-либо конкретной области во время экономического кризиса». Например, обратим внимание на следующее предложение:

Given the budget problems, there will be no giveaways for the following years.

Тут под *giveaways* обозначается «предоставление кредитных средств» определенной области.

Выражение *financial services*, *financial assistance* употребляется вместо огромного кластера слов и метафорических выражений, которые репрезентируют данное понятие.

Употреблению ключевых близких по значению слов в едином тексте придает единство его контенту [11, с.30].

В следующем мини-тексте использованные средства повторной номинации помогают создать смысловую цельность текста, способствуют всестороннему восприятию обозначаемой темы:

Facebook is reportedly preparing to push into financial services, and is on the verge of becoming an e-money institution with tools for members to store and transfer money on the social networking website [188].

В данном тексте указывается на намерение одной из популярных социальных сетей Фейсбук начать новую финансовую деятельность, где пользователи смогут реализовать определенные денежные операции посредством интернета.

Выбранные выражения financial services и e-money institution указывают на Фейсбук, как службу финансовой поддержки или финансовое учреждение, создают глубинный смысл текста и тем самым и помогают получателю яснее воспринять информацию.

Здесь автор избегает прямых указаний на деньги, словами money, credits and loans.

В следующем предложении употребляется менее эфвемизированный синоним "money services".

The company has applied to Irish authorities for a license that would allow it to provide remittance and electronic money services to its members across Europe.

Далее по всему тексту прослеживается прямое упоминание о «деньгах»:

Such a service would permit Facebook to allow users to send money to one another as well as pay for services or goods, and would directly place Facebook in competition with PayPal, Google Wallet, and other similar services.

Таким образом, по всему тексту повторяются ключевые слова send money, transfer money, money services, electronic money services, financial services, e-money institution, которые основаны на ситуативных связях.

Если при выборе между словами мы хотим оказать сильное влияние на собеседника, то преимущество в данной ситуации будет у слова, имеющее сильную коннотацию. Как известно, аудитория более склонна откликаться на эмоционально повышенные слова.

В следующем отрывке, взятый из речи Франклина Делано Рузвельта, можно разглядеть как использование вторичной номинации, подбор нового контекстуального синонима усиливает суггестивную роль первого синонима.

“So, first of all, let me assert my firm belief that the only thing we have to fear is fear itself - nameless, unreasoning, unjustified terror which paralyzes needed efforts to convert retreat into advance” [189].

Автор делает акцент на слове *fear* и дальше пытается сфокусировать внимание получателя на словах *unreasoning, unjustified terror*. Таким образом, он хочет указать на смысловой центр передаваемого сообщения с помощью приписывания к слову «*terror*», других прилагательных, таких как *unreasoning, unjustified*, чтобы усилить смысл всего высказывания.

Такой выбор более экспрессивного средства направлен на то, чтобы убедить получателя в истине передаваемой информации, добиться от него большего понимания.

Использование одного из таких приемов можно проиллюстрировать отрывок из речи секретаря по вопросам образования Англии Дж. Шефард:

“... We are used to competition from low cost economies in the third world. But new economic giants are emerging, in China, India and Indonesia. The tiger economies of South Asia are growing rapidly” [202, с.177].

Как видно из этого отрывка, воздействие на адресата происходит путём использования не прямой коммуникации. Следует обратить внимание на то, что благодаря такому экспрессивному выражению, как *economic giants* отправитель сообщения пытается яснее продемонстрировать получателю суть происходящих дел в стране. Подкрепляет эту попытку выбранное во второй раз в том же мини-контексте синоним *"the tiger economies"*, обладающий метафорическим характером.

Изучение публичной речи представляет собой большой лингвистический интерес и помогает выявить различные манипулятивные стратегии речи, риторические приемы, которыми отправитель пользуется в целях убеждения.

Для анализа прагматической направленности использования синонимических отношений, нами были отобраны текстовые отрывки из газетных и журнальных статей. Как известно, газетно-журнальная пресса очень активно пользуется различными средствами номинативного варьирования при необходимости выбора нужного синонимического средства. Сюда относятся также синонимы просторечные, заимствованные синонимы, синонимы-жаргоны, синонимами-профессионализмами.

Как, к примеру, в следующем предложении, вместо прямого *loss of money* или *loss of fortune* употребляется *involuntary conversion of property*.

Despite the fact that both the Congress and the United States Treasury Department for a long time have recognized the principle of relieving from tax the gains on involuntary conversions of property, only in comparatively recent years has this form of relief been availed of to an important extent.

Данное выражение широко используется юристами или адвокатами для описания случаев потери или разрушения имущества через ограбление, несчастный случай или конфискации.

Такая насыщенность текстов массовой коммуникации разностилевыми синонимами дает основания нам предполагать, что речь газетно-журнальной прессы в последнее время очень сильно сближается с устными формами коммуникации. А.И.Иванова также солидарна с тем, что благодаря использованию иностранной лексики в СМИ, автору в определенной мере удается сохранить свойства устной речи [55, с.98].

Например, рассмотрим следующее предложение:

“We've no intention of making enemies we've never made a killing on any particular job that is not our intention we are here to stay we are here to do business” [147, с.108].

Помимо этого, учитывая тенденцию газетно-журнальной прессы постоянно отражать изменения, происходящие в языке, конденсация таких синонимов в тексте вполне может завершиться включением просторечной лексики в словарь. А.И.Иванова пишет, что *«нанизывание синонимов может являться одним из способов включения новой, неординарной лексики в узус»* [55, с.28].

Выбор разговорного оборота *make a killing*, означающий *«сорвать куш»* используется как синоним к *to do business*, но с более сильной коннотацией. Такую замену можно оценить как стилистически экспрессивную.

Автор прибегает к различным способам вариативного оформления смысла, чтобы придать сообщению максимально экспрессивный эффект. Похожие замены коммуникативного стиля популярны в официально-деловой речи в сегодняшних СМИ.

И в самом деле функциональные способности языка настолько широки, что в каждом отдельном значении слова можно рассмотреть его способность использоваться на всех уровнях языка. В этой связи Й.Эби пишет, что *«значение многослойно и может интерпретироваться на различных уровнях»* [138, с.138].

Однако мнения лингвистов относительно насыщенности текстов синонимами неоднозначны. Если принимать рационально-прагматическую позицию использования синонимов в текстах СМИ с учетом различных приемов передачи информации, то некоторые грамматисты оценивают синонимию как *«стилистическую неловкость»* [146; 165]. По мнению А.Гартда, насыщенность текста синонимами различных стилистических окрасок препятствует успешному взаимопониманию между коммуникантами (146, с.87).

А.И.Иванова также, ссылаясь на У.Шнайдера, приводит мысль о том, что скопление синонимов в тексте затрудняет *«как смыслопорождение для отправителя сообщения (сложность подбора синонимов), так и смысловосприятие для получателя сообщения»* [55, с.30].

Похожую точку зрения о сложности идентификации денотата с точки зрения психологии языка высказывает У.Шнайдер, *«скопление одинаковых или*

родственных слов в качестве бурного потока звуков окружает и затопляет читателя» [207, с.68]. Похожую точку зрения поддерживает И.Гердер, утверждая, что «синонимы вызывают негодование у грамматиста и психолога» [205, с.67].

Н.С.Валгина считает, что, если в тексте не имеется *лексический повтор*, то, этим самым, усиливается как *выразительность передаваемого сообщения*, так и *возрастает его семантико-стилистическая напряженность* [32, с.36].

Для выявления обоснованности выбора с прагматической точки зрения, нам представляется необходимым рассмотрение поведения синонимических единиц в тексте. И.А.Макарова видит текст *«как вербальную фиксацию проблемной ситуации, где на первый план выходит знаковая форма»* [74, с.12].

Необычность употребления слова, то есть умышленное нарушение его смысловой дистрибуции, приводит нередко (хотя не всегда) к яркой речевой образности [3, с.67].

The UK has a long history of helping those driven out of their homes by war, oppression and persecution. However, many schemes providing aid to refugees are run on a local level by councils or by small charities that rely on public donations and volunteer support [191].

Итак, в сегодняшней прессе сильно выражено стремление к экспрессивности, с одной стороны, и регулированию общественным мнением, с другой.

Общая, объединяющая все случаи интегральная модусная характеристика лексического синонимического перефразирования – неудовлетворенность говорящего однократным обозначением какого-либо компонента смысла высказывания и возникающее по причине этой неудовлетворенности желание оптимизировать коммуникативное действие за счет повторного синонимического обозначения этого компонента [48, с.495]. Рассмотрим пример такого перефразирования:

“Nothing was neutralised and gradually I’ve become not just unhappy but bloody frightened. I now feel it’s exactly as if Christian can’t resist until he’s driven

me too to suicide – oh my God, listen to me, I'm more or less saying I'm being haunted by his ghost – unable to exercise the demon that's infesting me”.

Далее он продолжает:

“Oh no, no, no,” I said very soothing. “What you're really saying – of course – is that you're very troubled about that broken relationship which was unhealed when he died, and that your unassuaged guilt is now so massive that it's inducing all kinds of repulsive and terrifying thoughts” [48, с.495].

Автор стремится к экспрессивности высказывания в начале текста и описывает свое безвыходное состояние эмоционально экспрессивной фразой *until he's driven me to suicide*. Далее он заменяет ее перефразированием эвфемистического характера и использует *all kinds of repulsive and terrifying thoughts*. Тем самым, он делает акцент уже на кое-что более реалистическое, нечто, что даёт надежду на лучший исход проблемы [26, с.73].

Помимо того, что мы используем средства номинативной вариации с целью передачи мысли или намерения отразить действительность, мы часто выбираем слова для воздействия на других людей и даже для сокрытия истинных мыслей и намерений говорящего.

Выбор синонимических единиц и выражений, чтобы воздействовать на публику – одна из главных задач языка СМИ. Поэтому нам представляется возможным утверждать, что синонимические отношения в текстах СМИ имеют особую стилистическую и прагматическую направленность – а именно, нацелены на маскировку реальных событий и являются основным инструментом манипулирования общественным мнением.

Итак, выбор отправителем определенного синонима, с одной стороны помогает организовать информацию, но с другой стороны, он может также и ограничивать информативность сообщаемого или навязывать свою речевую интенцию, то есть носит суггестивный характер. Чтобы снизить интенсивность высказывания или снять с отправителя ответственности за передаваемую мысль, в дискурсе широко используются эвфемистические замены. Об этом мы будем говорить в следующей подглаве.

3.3. Анализ фактора интенции отправителя в политическом дискурсе

Как выяснилось, синонимические средства создают невероятные возможности для осуществления эффективной коммуникации.

Из предыдущих разделов стало известно, что основными лингво прагматическими факторами, влияющие на выбор синонимических средств являются *фактор языковой личности, его языковая интенция, ситуация, тема* и т.д.

Помимо анализа синонимических отношений в СМИ, очень важно рассмотреть поведение синонимов также и в политическом дискурсе. Е.Н.Поскачина отмечает, что *«при поиске адекватных замыслу и ситуации языковых средств и речевых предпочтений при актуализации определенных коммуникативно-прагматических стратегий в политическом дискурсе также необходим анализ синонимических отношений, которые определяют силу смыслового притяжения между языковыми единицами в дискурсе и их выбор»* [88, с.95].

Наша задача в данном разделе выяснить как синонимы способны перевоплощаться из простого способа передачи мысли в метод регулирования её информативностью.

Ю.С.Степанов определяет дискурс, как «особый мир», который функционирует по своим законам порождения текста и правилам синтаксиса, а также имеет специфическую грамматическую структуру и лексикон [100, с.38].

Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию организации общественной информации при использовании в ней синонимических выражений. Е.Н.Поскачина пишет, что *«организация и передача информации в политическом дискурсе непосредственно связана с отбором необходимой языковой единицы или нескольких единиц из ряда синонимичных им выражений, которые влияют на смыслопостроение всего дискурса»* [88, с.96].

Согласно мнению Г.А.Заварзиной, главная задача выбора политических эвфемизмов в тексте заключается в попытке нейтрализовать истинное значение прямых наименований, использование которых нежелательно по политическим, социальным или этическим соображениям [51, с.54-55].

Для произведения нужного эффекта на аудиторию очень важен учёт как экстралингвистических, так и лингво-прагматических свойств языковых средств. Отправитель сообщения также способен создать более эффективное сочетание, объединив в рамках отдельного перформанса учёт вышеназванных факторов [96, с.146].

Одна из главных целей политического дискурса – выстраивать свой текст учитывая идеологическое и культурное происхождение получателей.

Политическому дискурсу присущ своеобразный метод формирования информации, упоминая определенное слово, отправитель включает с своим сознанием ассоциативные семантически близкие слова. Н.Велиева пишет, что *«одной из главных особенностей дискурса является то, что предложения в нем выступают не отдельно, а в связности друг с другом»* [17, с.224].

Выбранный синоним, при этом, выступает в роли словесного «раздражителя», который соседствуя в сознании с другими сходными по значению словами, притягивает к себе релевантные близкие по смыслу слова. Поэтому не странно, что дискурс, особенно политический, требует от отправителя не только высокую степень языковой компетентности, но и способность умело варьировать синонимическими средствами языка. В связи с этим Т.А.Дейк высказал свою точку зрения, согласно которой *«когнитивные стратегии формируют структуру дискурса и его фрагментов и непосредственно связаны с использованием синонимических средств языка»* [47, с.1310].

Одна из ярко выраженных черт политики по сравнению с другими сферами человеческой деятельности заключается в ее дискурсивном характере. Политическая коммуникация, политический дискурс используются практически как взаимозаменяемые синонимы.

Говоря, политический дискурс, мы прежде всего, имеем ввиду совокупность речевых актов, направленные на убеждение и манипуляцию массовой аудиторией. Изучение политической речи немыслимо без учета ее прагматических особенностей. Любая политическая речь, в конечном счете, имеет намерение воздействовать на слушателя, убедить получателя информации.

Сегодня политическое действие чуть не сводится до речевого действия и бытует мнение, что политическая деятельность – это своего рода деятельность языковая. Любой политический деятель, посылая свое сообщение, надеется на получение максимальных результатов в достижении позитивной реакции со стороны получателя. Для этого он прибегает к средствам вторичной номинации. А.Катсз пишет, что «в повседневной жизни говорящий использует *фигуративный язык в процессе общения и он будет использовать данный язык для того, чтобы достичь определенной коммуникативной цели*» [162, с.2].

Из предыдущего раздела стало известно, что в силу складывающейся в определенное время критической социально-финансовой или политической ситуации в англоязычном обществе у деловой и политической лексики развиваются отрицательные прагматические компоненты значения, нуждающиеся в замене более политкорректными синонимичными выражениями. Как, например, лексемы *financial crisis* и *recession* в условиях экономического кризиса приобрели весьма отрицательный смысловой компонент, что привело к частой замене этих слов в различных СМИ более мягкими наименованиями [101, с.101].

Если в предыдущей главе мы рассматривали как факторы социального лингвистического характера влияют на выбор эвфемистических единиц, то в этой главе мы будем изучать обоснованность выбора эвфемии в когнитивно прагматическом освещении, поскольку нам представляется возможным утверждать, что рассмотрение этой проблемы в таком освещении может помочь намного яснее раскрыть прагматической обоснованности выбора синонимов в английском языке.

Итак, нам представляется возможным утверждать, что выбор определенного синонима, с одной стороны, помогает организовать информацию, а с другой стороны, он может также и ограничивать информативность сообщаемого, наделяя при этом синонимы новой ролью, приписывая им функцию поставщиков информации по своему усмотрению.

Количество эвфемизмов в политической речи увеличивается с угрожающей скоростью.

Выше мы уже говорили о эвфемистической замене, как одной из распространенных форм синонимии. Если до сих пор мы обсуждали такую функцию эвфемизированной замены, как «смягчение» высказывания, то в политической речи первоначальная функция таких синонимов-эвфемизмов постепенно отходит на задний план, а на передний план выходит их маскирующая функция.

Изучая сложную природу эвфемизмов У.Лутц внёс в лингвистику новое понятие Даблспика (Doublespeak). По его мнению, *«когда эвфемизм используется, чтобы ввести кого-то в заблуждение или обмануть его, то эвфемизм становится даблспиком»* [171, с.90]. Эвфемизмы, возникающие как продукт Даблспика, имеют особенную природу.

По мнению У.Лутца, *«Даблспик – это язык, который позволяет избежать ответственность или сдвигает её (shifts responsibility), это язык, который находится в противоречии с его реальным и подразумевающим смыслом (purported meaning). Это язык, который скрывает или предотвращает мысль; и вместо того, чтобы расширить мысль, даблспик её ограничивает»* [171, с. 30].

Язык Даблспика очень широко используется влиятельными организациями и мощными корпорациями. В 1984 году правительство США сочло целесообразным больше не использовать слово *killing* и вместо этого предложил употребление фразы *unlawful or arbitrary deprivation of life*. Истинная интенция такого перефразирования заключается в попытке скрыть на тот момент массовые убийства граждан других стран, находящихся под покровительством Америки. Это можно считать одним из ранних примеров использования

Даблспика, языка, созданного для изменения нашей восприимчивости окружающей действительности.

Пентагон также пытался избежать неприятных разговоров о бомбах и артиллерийских снарядах называя их *incontinent ordinance*, как нечто неподдающееся контролю. В 1977 году для нейтронной бомбы было придумано название *radiation enhancement device* [192, с.56]. Как видно, некоторые смысловые замены не обязательно предполагают наличие синонимической себе пары на основе схожести значения. Слова, при этом, могут эвфемизироваться в целях ввести получателя в заблуждение.

Такая языковая игра, где одни слова заменяются вторичными синонимическими средствами, делается намеренное отклонение от стандартов, становящееся причиной для затруднения понимания, и в итоге, заставляя адресата концентрировать свое внимание на смысле неясно использованного слова, отводит его мысли от действительной сущности высказывания. У.Лутц отмечает, что его миссия состоит в устранении Даблспика из политического дискурса и дискуссиях относительно важных вопросов, где его влияние на массы может оказаться весьма опасным. Годами У.Лутц ведет борьбу с Даблспиком, однако открыв любую газету или журнал в наши дни, с первых же страниц можно предположить, насколько тщетны его попытки побороть этот феномен.

В этой связи В.А.Маслова отмечает, что политическим деятелям свойственно целенаправленно пользоваться такими свойствами языка, как вариативность значений, подвижность семантического содержания знака, а также замена объективного субъективным [76, с.45].

Из предыдущего обсуждения явления эвфемии выяснилось, что настоящие эвфемизмы-синонимы должны обязательно предполагать первичное слова-синонимы, которые они заменяют в мягкой форме. По мнению И.Гальперина, если эвфемизм, не имеет парную синонимическую единицу в языке и не опирается ни на какое первичное слово, то это не эвфемизм. Он видит в явлении эвфемии результат стыковки двух или более синонимов. Эвфемизм, не имеющий

себе соответствующего синонима – это «не эвфемизм, а тщательное вуалирование правды» [145, с.173].

Рассмотрим отрывок из следующего диалога Джорджа Буша:

Got it. No, I appreciate it. One of the first things I did as the President was to negotiate a reduction of nuclear – deployable nuclear weapons with Vladimir Putin. Actually, I think we had 6,000 at the time, and we agreed to reduce our nuclear – deployable nuclear arsenals to between 1,700 and 2,200 [200, с.29].

Здесь внимание притягивают синонимические выражения *deployable nuclear weapons* и *deployable nuclear arsenals*, означающие соответственно *развертываемые ядерные вооружения* и *развертываемые ядерные арсеналы*.

На первый взгляд, синонимы кажутся вполне близкими по значению. Однако их выбор предполагает больше, чем обычную взаимозаменяемость в предложении.

В чем же состоит цель такого выбора? Дело в том, что данные слова являются множественной номинацией для определенного понятия, но благодаря наличию в их составе знака *deployable* выступают как слова высокой степени неопределенности [41, с.5].

В словаре «Longman Advanced American Dictionary» приведены следующие определения слову:

1. a) *to organize people or things, especially soldiers, military equipment etc., or to be organized so that they are in the right place and ready to be used;*

b). *to move soldiers, military equipment etc. or to be moved into action.*

2. *to move something or to be moved into a particular position where it can be used* [170; 194, с.75].

В переводе данные дефиниции можно интерпретировать следующим образом:

1. a) *размещать людей или предметы, в особенности военных или военное обмундирование и т.д., или быть расположенным в нужном месте и готовым к использованию;*

b) перемещать войска, военное обмундирование и т.д. или быть введенным в бой.

2. расположить что-либо или быть расположенным в определенной позиции с целью использования.

Вдобавок суффикс *able*, который прибавляясь к словам в английском языке служит для образования прилагательных, указывает в данном случае «на возможность, вероятность, что кто-то может сделать что-то с каким-то предметом или человеком» [194, с.76].

Такой выбор весьма сознателен, так как «в дальнейшем, если возникнет такая необходимость, он может выбрать любой из вариантов множественной интерпретанты, выгодный ему в какой-либо определенный момент, и использовать его как аргумент в пользу конкретных действий» [194, с.72].

Из вышеприведенного текстового отрывка стало ясно, что информация, передаваемая отправителем, не сводится лишь к передаче обычной действительной информации. Попытка влияния на идеологию получателя ощущается довольно отчетливо.

Итак, мы можем пронаблюдать, как политическое влияние на аудиторию формируется из правильного применения языковых ресурсов, а в данном случае синонимических замен.

Таким образом, от выбора подходящего синонима может зависеть формирование особой системы убеждений у получателя. Это, в свою очередь, приводит к формированию у получателей определенного отношения к политическим действиям. Следовательно, благодаря правильному выбору синонимических единиц, политические лидеры ограничивают информацию, поступающую к массовой публике, регулируют ее по своему усмотрению, возлагают ответственность на других и т.д.

Сегодня в СМИ практически невозможно найти такой текст, насыщенность которого синонимам не несет какой-то другой цели, помимо информирования читательской или же зрительской публики.

Такие синонимические выражения употребляются в языке как средство скрытия жестоких и бесчеловечных актов от массового сознания, чтобы они выглядели терпимо и цивилизованным. Тоталитарный и военный режимы таким способом скрывают шокирующую реальность от людей.

Слово *preventive* используется для обозначения «спровоцированные военные действия» (*unprovoked military actions*). Например, выражение *preventive detention* используется для обозначения «задержания политических недоброжелателей» вместо "*the retention of political detractors*" [147, с.98].

При помощи некоторых синонимических средств происходит не только вуалирование правды, но и пропаганда многих противозаконных действий. Манипулирование информацией в политическом дискурсе становится возможным через изменение значения слова или же выбор слов для репрезентации определенных объектов [64, с.120].

Говоря об эвфемизмах К.Берридж указывает на то, что «они помогают в разговорах на такие темы, как войны или убийства с целью скрыть от людей всю плачевность и горечь происходящих преступлений или даже оправдать их». По мнению К.Берридж, «ссылка на эти темы эвфемистическим способом заставляет их казаться более сносными» [132, с.67].

Поэтому, политический дискурс, главным образом, направлен на создание согласия среди граждан относительно основных проблем общества и того, какой курс действий будет наилучшим в решении этой проблемы.

Нужно учитывать и то, что между сегодняшним получателем сообщения и получателем прошлых лет существуют определенные различия, главным образом, в их мнениях относительно конкретных сфер общественной жизни.

Сегодня перед лингвистами также стоит вопросы о связи между политическим дискурсом и культурной идентичностью. Считается важным изучение дискурса с учётом нынешнего состояния общества, глобального общества, с множеством различных мировоззрений и культур. Публика с разнообразностью мировоззрения оказывает большое влияние на политиков и на содержание подготовленных ими текстов.

В условиях глобализации и многонационального общества, политики должны взвешивать свои слова, выбирать правильные выражения, чтобы «отвечать ожиданиям как известного прямого, так и потенциального получателя» [175, с.73]. Такое расхождение во мнениях также учитывается отправителем, когда он строит свой дискурс, и накладывают ещё больше сложностей на его выбор языковых ресурсов.

Другими словами, в дискурсе при выборе слов должны учитываться именно те «концепты, которые отражают различные мировоззрения» [175, с.74]. Политический дискурс должен быть направлен на примирение различных аспектов, как культурная идентичность и универсальные ценности при вербализации этих понятий в различных политических дискурсах. В этом и будет заключаться его успех.

Можно столкнуться с такими синонимами, которые указывают на значимость «сплочённости, единства американского народа» для достижения процветания нации. Например, если обратить внимание на речь Джорджа Буша, то он всегда делает акцент на такие слова, как *the message of unit, the need of unity, to come together, to work together*.

В качестве примера можно рассмотреть отрывок из речи (10 февраля, 2005) 43-его президента США Джорджа Буша младшего, где он подчеркивает это немаловажное качество американцев.

“...America has never been united by blood or birth or soil. We are bound by ideals...”, “...There is not a black America and white America and Latino America and Asian America – there is the United States of America...” [198, с.456].

Следующий отрывок взят из его речи, состоявшаяся 11 июля 2006 года.

“We're not going to lose in Iraq. As a matter of fact, we will win in Iraq so long as we stay the course. Twelve million people have voted. They've now got a unity government” [198, с.476].

Далее, отрывок из речи, которую он произнёс 4 ноября 2006 года:

“We were talking about how we can work together to convince the leader in North Korea to give up his nuclear weapons” [198, с.565].

Из вышеприведенного анализа примечательно, что речь Дж. Буша пропитана лексикой, выражающая патриотизм и любовь к своей стране.

Для описания понятия патриотизма, к примеру, заменяется в дискурсе многочисленными синонимами. Многие из них обладают эвфемизированным характером: *to sacrifice for, willingness to sacrifice, make the ultimate sacrifice, to give life for, to serve, to fight for the country, to risk the life for, etc.*

Некоторые из перечисленных также встречались в выступлениях Дж.Буша. Говоря об американцах, погибших, защищая свою родину он употреблял:

“...they wanted to serve the United States of America, and they did a fabulous job...” [218].

“...The progress of liberty is a powerful trend. Yet, we also know that liberty, if not defended, can be lost. The success of freedom is not determined by some dialectic of history. By definition, the success of freedom rests upon the choices and the courage of free peoples, and upon their willingness to sacrifice...” [218].

Так он намерен убедить людей, что любовь и преданность к своей стране заключается именно в готовности рискнуть ради её благополучия своей собственной жизнью.

Таким образом, из анализа речи политических деятелей и лидеров заметно, что они направлены на создание консенсуса среди жителей, в отношении того, какой же курс действий будет наилучшим способом решения таких проблем, как нищета, преступность, наркомания, расизма, экономический кризис и т.д. [227]. К примеру, Барак Обама старается не акцентировать внимание на своей личности. В своей речи он даже хвалит своих оппонентов, как возможное демонстрирование желания лучшего для своего народа и отсутствия личных и корыстных амбиций в выборах.

Как выяснилось из вышеперечисленных примеров, в качестве отправителя сообщения, любой политической деятель должен учитывать идеологическое и культурное происхождение получателя сообщения, чтобы в итоге получить с его стороны положительную реакцию.

Однако, создать связь между политическим дискурсом и культурной идентичностью и есть основная проблема, которую лингвисты рассматривают уже последние два столетия. По мнению Ю.В.Флерчук, *«с одной стороны, политику, ориентированному на воздействие своей аудитории, необходимо учитывать специфику той аудитории, а с другой стороны, необходимо уметь правильно интерпретировать язык политики»* [107, с.104]. Помимо этого, бытует мнение, что каждый лидер знает предпочтения своей публики и *«конструирует свою речь и использует соответствующую риторику согласно этому знанию»* [163, с.72].

Суммируя вышесказанное, мы считаем правомерным рассмотрение синонимов *«как вспомогательных средств осуществления когнитивных и коммуникативно прагматических стратегий, которые заложены в когнитивную модель носителя языка и естественно связаны с ее языковым воплощением в дискурсе»* [80, с.285].

Таким образом, сознание восприняв одно определенное слово создает перечень различных ассоциативных с этим понятием слова. При этом данные слова описывают разные признаки одного и того же явления. В момент, когда сознание занято выстраиванием необходимой картины того или иного понятия различные социально культурные и перцептивные факторы делают свой вклад в пополнение значений данных близких по значению слов [133, с.471].

Итак, из проведенного исследования влияния прагматических факторов на выбор синонимов в политическом дискурсе и языке СМИ выяснилось, что фактор интенции отправителя является одним из существенных в образовании новых политически корректных синонимов в английском языке. Таким образом, в данной главе мы проследили за тем, как при своём становлении политический язык переносит существенные изменения. Эти изменения, с одной стороны, связаны либо с политическим и экономическим устройством страны, мировоззрения того общества на его определенном этапе развития, и с другой стороны – легко сказываются на выборе синонимических средств языка, средств

вторичной номинации при реализации речевой интенции отправителя сообщения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено разностороннему анализу синонимии с учетом факторов, регулирующие выбор между ними в современном английском языке. В работе рассматривалось как одно и то же денотативное содержание может быть выражено иными альтернативными способами с акцентом на попытку выявления факторов, влияющих на выбор этих альтернатив единиц. При этом мы максимально старались придерживаться схожести значения, как основного критерия при выборе заменного слова, что помогло нам помимо синонимов привлечь к анализу также такие лингвистические единицы как эвфемизмы, синонимы-заимствования, классовые диалекты и другие.

Для получения наиболее достоверных результатов в рамках единой работы было совмещено изучение различных факторов выбора синонимических средств языка, а именно когнитивных, социальных и лингво-прагматических. Как выяснилось, речь отправителя всегда целенаправлена; при каждом употреблении слов он рассчитывает на адекватное понимание получателя. Мы проследили за тем, как когнитивная лингвистика дает полную свободу человеческому сознанию самостоятельно установить связь между синонимами и хранящейся в памяти информацией.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило гипотезу, которая была выдвинута на начальном этапе работы: в синонимические ряды могут быть включены слова, объединенные общностью категории вне зависимости от принципа взаимозаменяемости. Также удалось доказать, что проблема выбора не является изолированным процессом, а представляет собой конечный продукт учёта когнитивных, социальных, социолингвистических и прагматических факторов. Как выяснилось, современное освещение проблемы обязательно предполагает, прежде всего, рассмотрение процессов категоризации, являющиеся основой познавательной деятельности человека, чего мы и придерживались в своей работе.

Итак, в результате проводимого анализа мы приходим к следующим выводам:

– подход к изучению синонимии по принципу «синонимической аттракции» позволил нам выявить лингвистическую и экстралингвистическую детерминированность выбора синонимов в английском языке, намного полнее чем традиционная лингвистика, изучающая синонимию как замкнутую, упорядоченную систему;

– когнитивный механизм, включенный в изучение синонимии, дал нам основания интерпретировать синонимию больше, чем языковое явление, а именно как ментально-языковую категорию;

– синонимия является одним из главных языковых маркеров, указывающих на социальную принадлежность отправителя сообщения в британском обществе;

– синонимы, используемые в тексте, обладают смыслопорождающей функцией: благодаря подбору цепочки двояко звучащих, близких по значению слов в тексте, отправитель снимает с себя ответственность за сказанное, предоставляя получателю полную свободу в интерпретации передаваемого сообщения;

– благодаря анализу синонимов с точки зрения интенции отправителя была установлена суггестивная функция синонимов, широко используемая политическими деятелями как способ управления идеологией получателя;

– анализ выбора синонимов в политическом дискурсе на основе эвфемистических синонимов дало нам основания интерпретировать синонимию, как один из популярных методов скрытия общественно-политических действий в политическом дискурсе.

Таким образом, анализ, проведенный в настоящем диссертационном исследовании, наглядно продемонстрировал сложный характер исследуемой проблематики. Как выяснилось, если раньше в изучении синонимии лингвисты обращали больше внимания на особенности номинативной и стилистической

функций синонимов, то в современной лингвистике когнитивно-прагматические факторы должны восприниматься как не менее важные.

На наш взгляд, именно учёт индивидуальной синонимической аттракции в изучении выбора синонимов с выходом на прагматико-функциональные опоры смогло пролить больше света на вопросы, до сих пор остающиеся без ответа. Поэтому основные выводы данной работы могут однозначно послужить базой для дальнейшего развития теории синонимии.

В заключение можно утверждать, что данное исследование в достаточно полном объеме отражает основные принципы обоснованности выбора синонимических единиц в современном английском языке. Более того, приведенный в работе объемный материал может прослужить основой для проведения в дальнейшем похожего исследования в целях установления закономерностей и принципов автоматического отбора синонимов в современном английском языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

на азербайджанском языке:

1. Abdulla, K.M. Azərbaycan dili sintaksisinin nəzəri problemləri / K.M.Abdulla. – Bakı: MTM-Innovation, – 2016. – 359 s.
2. Abdulla, K.M. Dilçiliyə səyahət [Mətn]: dilçi olmayanlar üçün dilçilik / K.M.Abdulla. – Bakı: Mütərcim, – 2010. – 196 s.
3. Abdullayev, S.Ə. Qeyri-səlis dilçilik təcrübəsi / S.Ə.Abdullayev.– Bakı: Nurlan, – 2013. – 596 s.
4. Abdullayev, S.Ə. Sinonim çoxluqları və ya eyni şeyləri müxtəlif cür adlandırmanın yalanı // – Bakı: Dil və ədəbiyyat, – 2008. № 4 (8), – s.15-45
5. Adilov, M.İ. Təsviri semasiologiya. Azərbaycan dilinin semasiologiyası. Təqlidi sözlər / M.İ.Adilov. – Bakı: Maarif, – 1979. – s.185-305
6. Axundov, A.A. Ümumi dilçilik. Dilçiliyin tarixi, nəzəriyyəsi və metodları / A.A.Axundov. – Bakı: Maarif, – 1979. – 250 s.
7. Bayramov, H.A. Azərbaycan dili frazeologiyasının əsasları / H.A.Bayramov. – Bakı: Maarif, – 1978. – 174 s.
8. Cəfərov, S.Ə. Müasir Azərbaycan dili. Leksika / S.Ə.Cəfərov. – Bakı: Şərq-Qərb, – 2007. – 191 s.
9. Həsənov, H.Ə. Azərbaycan dilinin sinonimlər lüğəti / H.Ə.Həsənov, İ.A.Məmmədov, red. T.M.Hacıyev. – Bakı: Yazıçı, – 1990. – 472 s.
10. Həsənov, H.Ə. Müasir Azərbaycan dilinin leksikası / H.Ə.Həsənov. – Bakı: Maarif, – 1998. – 306 s.
11. Həsənov, İ.Q. Müasir Azərbaycan dilinin leksikası. Ali məktəblərin filologiya fakültəsi üçün dərs vəsaiti / İ.Q.Həsənov. – Bakı: Maarif, – 2007. – 176 s.
12. Məmmədov, A.Y. Diskurs təhlilinin koqnitiv perspektivləri / A.Y.Məmmədov, M.Məmmədov. – Bakı: Çaşıoğlu, – 2010. – 91 s.
13. Seyidəliyev, N.M. Azərbaycan dilinin sinonimlər lüğəti: dərs vəsaiti / N.M.Seyidəliyev, red. T.A. Hacıyev; – Bakı: Maarif, – 2003. – 327 s.

14. Şabanov, R.M. Azərbaycan dili terminologiyasında sinonimlik problemi: / filologiya üzrə fəlsəfə doktoru dis. / – Bakı, 1998. – 192 s.
15. Verdiyeva, Z.N. Azərbaycan dilində leksik sinonimlik: dərs vəsaiti / Z.N.Verdiyeva, V.İ.Lenin ad. Azərbaycan Dövlət Pedaqoji İnstitutu, red. M.Ş.Qasimov. – Bakı: API, – 1988. – 66 s.
16. Veysəlli, F.Y. Dilçiliyin əsasları / F.Y.Veysəlli. – Bakı: Mütərcim, – 2013. – 420 s.
17. Vəliyeva, N.Ç. Dil tipologiyasının aktual problemləri / N.Ç.Vəliyeva. – Bakı: Elm və təhsil, – 2011. – 509 s.
18. Vəliyeva, N.Ç. Frazeoloji birləşmələrin müqayisəli linqvistik təhlili / N.Ç.Vəliyeva. – Bakı: Ünsiyyət, – 2001. – 218 s.
19. Yunusov, D.N. German dilləri ixtisası üzrə materiallar toplusu / – D.N.Yunusov, F.Y.Veysəlli, L.M.Cəfərova. – Bakı: Mütərcim, – 2014. – 208 s.
20. Yunusov, D.N. Mürəkkəb sintaktik vahidlərdə konstantlıq və variativlik / D.N.Yunusov. – Bakı: E.L., – 2008, – 162 s.

на русском языке:

21. Акишиева, А.Т. Прагматические показатели конфликтного речевого поведения персонажей в романе / А.Т.Акишиева, М.М.Ауезова «Путь Абая». – Астана: Художественная литература, – 2013. – с.1-5
22. Александров, П.С. О понятии синонима. Лексическая синонимия / П.С.Александров. – М.: Наука, – 1967. – с.38-43
23. Алефиренко, Н.Ф. Спорные вопросы семантики / Н.Ф.Алефиренко. – М.: Гнозис, – 2005. – 326 с.
24. Арсланова, Е.Р. Общая характеристика дейксиса и тейктических средств в и немецком языке. Когнитология как новая парадигма 21 века // Тезисы III Международной научной конференции, – Челябинск: – 27–28 апреля, – 2006, – с.3-5
25. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова. – М.: СЭ, – 1990. – с.136-137

26. Бабушкина, О.А. Прагмасемантические, когнитивные и типологические характеристики парафраза в диалогическом дискурсе: На материале английского языка: / дисс. кандидата филологических наук / М., 2001. – 189 с.
27. Баландина, И.Д. Синонимическая аттракция как средство создания языковой картины мира // – Тамбов: Грамота, Филологические науки. Вопросы теории и практики, – 2009. №2 (4), – с.50-55
28. Беляева, Е.П. Семантика глагола в прототипическом аспекте // – Тамбов: Грамота, Альманах современной науки и образования. – 2008. № 2. Ч. 2, – с.18-19
29. Беседина, Н.А. Моделирование взаимодействия когнитивных и языковых структур (на примере морфологической репрезентации в языке) Взаимодействие когнитивных и языковых структур / Н.А. Беседина. – М.: – 2011. – с.261-270
30. Болдырев, Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний / Н.Н.Болдырев. – М.: Калуга, – 2007. – с.29-37
31. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие / Н.С.Валгина. – М.: Логос, – 2001. – 304 с.
32. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С.Валгина – М.: Логос, – 2003. – 173 с.
33. Вардзелашвили, Ж.А.Наносемы как латеральный компонент значения слова // Acta Linguistica, – 2007. v.1, – с.55-62
34. Вилюман, В.Г. Английская синонимика. Серия «Библиотека филолога» / В.Г.Вилюман. – М.: Высшая школа, – 1980. – 128 с.
35. Виноградов, В.В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / В.В.Виноградов. – М.: Наука, – 1977. – 312 с.
36. Виноградов, С.Н. Аксиологический аспект словоупотреблений и текстовых повторов // – Н.Новгород: ННГУ, Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского, – 2007. № 6, – с.265-26

37. Вотякова, И.А. Изучение синонимических связей в словообразовательной репрезентации концептов (на примере концепта печаль) // Вестник Удм. ун-та, – 2014. вып.4, – с.184-187
38. Выготский, Л.С. Мышление и речь // М.: Педагогика, – 1982, Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. – 504 с.
39. Гавранек, Б.М. Задачи литературного языка и его культура // – М., Пражский лингвистический кружок, –1967. – с.338-377
40. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г.Гак. – М.: Языки русской культуры, – 1998. – 768 с.
41. Гилёва, Е.С. Формирование современного английского языка. Источники заимствований. // Современные проблемы лингвистики и методики обучения иностранным языкам//По материалам межвузовской научно-методической конференции 10-11 мая 2012г. –М., РИТМ, 2012, – с.15-18.
42. Головин, Б.Н. Введение в языкознание. Изд. 3-е. / Б.Н.Головин. – М.: Высшая школа, – 1977. – 105 с.
43. Гранкина, А.Н. Роль метафорической внутренней формы в сфере синонимии // Вестник ТГПУ , – 2012, № 1 (116), – с.196-199
44. Григорьева, А.Д. Вопросы культуры речи / А.Д.Григорьева, Под ред. С.И.Ожегова. – М.: Наука, вып.2, – 1979. – 343 с.
45. Григорьева, А.Д. Заметки о лексической синонимии // Вопросы культуры речи. – М.: АН СССР, – 1959. вып.2, – с.7-30
46. Гришкова, В.И. Близость значения слов в современной науке о языке. / В.И. Гришкова. –Курск: Курск ГТУ,– 2015. – с.1– 4
47. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А.ван Дейк. – М.: Прогресс, – 1989. – 1617 с.
48. Демидова, Г.В. Варьирование и синонимия в англоязычной терминосистеме переводоведения // Известия Самарского научного центра Российской академии наук,– 2010. т. 12, №5 (2), – с.494-497
49. Дьяченко, И.А. Стратегия создания множественной интерпретанты как прием ухода от ответа в политическом дискурсе // – Тамбов: Грамота,

- Филологические науки. Вопросы теории и практики, – 2014. № 10 (40), – с.69-71
50. Заботкина, В.И. Когнитивно прагматический подход к неологии. Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований / В.И.Заботкина. – Калининград: Калининградский университет, – 1999. – с.3-9
51. Заварзина, Г.А. Эвфемизмы как проявление «политической корректности». // М.: Русская речь, – 2006. вып.2, – с.54–57
52. Закорко, С.В. Психолингвистические основы изучения индивидуального сознания интровертов и экстравертов // – М.: Аналитика Родис, Язык. Словесность. Культура. – 2012. ч. 2, – с.27-30
53. Землякова, С.Н. Особенности отражения прагматической информации в словарях синонимов в аспекте учебной лексикографии // Обрії сучасної лінгвістики, – 2013. № 4, – с.46-51
54. Зинукова, Н.В. Особенности проявления гендерных стереотипов в текстах англоязычной публицистики: переводческий аспект // Polilog. Studia neofilologiczne, – 2013. № 3, – с.235-243
55. Иванова, А.И. Контекстуальная синонимия как проявление номинативного варьирования в тексте: на материале журнальных статей: / дисс. кандидата филологических наук / – Тверь, 2006. – 186 с.
56. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность // – М.: Едиториал университета. – Кемерово: – 2014, № 52 УРСС, 2002. – 264 с.
57. Ковалева, Е.К. Контекстуальная синонимия в дискурсе информационно-технических блогов как средство реализации ключевых концептов // – Вестник Кемеровского государственного, – 2014. № 3, – с.167–168
58. Кодухов, В.И. Рассказы о синонимах / В.И.Кодухов. – М.: Просвещение, 1984. – 144 с.
59. Копань, Л.И. Функционально-коммуникативный аспект повторной номинации в современном немецком языке: / Автореф. дисс. кандидата филологических наук / – Минск, 1986. – 16 с.

60. Костюшкина, Г.М. Прагматика и дискурс // – Иркутск: ИГЛУ, Дискурсивный аспект языковых единиц. – 2006. вып. 4, – с.4-59
61. Крамкова, О.В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // – М.: Вестник Нижегородского университета им. Н.В.Лобачевского Филология, – 2011. № 6 (2), – с.332-335
62. Кривко, И.П. Влияние параметра «возраст» на функционирование синонимической аттракции в лексиконе индивида ко // – М.: Вестник ЛГУ А.С.Пушкина. Научный журнал. Серия филология, – 2010. т. 1, № 1, – с.208-216
63. Кривко, И.П. Ментальный лексикон индивида как самоорганизующаяся система (на примере синонимической аттракции) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, – 2010. № 1 (13), – с.7
64. Кривко, И.П. Специфика синонимической аттракции в лексиконе индивида: синергетический подход: / дисс. кандидата филологических наук / – Курск, 2010. – 167 с.
65. Кропотова, Л.В. Проблема разграничения синонимии и вариантности. // – Тамбов: Грамота, Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2009. №2 (4), – с.157-161
66. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П.Крысин. – М.: Наука, – 1996. – 208 с
67. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П.Крысин. – Берлин: Русистка, – 2000. – с.28-49.
68. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание / Б.А.Ларин. – М.: Просвещение, – 1977. – с.101-114.
69. Лебедева, С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: / дисс. доктора филологических наук / – Тверь, 2002. – 311 с.
70. Лебедева, С.В. Проксонимическая аттракция в лексиконе индивида / С.В.Лебедева, И.П.Кривко. – Тверь: ТвГУ, – 2000. – с.43-50

71. Лебедева, С.В. Средства описания близости значения слов // – Тверь: ТвГУ, Семантика слова и текста: психолингвистические исследования, – 1998. – с.128-131
72. Леонтьев, А.А. Речевая деятельность и психология речи // Основы теории речевой деятельности / Отв ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, – 1974. – с.21-29
73. Лукьянова, Н.А. К вопросу о методике анализа семантических отношений слов в диалектной системе // Вопросы языка и литературы, – 1970. вып.4, ч. 1, – с.100-119
74. Макарова, И.А. Языковая способность как объект интерпретационного подхода в психолингвистике. // – Рязань, Текст и дискурс, – 2002. – с.11-16
75. Малышева, О.Л. Семантико-стилистический аспект контекстуальных синонимов в английском художественном тексте. Лингво-культурологическая парадигма в современных исследованиях. Учреждение образования / О.Л.Малышева. – Гродненский гос. ун-та: ГрГУ, – 2011. – с.28-34
76. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // – Екатеринбург, Политическая лингвистика, – 2008. вып. 1(24), – с.43-48
77. Матвеевич, К.А. Эвфемизмы в современном английском языке (опыт социолингвистического описания): / автореф. дисс. кандидата филологических наук / – Л., 1977, . – 22 с.
78. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики. Учеб. пособие. / М.В.Никитин. – Спб: Науч. центр проблем диалога, – 1996. – 760 с.
79. Никитина, Е.В. Семантические и прагматические характеристики лексической синонимии в газетном дискурсе (на материале электронных версий англоязычных новостных сайтов): / дисс. кандидата филологических наук / – М., – 2010. – 218 с.
80. Новикова, Н.В. Культура использования заимствованных слов в функциональных разновидностях языка // – М.: Наука, Культура русской речи и эффективность общения, – 1996. – с.275-396

81. Овчинникова, А.П. Синонимия в когнитивном аспекте: (на примере английских прилагательных fresh и new // – Томск, Вестник Томского государственного педагогического ун-та, – 2005. вып. № 4, – с.54-60
82. Панченко, Л.М. Усачева А.Н. Коннотация как основание дифференциации синонимов // – Волгоград: ВолГУ. Серия 2. Языкознание, – 2005. вып.4, – с.126-129
83. Пассов, Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е.И.Пассов. – М.: Русский язык, – 1977. – 231 с.
84. Пешковский, А.М. Избранные труды / А.М.Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 174 с.
85. Плотникова, Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности: Порождение, функционирование, узуализация нового слова: / дисс. доктора филологических наук / – Белгород, 2004. – 374 с.
86. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А.Стернин. – АСТ: Восток-Запад, – 2007. – 314 с.
87. Поскачина, Е.Н. Синонимия как один из способов моделирования политического дискурса // – Иркутск, Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. – 2010. № 2, – с.143-149
88. Поскачина, Е.Н. Полицентричная синонимическая модель организации смыслового пространства в политическом дискурсе // – М.: Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. – 2011. вып. № 3, том 7, – с.92-99
89. Потапова, Н.М. Влияние социальных факторов на употребление эвфемизма // М.: МАКС Пресс, Язык, сознание, коммуникация. –2009, вып. 39. № 136, – с.41-49
90. Пупынина, Е.В. Использование корпусного анализа в исследовании синонимов / Труды международной конференции «Корпусная лингвистика», – М., – 2011, – с.288-293
91. Пханаева, С.Н. Синонимия и лексико-семантические варианты полисемии в обучении лексике русского языка С.Н.Пханаева // – Известия Российского

- государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, – 2007. № 13, – с.227-231
92. Русецкая, О.Н., Ямов Н.В. Функционально-стилистические особенности публичной речи // – М.: Вестник Амурского государственного университета, Сер. Гуманитар. науки, – 2010. вып. 68, – с.144-147
93. Саня, С.З. О политических эвфемизмах. Croat. / С.З.Саня. – Slav: Iadert. –2009. – с.235- 249
94. Сложеникина, Ю.В. Логические критерии выбора терминологического варианта // Reosiahag. Institute for Russian Studies, Chungbuk National University. Ю.Корея, – 2007. № 3, – с.1-6
95. Смирницкий, А.И. Лекции по истории английского языка (средний и новый период) / А.И.Смирницкий. – М.: Добросвет, – 2000. – 238 с.
96. Соколова, Е.П. Эвфемистические функции именных перифраз в художественном тексте / Е.П.Соколова. – Москва: Добросвет, – 2000. – 434 с.
97. Солнцев, В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // – Вопросы языкознания, – 1984. №2, – с.31-43
98. Сорокина, Т.С. Функциональные основы теории грамматической синонимии // Вопросы языкознания, – 2003. №3, – с.95-112
99. Старовойтенко, Е.Б. Функции смысла в осмыслении жизненных реальностей. Потенциал слова в индивидуальной жизни // – Москва: Воронеж, Мир психологии, – 2008. №2, – с.80-93
100. Степанов, Ю.С. «Закон» и «антиномия» в гуманитарных науках. От Декарта до Флоренского и Лосева /А.Ф.Лосев и культура XX века./ Ю.С.Степанов. – М.: Лосевские чтения, – 1991. – с.38-51
101. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии и искусства / Ю.С.Степанов. – М.: Наука, – 1985. – 336 с.
102. Тененёва, И.В. Логико-лингвистический аспект терминологической синонимии // – Известия: ЮЗГУ. Серия Лингвистика и педагогика, – 2013. № 3, – с.8-12

103. Третьякова, В.С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы // – Вестник: Челябинского государственного университета, – 2013. № 1 (292), – с.279-282
104. Ушакова, Т.Н. Познание, речь, язык // – М: Когнитивные исследования. Институт психологии РАН, – 2006. – вып.1, – с.13-28
105. Ушакова, Т.Н. Структуры языка и организация речевого процесса // – М., Сборник «Язык, сознание, культура» под ред. Н.В.Уфимцевой и Т.Н.Ушаковой. – 2005. – с.5-18
106. Филатова, Е.А. Лексико-стилистические средства реализации непрямого речевого воздействия (на материале англоязычного политического дискурса) // – Иваново, Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ, Теория и практика иностранного языка в высшей школе, – 2014. Выпуск №6, – с.142-147
107. Флерчук, Ю.В. Специфика синонимизации в контексте гипертекста // – Курск: КГУ, Теория языка и межкультурная коммуникации под ред. Т.Ю.Сазоновой, – 2007. – с.101-106
108. Флорова, Н.Г. Языковые заимствования как факторы, обеспечивающие качество межкультурной коммуникации // – Иностранные языки в школе, – 1998. № 4, – с.84-87
109. Хазиева, Р.М. Синонимические ряды глаголов в английском языке / Р.М.Хазиева. – М., – 2012. – с.22-25
110. Хантакова, В.М. Синонимия форм и синонимия смыслов: теоретическая модель анализа интегративного взаимодействия синонимических единиц одно- и разноуровневой принадлежности: / дисс. доктора филологических наук / – Иркутск, 2006. – 334 с.
111. Хованова, С.Ю., Афанасьева О.В. Особенности синонимических отношений при использовании отглагольных имен типа pay-off // – М., Филология. Теория языка. Языковое образование, – 2009. № 2 (4), – с.21-27

112. Храмченко, Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: / дисс. доктора филологических наук / – М., 2015. – 448 с.
113. Чалей, О.В. Лингвистические и когнитивные подходы в изучении синонимии (на примере английских прилагательных вкусообозначения tasty, delicious) // – Тамбов: Грамота, Филологические науки. 2-х ч. Ч.1. Вопросы теории и практики, – 2015. № 1(43), – с.193-197
114. Чепель, Ю.В. Специфика синонимии в интернет-коммуникации: / дисс. кандидата филологических наук / – Курск, 2009. – 209 с.
115. Черемисина, М.И. К вопросу об абстракции слова // Актуальные проблемы лексикологии. – Новосибирск: НГУ, – 1967, – с.15-19
116. Шабанова, С.А. Многомерность синонимической парадигмы с общим значением «сочувствие» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради. Спб., – 2008. № 24(55), – с.337-341
117. Шалагина, О.В. Роль контекста при выборе семантического варианта в многозначном слове на примере перевода английского существительного // «POWER», №8, – 2014. – с.132-136
118. Шапочкин, Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект: монография. // – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, – 2012. – 260 с.
119. Шепелева, Е.В. Роль заимствований в современном английском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г.Белинского, – 2007. вып. № 7, – с.179-181
120. Шумилова, А.А. Лексическая синонимия: традиционное и когнитивное видение проблемы // – Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2009. вып. 33, № 22 (160), – с.144-148

121. Юлдашбаева, Г.Ф. Парадигматика иноязычного существительного в немецком языке: / дисс. кандидата филологических наук / – Уфа, 2004. – 161 с.
122. Юлнукен, В.А. Новейшие заимствования из английского языка в русском языке: / дипломная работа. / – М., 2008. – 76 с
123. Ямпольская, А.Л. Синонимия как средство создания рекламного образа (экспериментальное исследование): / дисс. кандидата филологических наук. / – Курск, 2009. – 176 с.

на английском языке:

124. Agha, A. Language and Social Relations / A.Agha. – Cambridge: Cambridge University Press, – 2007. – 433 p.
125. Alkire, S. Introducing Euphemisms to Language Learners // The Internet TESL Journal, – 2002. – p. 3-12
126. Allan, B. The Fontana Dictionary of Modern Thoughts / B.Allan. - London: Fontana, – 1988. – 944 p.
127. Allan, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as a Shield and Weapon / K.Allan. – New York: Oxford University Press. – 1991. – 263 p.
128. Allan, K. Forbidden Words: Taboo and the Censoring of Language / K.Allan, K.Burridge. – Cambridge: Cambridge University Press, – 2006. – 303 p.
129. Andriy, S. Argumentative euphemisms, political correctness and relevance / S.Andriy. – Switzeland: Université de Neuchâtel, – 2014. –320 p.
130. Bloomfield, L. Language / L.Bloomfield. – London: Allen & Unwin, – 1933. – 566 p.
131. Brown, P. Speech as a marker of situation / P.Brown, C.Fraser. – New York: Sherer & Giles, – 1979. – p. 33–62
132. Burridge, K. Blooming English / K.Burridge. – New York: Cambridge University Press, – 2004. – 296 p.
133. Coupland, N. Coupland J. Language, ageing, and ageism / N.Coupland, J.Coupland. – New York: Robinson & Giles, – 2001. – p. 465–486

134. Cruse, D.A. *Lexical semantics* / D.A.Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, – 1986. – p. 310
135. Davies, M. *The Corpus of Historical American English (COHA) 1810* / M.Davies. Brigham Young University, – 2009. – p. 53-68
136. Dimarco, C., Hirst G., Stede M. *The Semantic and Stylistic Differentiation of Synonyms and Near-Synonyms. Proceedings // AAAI Spring Symposium on Building Lexicons for Machine Translation.* – Stanford, – 1993, – p.114-121
137. Divjak, D. *Rethinking Synonymy // Research Seminars of the Linguistics Department, UNC at Chapel Hill,* – USA, – 2003, – p.188-213
138. Ebi, Y. *Patterns of Lexical Choices and Stylistic Function, J.P.Clark-Bekederemo's Poetry // – Finland, International Journal of English Linguistics,* – 2011. Vol. 1, No. 1, – p.137-149
139. Edmonds, Ph. *Semantic Representations of Near-Synonyms for Automatic Lexical Choice: / Ph D thesis, Department of Computer Science/ – University of Toronto, 1999.* – 155 p.
140. Enright, D. *In Other Words / D.Enright.* – London: Michael O'Mara Books Limited, – 2004. – 232 p.
141. Evans, T.M. *A dictionary of Japanese loanwords / T.M.Evans.* – Westport CT, Greenwood Publishing Group, – 1997. – 335p.
142. Fairclough, N. *Critical discourse Analysis: The critical study of language / N.Fairclough.* – London: Longman, – 1995. – 265 p.
143. Forgas, J.P. *Language and Social Situations / J.P.Forgas.* – New York: Springer, – Vol. 9, – 1985. – 344 p.
144. Fox, K. *Watching the English. The Hidden rules of the English Behaviour / K.Fox.* – London: Hodder & Stoughton, – 2004. – 432 p.
145. Galperin, I.R. *Stylistics / I.R.Galperin.* – M.: Visshaya Shkola, 2nd edition, – 1977. – 334 p.
146. Gloria, Y.T.K. *“Potato chips” or “fries”? A research study on how do place of abode and Americanization influence the choice of synonyms? / Y.T.K.Gloria.* – The University of Hong Kong LCOM Papers 2, – 2009. – p.101-122

147. Glynn, D. Synonymy, lexical fields, and grammatical constructions. A study in usage-based Cognitive Semantics / D.Glynn. – Berlin: Mouton de Gruyter, – 2010. – p.89-118
148. Goffman, E. The Presentation of Self in Everyday Life. Garden City / E.Goffman. – NY: Doubleday, – 1959. – 161 p.
149. Goodman, N. On likeness of meaning. Semantics and the Philosophy of Language // Linsky Editor, – University of Illinois Press, Urbana, III, – 1952. – p.3-16
150. Gries, S. Corpora in cognitive linguistics: corpus-based approaches to syntax and lexis / S.Gries, A.Stefanowitsch. – Berlin: Walter de Gruyter, – 2006. – 352 p.
151. Halliday, M.A.K. An interpretation of the functional relationship between language and social structure / M.A.K. Halliday. In Uta Quasthoff (ed.) Sprachstruktur– Sozialstruktur: Zur Linguistischen Theorienbildung. Scriptor (Konigstein and Ts)– 1978. – p.3-42
152. Holder, B. Dictionary of Euphemisms / B.Holder. – New York: Oxford University Press, – 2008. – 317 p.
153. Holmes, J. An Introduction to Sociolinguistics / J. Holmes. – Harlow: Longman, – 2001. – 567 p.
154. Hudson, R.A. Sociolinguistics. / R.A.Hudson. – 2nd edition. – Cambridge: Cambridge University Press, – 1996. – 279 p.
155. Hymes, D. Foundations of Sociolinguistics: An Ethnographic Approach / D.Hymes. – Philadelphia: Univ. Penn. Press, – 1974. – 234 p.
156. Jackova, M. Euphemisms in Today's English: [Electronic resource] // Bachelor Thesis, Tomas Bata University in Zlín, Faculty of Humanities. Thesis supervisor Mgr. Lenka Drábková, Ph.D. – 2010. – 134 p. URL: <https://theses.cz/id/9ck0qv/>.
157. Jackson, H. Words, meaning and vocabulary: An introduction to modern English lexicology / H.Jackson, Z.A.Etienne. – London: Continuum International Publishing Group, – 2002. – 201 p.
158. James, W.P. Niederhoffer. Psychological aspects of natural language use: Our Words, Our Selves / W.P.James, R.M.Matthias, G.Kate // Annu Rev. Psychol. –

- Department of Psychology. – Austin: University of Texas at Austin, – 2003. –238 p.
159. Jespersen, O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen. 10th ed. – Oxford: Basil Blackwell, – 1982. – 256 p.
 160. Kanavillil, R. Cognitive versus social aspects of pragmatic meaning: on the importance of identifying the subject as an ethical agent / R.Kanavillil. – Alfa, Sao Paulo, – 1999. – p.135-144
 161. Katamba, F. English words: structure, history, usage / F.Katamba. – New York: Routledge, – 2005. – 352 p.
 162. Katz, A. N. On Interpreting Statements as Metaphor or Irony: Contextual Heuristics and Cognitive Consequences // Metaphor: Implications and Applications / Ed. by Katz A. N., Mio J. S. Mahwah. – N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, – 1996. – p. 1-22
 163. Kaunisto, M. New Words in English. Faculty of languages / M.Kaunisto. – University of Jyväskylä, – 2010. – 167 p.
 164. Konrad, E. The Discourse of Business Negotiation / E.Konrad, W.Johannes. – Berlin: Mouton de Gruyter, – 1995. – 231 p.
 165. Kouletaki, E. Actors in Lexical Choice / E. Kouletaki. – Broadening the Horizon of Linguistic Politeness, – 2005. – p.245-274
 166. Labov, W. Sociolinguistic Patterns / W.Labov. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, – 1972. – 289 p.
 167. Lakoff, R. Language and Woman's Place. //– Cambridge: Cambridge University Press, Language in Society, – 1973. Vol. 2, No. 1, – p. 45-80
 168. Legezova, K. Lexical synonymy of Russian language the end of 20th century and the beginning of 21st century: / Diploma thesis/ _____, 2014. – 171 p.
 169. Levin, B. Revisiting Synonymy / B.Levin. – Helsinki, Stanford University, – 2010. – 211 p.
 170. Longman Advanced American Dictionary / ed. by A. Gadsby. – Harlow: Pearson Education Limited, – 2000. – 1746 p.

171. Lutz, W. *Doublespeak* / W.Lutz. – New York: Harper and Row Publications, – 1989. – 143 p.
172. Lyons, J. *Linguistic Semantics: An Introduction* / J.Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, – 1995. – 396 p.
173. Mammadov, A. *Metaphors in the American and Russian political discourse* // – Rask, – 2010. Vol. 31, – p. 69-87
174. Mammadov, A. *Discourse and translation: Functional-cognitive approach* / A.Mammadov, L.Ziyadova.– Baku: Letterpress, – 2012. –111 p.
175. Marckwardt, A.H. *Common Language: British and American English* / A.H. Marckwardt, R.Quirk. – London: Cox and Wynam Ltd, – 1964. – 79 p.
176. Marmaridou, S. *Pragmatic Meaning and Cognition* / S.Marmaridou. – John Benjamins Publishing, – 2000. – 322 p.
177. Marttinen M. *U or non-U?: A study on social factors and word choices in contemporary British English.* / M.Marttinen. – University of Jyvaskaly, – 2010. – 123 p.
178. Matthews, P.H. *Morphology. An introduction to the theory of word-structure* / P.H. Matthews. London: Cambridge University Press, – 1974. –243 p.
179. *Merriam-Webster's Dictionary of Synonyms: a dictionary of discriminated synonyms with antonyms and analogous and contrasted words.* / – Merriam-Webster, – 1984. – 909 p.
180. Miller, G.A. *Semantic Networks of English. Cognition* / G.A.Miller, C.Fellbaum. – Princeton University, – 1991. – p.197-229
181. Mitford, N. *Noblesse oblige* / N.Mitford. – London: Hamish Hamilton, – 1956. – 237 p.
182. Noël-Smith, R. *Oral Communication. Faculty of languages* / R.Noël-Smith, – University of Jyväskylä. – 2010. – 204 p.
183. Opara, S.C. *Discourse. Stylistics of Speech in Buchi Emecheta's Prose Fiction: / An Unpublished Ph.D. Thesis/* – University of Ibadan, 2005. – 191 p.

184. Osundare, N. *Cautious Paths through the Bramble: A Critical Classification of Style Theories and Concepts* / N.Osundare, – Ibadan: Hope Publishers, – 2003. – 143 p.
185. *Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms.* / – Oxford: Oxford University Press, – 2008. – 773 p.
186. Palmer, F.R. *Semantics: A New Outline* / F.R.Palmer. – Cambridge University Press, – 1976. – 164 p.
187. Piaget, J. *The Language and Thought of the Child* / J.Piaget. – New York: Harcourt, Brace and World, – 1926. – 171 p.
188. Rapi, L. Layers of synonymy in Thomas Hardy's "Tess of the d'Urbervilles" and their translation into Albanian // *European Scientific Journal*, – 2013. ed. vol. 9, No.5, – p.226-243
189. Renee, S. What's in a Word? // *Natural Sciences Teachers Association (NSTA)*, – 2007. Vol. 31, No.2, – p.134-156
190. Robert, B. *Sociolinguistic Variation. Theories, Methods, and Applications* / B.Robert, L.Ceil. – Cambridge University Press, – 2007. – p. 422-442
191. Romaine, S. *Language in Society: An Introduction to Sociolinguistics* / S.Romaine – Oxford: Oxford University Press, – 1994. – 130 p.
192. Ryabova, M. Euphemisms and media framing // *European Scientific Journal*, – 2013. vol.9, No.32, – p. 56-78
193. Sacks, H. On the analyzability of stories by children / In: Gumperz, J.J. & Hymes, D. (ed) *Directions in sociolinguistics: the ethnography of communication.* / H.Sacks. – New York: Rinehart & Winston, – 1972. – p. 216-232.
194. Šebková, K. *Euphemisms* / K.Šebková. – Brno: Masaryk University Brno, – 2012. – p.67-101
195. Sheard, J.A. *The words we Use* / J.A.Sheard. – Great Britain: Tonbridge Printers LTD, – 1962. – 344 p.
196. Sheard, J.A. *The words we use.* / J.A. Sheard. – London: Andre Deutsch, – 1954, 344 p.

197. Sifianou, M. Politeness Phenomena in England and Greece / M.Sifianou. – Oxford University Press, – 1992. – 341 p.
198. The Routledge Encyclopedia of Translation Studies. – London/New York: Routledge, – 1998. – 654 p.
199. Ullmann, St. Semantics. An Introduction to the Science of Meaning / St.Ullmann. –Blackwell, – Oxford, – 1967. – 119 p.
200. Veisbergs, A. Euphemisms in bilingual dictionaries / In Translation and meaning. / A.Veisbergs. – Maastricht: Maastricht School of Translation and Interpreting, – Part 5. – 2001. – p.23-40
201. Wardhaugh, R. An Introduction to Sociolinguistics / R.Wardhaugh. – Blackwell Publishing, – 2006. – 210 p.
202. Wild, O. Selections from Oscar Wild in two volumes. Volume one / O. Wild. – Moskow, – 1979. – 221 p.
203. Yu, L.-C., Shih H.-M., Lai Y.-L., Yeh J.-F., Wu C.-H. Discriminative training for near-synonym substitution // Proceedings of the 23rd International Conference on Computational Linguistics (COLING '10), – 2010, – p. 1254–1262.

на немецком языке:

204. Gardt, A. Sprachreflexion in Barock und Frühaufklärung. Entwürfe von Böhme bis Leibniz / A.Gardt. – Berlin: Walter de Gruyter, – 1994. – 520 S.
205. Herder, J.G. Fragmente über die neuere deutsche Litteratur / J.G.Herder. – Bd. 1. Riga, – 1767. – 345 S.
206. Mangoldt, R. Sprechen über Objekte / R.Mangoldt. Psycholinguistik. Psycholinguistics. Ein internationales Handbuch. – Berlin: Walter de Gruyter, – 2003, – S. 368-399
207. Schneider, W. Wörter machen Leute. Magie der Sprache / W.Schneider. – Zuerich, –Muenchen: R. Piper&Co., – 1976. – 434 S.

интернет-сайты:

208. Bush's Remarks in Midland: [Electronic resource] / – Texas, – 20 January. – 2009
URL: <https://cutt.ly/mbntcwP>
209. George, W.B. Colorado Victory 2006 Rally, Greeley, –Colorado /For Immediate Release / [Electronic resource] – November 4, – 2006.
URL:<https://cutt.ly/ibntany>
210. George, W.B. The Inaugural Address: [Electronic resource] / – Washington: DC, –January 20, – 2001, – 618 p. URL:<https://cutt.ly/ubneN1D>
211. George, W.B. The War on Terror: At Home and Abroad: [Electronic resource] / – Kansas State University: Manhattan, Kansas, – January 23, – 2006 URL: <http://www.presidentialrhetoric.com/speeches/01.23.06.html>
212. George, W.B. Mark Green for Governor of Wisconsin Reception, Milwaukee, Wisconsin: [Electronic resource] /– Government Publishing Office – July 11. – 2006 URL:<https://cutt.ly/vbnrrpC>
213. Johnson, D.W., Johnson R.T. Civil Political Discourse in a Democracy: The Contribution of Psychology: [Electronic resource] // Journal of Peace Psychology. – Peace & Conflict, – April, 2000. – 6(4), – p. 291-317
URL:<https://cutt.ly/rbnrcoZ>
214. President Bush's Remarks on the 20th Anniversary of The National Endowment For Democracy on Democracy in the Middle East: [Electronic resource] – 6 November, – 2003 –United States Chamber of Commerce. Washington, D.C.
URL: <https://cutt.ly/tbnrGqe>
215. The British National Corpus Oxford Learner's Thesaurus, BNC Corpus: [Electronic resource] / – Oxford: Oxford University Press, URL: <https://cutt.ly/abnWazJ>
216. Franklin, D.R. Inaugural Address, March 4, – 1933, as published in Samuel Rosenman ed.: [Electronic resource] / The Public Papers of Franklin D. Roosevelt, Volume Two: The Year of Crisis, 1933 – New York: Random House, – 1938, p.11–16 URL: <http://historymatters.gmu.edu/d/5057/>
217. URL: <http://www.economist.com/>
218. URL: <http://corpus.byu.edu/coha/>

219. URL: <http://dictionary.infoplease.com/great-divide/>
220. URL: <http://theguardian385.rssing.com/chan-6818653/latest.php>
221. URL: <http://www.leeds.ac.uk/educol/documents/000000090.htm>
222. URL: <http://www.oxforddictionaries.com>
223. URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news/world/europe/article4549317.ece>
224. URL: <https://cutt.ly/Lbnm5pf>
225. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/U_English
226. URL: https://www.waywordradio.org/freeter_3/
227. URL: <http://blogs.technet.com/>
228. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2013/dec/19/south-sudan-conflict-spread-border-khartoum>